

**ХАРЬКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

K-14038

ПЗ14410

312'87

**КОММУНИКАТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА
И МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ
ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ**

«ВИЩА ШКОЛА»

1 р. 30 к.

ISSN 0453-7998. Вестн. Харьк. ун-та. 1987. № 312. Комму-
никатив. лингвистика и методика преподавания иностр.
яз. 1—105.

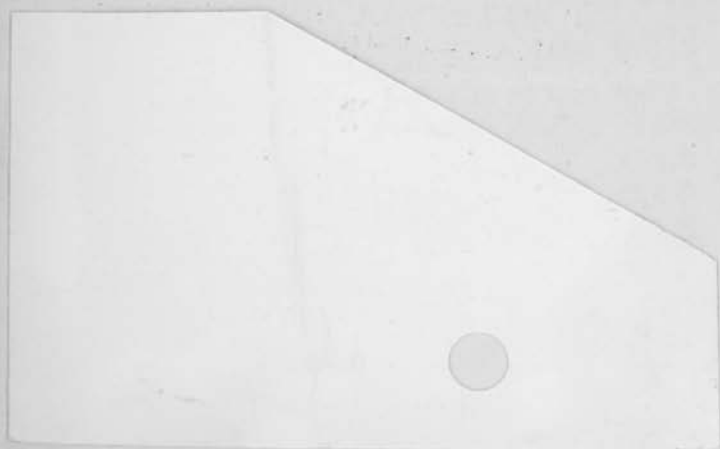
V.N. Karazin Kharkiv National University

00290058

8

1000

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО
СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ УССР

ХАРЬКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 312

КОММУНИКАТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА
И МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ
ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Основан в 1966 г.

ХАРЬКОВ
ИЗДАТЕЛЬСТВО ПРИ ХАРЬКОВСКОМ
ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ
ИЗДАТЕЛЬСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ
«ПЕЧАТНИЦА ШКОЛА»

В статьях вестника освещаются проблемы, рассматриваемые на межвузовской научно-теоретической конференции «Коммуникативные аспекты лингвистики и методика преподавания иностранных языков» (Харьков, 1985 г.). Авторы анализируют информационные компоненты смысловой структуры текста, обосновывают необходимость строгого различия свойств высказывания и предложения как разноразмерных единиц, исследуют социально-психологические факторы, влияющие на оценочные номинации и возникновение и исчезновение коннотатов, описывают результаты экспериментального обучения на основе функционально-семантического поля, освещают эффективность функционально-ориентированных упражнений на базе ЭВМ и др.

Для преподавателей, научных работников и специалистов.

Редакционная коллегия: канд. филол. наук Е. И. Морозова (отв. ред.), Л. В. Конопельцева (отв. секр.), канд. ист. наук О. И. Давыдов, доц. А. С. Калинин, канд. филол. наук доц. В. И. Каравашкин, В. А. Кухтенко, канд. филол. наук доц. С. Т. Навальная, канд. филол. наук доц. Э. Г. Паповянец, канд. филол. наук доц. Л. Н. Черноватый, канд. филол. наук доц. Ю. К. Чучко

Адрес редакционной коллегии: 310077, Харьков-77, пл. Дзержинского, 4, университет, факультет иностранных языков, тел. 45-75-04

Редакция литературы по естественным наукам и филологии
Зав. редакцией *Е. П. Иващенко*

**СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ
ВЕСТНИК
ХАРЬКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**

№ 312

**Коммуникативная лингвистика и методика
преподавания иностранных языков**

Редактор *А. Ф. Балабуха*
Художественный редактор *Т. П. Короленко*
Технический редактор *Г. П. Александрова*
Корректор *Н. И. Бондарь*

И/К

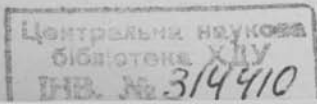
Сдано в набор 05.02.87. Подп. в печать 04.08.87. БЦ 10013. Формат 60×90/16. Бумага типогр. № 2. Лит. гарн. Выс. печать. Печ. л. 6,5. Кр.-отт. 6,75. Уч.-изд. л. 8,9. Тираж 500 экз. Изд. № 1494. Зак. 7-67. Цена 1 р. 30 к. Заказное
Издательство при Харьковском государственном университете издательского объединения «Вища школа»
310003, Харьков-3, ул. Университетская, 16

Отпечатано с матриц книжной фабрики им. М. В. Фрунзе в Харьковской городской типографии № 16, 310003, Харьков-3, ул. Университетская, 16. Зак. № 1425.

Издано по заказу Харьковского государственного университета

В 4602000000-092
M226(04)-87

© Харьковский государственный университет, 1987

КОММУНИКАТИВНЫЙ СИНТАКСИС КАК ОТРАСЛЬ КОММУНИКАТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Изучение языка как функционирующей структуры и средства человеческого общения — одна из важнейших задач языкознания. Вместе с тем многие исследования, проводимые в русле коммуникативной лингвистики, характеризуются некоторой декларативностью. Всесоюзная конференция «Коммуникативные единицы языка» (Москва, декабрь 1984 г.) показала, что в разряд коммуникативной лингвистики включается самая разнообразная лингвистическая проблематика. Называя язык, согласно ленинскому определению, «важнейшим средством человеческого общения», мы тем самым подчеркиваем приоритет его коммуникативной функции, ее генетическое предшествование функции когнитивной и можем считать язык в целом коммуникативной системой, а его единицы любого порядка — коммуникативными единицами.

При неразличении понятий коммуникативности как общего назначения, универсального свойства языка и как формальной выраженности его общительной функции становится оправданным причисление к функционально-коммуникативной лингвистике любого исследования, показывающего действие языка, его использование для обмена информацией, оформления линейных структур, составляющих текст и т. д.

Выявление формальных сигналов совершающегося акта коммуникации представляет собой собственно коммуникативное изучение языка — не в плане философском, а в плане конкретно-лингвистической исследовательской методики.

В рамках коммуникативной лингвистики наиболее непосредственное отношение к описанию форм реализации акта сообщения имеет коммуникативный синтаксис, обычно связываемый с именем В. Матезиуса, хотя уже Г. Пауль членил предложение на психологические субъект и предикат. В терминологическом сочетании «коммуникативный синтаксис» значение слова «коммуникативный» целесообразно трактовать как относящийся к организации сообщения — целенаправленной передаче информации средствами языка.

Сравнивая линейную структуру текста и дискретность знаков естественных языков (членимость потока речи и текста) с другими способами передачи социально значимого содержания — например, с пиктографией (перечеркнутое изображение папиросы — запрещение курения, силуэт идущего вниз по лестнице человека — подземный переход) или с конвенциональными кодовыми сигналами — тремя цветами светофора или другими немотивированными дорожными знаками (так называемый «кирпич», запрещающий проезд), можно уяснить, что временная протяженность (линейность) и дискретность (членораздельность) предопределили возникновение в языке средств,

способствующих выделению единиц, интерпретируемых как сообщения, непосредственно сигнализирующих осуществление акта сообщения, т. е. позволяющих отличить сообщение от случайной последовательности знаков или от их коммуникативно незавершенной последовательности и, наконец, — выразить коммуникативную интенцию говорящего.

Морфосемантическая структура языка отражает коммуникативные потребности. Содержащиеся в ней классы слов и словосочетаний неравноценны в коммуникативном отношении. Одни из них обладают информационной открытостью, незавершенностью: их появление сигнализирует ожидаемое продолжение. Другие, напротив, по своим морфосемантическим свойствам призваны восполнять, завершать высказывание или выступать в качестве коммуникативно самодостаточных. Не говоря уже о служебных словах, класс имен «синсематичен» в коммуникативном отношении. Многие словосочетания с именным центром, если трактовка их как номинативных предложений интонационно не подтверждена, носят явно тематический характер. В свою очередь, личная форма глагола с подчиненными ей словами рематична по природе. О «моменте напряжения», возникающем после открывающего предложение слова, оформленного восходящим тоном, писал около 60 лет назад Г. Амман. Во многом справедлива и теория «поля напряжения» К. Бооста, хотя в ней не учитывалась ретроспективность семантизации произнесенного и воспринятого (синхронная семантизация, очевидно, имеет место только при замедленном речевом темпе).

Однако теория расчлененности неоднословного предложения на тему и рему (основу и ядро, данное и новое, тему и комментарий) пригодны лишь для части текстового материала, а не для глобального текста. Общеизвестно отсутствие, вопреки мнению Бооста, прямой связи между субъектно-предикатной и коммуникативной структурами предложения. Самоочевидно также, что не каждое неоднословное предложение из числа тех, в которых исследователи с помощью серии приемов находят тему и рему, являются фактически, т. е. материально, расчлененными. Ставший уже традиционным коммуникативный синтаксис, как он представлен, например, в многочисленных трудах Я. Фирбаса, сводит процедуру описания текста к бинаризации структуры каждого предложения. Понятие «перехода», используемое им, ничего не изменяет в общей нацеленности теории на выявление обязательных двух центров. Констатация наличия формально выраженной коммуникативной противопоставленности подменяется системой доказательств, обращенных к контексту или фоновым знаниям (исследователя или рядового читателя?). Возможность обнаружения в любом языке структур, содержащих тему и комментарий, была сформулирована Ч. Хоккетом именно как возможность. Но она рассматривается многими как универсальный закон. Постулаты коммуникативистов не снабжаются градуирующими кванторами типа «всегда», «обычно», «допустимо», «маловероятно» и т. п. Это позволяет прийти к выводу, что собственно выразителями акта сообщения, коммуникативными сигналами в конечной инстанции являются не особая лексика, не артикли как таковые, не порядок слов (даже в язы-

ках с варьирующим словопорядком) и, разумеется, не контекст, не осведомленность как апперцепционный фон, а факторы просодические. О том, что интонация подавляет действия других синтаксических факторов, писал Г. В. Колшанский. Постоянное присутствие интонационного способа ремовыражения независимо от участия лексических и грамматических средств подчеркнуто В. Е. Шевяковой. В сущности, каждый способен обнаружить те или иные виды движения тона и коммуникативно релевантные паузы даже в речи на незнакомом языке (при многократном прослушивании). Надо полагать, главенствующая роль просодии проявляется в утрированном темо-рема-тическом расчленении высказывания при повторении его в ответ на переспрос или при исправлении ошибочного варианта прочитанного.

Предлагаемые нами соображения представляют собой некоторую модификацию традиционного коммуникативного синтаксиса. Это построение исходит из позиции получателя речи и, следовательно, направлено на извлечение коммуникативного содержания из заданной текстовой формы, а не на поиски доказательств адекватности априорного представления о расчлененности на тему и рему (или: тему — переход — рему) каждого предложения, состоящего из двух и более знаменательных слов.

Заметим попутно (хотя вопрос заслуживает детального рассмотрения), что попытки разграничить понятия «предложение» и «высказывание», считая последнее относящимся к речи, а не к языку, в принципе правомерны, однако вне объединяющей коммуникативной интонации многие синтаксические конструкции, систематически исполняющие коммуникативную функцию, по структуре не являются двусоставным предложением или предложением вообще, но безусловно эквивалентны ему с учетом фактической, реализованной интонации или с учетом представления об интонации: *Сегодня семнадцатое, как жетсся? Вечером — вряд ли, утром — да* и т. п. Отсюда перед нами альтернатива: либо высказывание существует не только в речи, но и в интенции, в представлении, в языке, либо — если «высказыванием» согласимся называть только обладающий признаками относительной самодостаточности стрезок звучащей речи — предложение как языковсе представление обладает всеми, в том числе интонационными, характеристиками высказывания.

Рассмотрим принципы, лежащие в основе анализа минимальных сегментов высказывания-предложения и текста в целом.

В речи нормального темпа каждый компонент цепи (т. е. морфема, слово, словосочетание, предложение) либо просодически слит с окружением, либо отделен от окружения паузой или ее акустическим эквивалентом («акустическим впечатлением паузы», по выражению И. И. Ковтуновой). Паузальная разобщенность сигнализирует либо границы высказываний (предложений), либо коммуникативное противоположение разобщенных компонентов в рамках высказывания.

Дальнейшее основывается на допущении, что языковед располагает средствами выявления границ между отдельными предложениями текста, хотя подобное допущение игнорирует сложность проблемы. Обратимся к предложению. Используемый вид анализа позволяет

избрать любой его сегмент — морфему, слово, группу слов — и установить, является ли этот сегмент просодически слитым с предшествующим и последующими сегментами или же он отделен интонационно (паузально) от одного из них или от них обоих.

Производя подобный сегментный анализ предложения, мы обнаружим в некоторых предложениях интонационно-паузальную границу, разделяющую тему и рему (имеются в виду случаи, когда в предложении отмечается лишь одна внутренняя граница такого рода). В примерах типа *Если в вами — пожалуй; Дома сидеть — умрешь от скуки* имеет место именно такое четко выраженное теморематическое разбиение. И тематическая, и рематическая части предложения получают «коммуникативный» статус — своей расчлененностью сигнализируют начатый и заверченный акт коммуникации. Напротив, каждое отдельно взятое слово в приведенных примерах находится в чисто номинативной позиции — демонстрирует номинативный статус. Отдельность каждого из них в плане выражения акта коммуникации не более существенна, чем выделяемость морфемы в производных словах типа *небесполезный*. Интонационная слитность слов осуществляет сложную номинацию, но на фоне коммуникативной расчлененности не выражает коммуникации. Слитно интонируемые группы — не только атрибутивные (*Хорошие новости*) или адвербиальные (*Поздно возвращаешься*), но также и подлежащно-сказуемые (*Брат приехал*) коммуникативны лишь в целом, но каждый их компонент номинативен.

Помимо указанных двух, целесообразно различать также номинативно-коммуникативный и изолятивно-коммуникативный статусы отдельных слов и групп слов.

Номинативно-коммуникативные отношения возникают между словом или группой слов, грамматически совместимыми, т. е. составляющими конструктивно-синтаксическую часть высказывания и, в то же время, паузально отделенными от соседних, но не участвующими в чисто коммуникативном противопоставлении тематической и рематической частей предложения. Усложним приведенные примеры, отметив попутно, что просодические черты довольно часто, хотя и не во всех языках одинаково последовательно, отражены в пунктуации, что позволяет ориентировочно воспроизводить фиксированную речь. Итак: *Если только с вами, без них — пожалуй; Дома сидеть, бездельничать — умрешь от скуки, надоест*. Присоединенные однородные члены *без них, бездельничать, надоест* паузально отделены от предшествующих, но не образуют теморематического противопоставления и поэтому находятся по отношению к так называемому левому окружению в номинативно-коммуникативной позиции. Номинативно-коммуникативными могут являться практически любые обособленные члены предложения.

Изолятивно-коммуникативные отношения обнаруживают те сегменты (слова и их сочетания), которые А. М. Пешковский в свое время считал чужеродными предложению. Языковеды уже давно отошли от Пешковского; десятки лет фигурирует термин «вводный член предложения», но важен тот факт, что вводные элементы, обращения и меж-

дометия не являются ни подлежащим или сказуемым, ни дополнением, обстоятельством или определением. Если эти относительно чужеродные сегменты паузально отделены от предшествующих или последующих сегментов, их целесообразно считать находящимися в изолятивно-коммуникативных отношениях с соответствующими сегментами (участками текста). В примере *Ах, Иван Иванович, с вами, без них — обязательно пойду, непременно* изолятивно-коммуникативны сегменты *ах, Иван Иванович* и *непременно*. Заметим, что *обязательно*, являющееся, в сущности, таким же модальным и по функции вводным словом, как и *непременно*, несмотря на свою грамматическую несовместимость с традиционным представлением о члене предложения, будучи произнесено слитно с глаголом *пойду*, сохраняет по отношению к нему номинативный статус.

С использованием предложенной схемы уже проведены и апробированы некоторые исследования на материале английского языка. Следует подчеркнуть, что движения тона и паузация национально своеобразны, но, вероятно, в каждом языке существуют просодические показатели границ кванта коммуникации.

Необходимо отметить, что рассматривались или имелись в виду фонетически оптимальные языковые манифестации — речь нормального темпа и эмфатическая. В беглой монотонной речи многие просодические показатели вообще отсутствуют. Язык как система знаков, замещающих внешние по отношению к нему референты, обладает также внутренними заместительными возможностями. Ни тоновая, ни паузальная расчлененность не являются обязательной характеристикой речевого потока. Словосочетания, слова, морфемы сами несут информацию вопреки дисфункциональным факторам. Нацеленность психики реципиента на извлечение сведений из слышимого или читаемого в значительной мере устраняет обязательность «квантования» речи и текста. Думается, что коммуникативный синтаксис не только в предложенном здесь варианте, но и в принципе не может стать универсальной теорией.

Поступила в редколлегию 18.10.85

В. Я. ПЛОТКИН, д-р филол. наук

Тула

СООТНОШЕНИЕ КОММУНИКАЦИИ, ВЫСКАЗЫВАНИЯ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ФУНКЦИОНАЛЬНО-ГРАММАТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Выдвижение в грамматической науке на передний план функционального аспекта ставит вопрос о соотношении структурного и функционального подходов к грамматическим явлениям. Общеизвестна диаметрально противоположность их направленности — от грамматической формы к содержанию и от содержания к грамматической форме. Однако между этими аспектами нет взаимной симметрии, по-

скольку их основные объекты — инвентарь грамматических форм и область грамматизованных семантических функций — сегментируются на элементы, способность которой к межаспектной корреляции не предполагает соразмерности их объемов. Всякая грамматизованная языковая форма предназначена для выполнения определенной функции и потому функционально специализирована, ограничена; функция же, напротив, не ограничена и нередко осуществляется неспециализированными средствами. Таким образом, межаспектная корреляция объединяет функционально ограниченные формы и формально не ограниченные функции.

Специализированные и неспециализированные средства составляют две части любого базового объекта функциональной грамматики — функционального поля, причем первые образуют его ядерную часть, а последние — периферийную [3, с. 172—174; 4, с. 169, 170].

Высказывание как элементарное речевое произведение есть специализированное средство реализации коммуникативной функции. Но последняя может осуществляться и средствами неречевыми, т. е. иносубстантными и иноструктурными — например, жестами. Это позволяет нам рассматривать высказывание как ядерную языковую единицу в составе функционального поля средств коммуникации, периферию которого занимают различные неречевые средства. Это поле в целом составляет объект новой, находящейся в процессе становления науки о коммуникации, двумя ветвями которой оказываются лингвистика, изучающая ядерную часть поля, и паралингвистика как наука о неречевых, периферийных средствах коммуникации.

Область высказывания как ядерный компонент функционального поля коммуникативных средств, в свою очередь, можно рассматривать как функциональное поле со своими компонентами — ядерными и периферийными. Ведь высказывание может отливаться в стандартизованную форму предложения, но может и не иметь его формы; следовательно, ядерной единицей функционального поля изложений служит предложение, а на периферии этого поля располагаются разнообразные непредложенческие способы построения высказываний.

Рассмотрение предложения как стандартизованной, канонической формы выражения предполагает, разумеется, строгое разграничение двух соответствующих лингвистических терминов. Главное, однако, заключается в выделении конституирующих свойств обоих построений. Высказывание — построение коммуникативное, его целевое назначение — передача от автора к адресату сообщения о том или ином факте, событии. Один и тот же эпизод может стать содержанием многих различных сообщений, каждое из которых строго индивидуально, даже уникально, поскольку осуществляется конкретным говорящим, адресуется конкретному адресату в определенное время, в конкретном акте коммуникации; поэтому никакое изложение не может рассматриваться в отвлечении от акта коммуникации, от его времени и места, от автора и адресата, от отраженной в нем ситуации и от контекста. Изъятие выражения из единственно возможной для

его существования среды с целью лингвистического анализа бессмысленно, потому что при этом исчезает сам объект анализа. Исследователь, не присутствовавший при самом акте коммуникации, не может полностью реконструировать ни авторский, ни реципиентский смысл изложения.

Предложение, в отличие от высказывания, ограничивается номинацией события в качестве «заготовки» для сообщения о нем. Модели предложения обеспечивают стандартизацию такой номинации. Предложение не сводится к своей модели, оно состоит из связанных лексических единиц и описывает конкретное событие, но не адресовано конкретному адресату и в принципе может быть использовано в разных актах коммуникации. Так, многочисленные свидетели какого-либо события могут использовать одно и то же предложение для его описания, но в каждом конкретном акте коммуникации это предложение станет базой для формирования уникального выражения со своим смыслом — авторским и реципиентским.

Из различия функций высказывания и предложения — коммуникативной для первого, событийно-номинативной для последнего — вытекают и различия в структурах этих языковых единиц. Семантическая структура предложения опирается на событие и включает в себя номинацию его партиципантов — актантов и циркумстантов; с ней коррелирует синтаксическая структура из членов предложения. Последняя располагает более или менее строгой организацией — более строгой в языках аналитических, менее строгой при синтетизме, более строгой вблизи синтаксического центра предложения — сказуемого, менее строгой по мере отдаления от него. Без определенной степени структурной строгости предложение не могло бы выступать в качестве канонической формы выражения. Нарушение обязательных для каждого данного языка структурных канонов оформления предложения лишает синтаксическое построение его статуса. Из этого следует, что предложение по самой своей сути неполным быть не может [7, с. 188; 1, с. 324; 6, с. 73].

Главный аспект семантической структуры высказывания — его «актуальное» членение на две коммуникативно значимые части, получившие названия темы и ремы. Что касается предложения, то взятое само по себе в отвлечении от базирующегося на нем изложения, оно такому членению не подлежит ввиду отсутствия непосредственной коммуникативной направленности [5, с. 52—54]. Из двух компонентов темо-ремного членения обязательно эксплицируется в высказывании лишь рема; тема же может опускаться, если она уже известна адресату. Вполне естественно, что в принципе невозможна рема, не отнесенная к какой-то теме, и потому последняя всегда присутствует в авторской интенции и в реципиентской интерпретации выражения. Но тема, однозначно заданная конситуативно, может подвергнуться эллипсису. Если это приводит к устранению из высказывания обязательных компонентов структуры предложения, последнее тем самым ликвидируется, и изложение теряет предложенческую форму (как, например, в обычном диалоге: Вам кого? — Иванова. — В отпуске. — Надолго? — До праздника). Минимальное по составу высказывание

непредложенческой формы — слово, способное нести рему. Если последняя заключается в одобрении/неодобрении события, в согласии/несогласии с собеседником, она может быть выражена и в несловесной форме, в виде междометного образования, подчас не имеющего статуса слова и даже не состоящего из фонем данного языка (таково, например, русское отрицание из двух гортанных смычных).

Таким образом, высказывание может не принимать канонической формы предложения, состоять из словесных фрагментов предложения и в ряде случаев не принимать даже словесной формы. Единственная языковая форма, обязательная для любого изложения — интонация, указывающая на его коммуникативную природу. Способность интонации налагаться на любое высказывание вне зависимости от наличия у него предложенческой формы свидетельствует о том, что предложение как таковое интонационной характеристики не имеет и приобретает ее лишь в составе высказывания.

В отличие от интонации, которая всегда связана с коммуникативной природой высказывания и никогда не принадлежит предложению как таковому, словопорядок в зависимости от типа языка принадлежит либо изложению, либо предложению; в некоторых языках можно видеть взаимодействие двух словопорядков, из которых один относится к высказыванию, другой — к предложению. Русский словопорядок целиком относится к выражению и с присущей ему гибкостью словорасположения обслуживает темо-ремное членение; русское же предложение словопорядка не имеет, и последовательность слов «Сестра завтра передаст мне книгу» — это лишь один из 120 словопорядковых вариантов предложения, описывающего одно и то же событие. Это предложение может, следовательно, послужить базой для 120 высказываний, отличающихся друг от друга своим словорасположением. В английском языке, напротив, словопорядок принадлежит предложению, где он оформляет синтаксическую структуру и потому особенно строго фиксирован в центральной части предложения, состоящей из глагольного сказуемого и беспредложных дополнений. Периферийные же члены английского предложения обладают некоторой свободой расположения, и их место может определяться в рамках изложения, но только в той мере, в какой это не нарушает правил словопорядка. Примером языка с двумя взаимодействующими словопорядками может служить французский, где предложение характеризуется весьма строгим словопорядком, но его структурно обязательные члены могут выводиться за его пределы, оставаясь при этом в составе выражения и подчиняясь словопорядку последнего, а для сохранения структурной целостности предложения на освобожденные выведенными членами места вводятся специальные показатели вывода — местоименные рефлектанты.

Как видим, высказывание может быть по своему составу равным предложению, но может быть и короче его, и длиннее, как во французском изложении с выведенными за пределы предложения членами. Другими случаями увеличения состава высказывания по сравнению с базовым для него предложением являются вводные слова и обращения: давний спор о вхождении или невхождении их в предложение

легко решается, если рассматривать их как компоненты выражения, не включенные в базовое предложение.

Есть также основания допускать объединение нескольких предложений в одно высказывание, традиционно называемое сложно-сочиненным предложением. С другой стороны, одно предложение может быть разделено между несколькими выражениями, что принято называть парцелляцией.

Классификация по цели коммуникации должна относиться, очевидно, к высказываниям как сугубо коммуникативным единицам, подразделяя их на повествовательные, вопросительные, побудительные и восклицательные, т. е. изъявляющие (или не изъявляющие) волю автора к действенной или вербальной реакции адресата, авторскую оценку события [2, с. 257]. Интонация играет, естественно, ведущую роль в отнесении высказывания к той или иной рубрике. Но у этой классификации есть структурный коррелят на уровне предложения — специализированные модели соответствующих их типов [там же, с. 233]. Общая соотнесенность типов изложения и предложения не исключает, однако, достаточно свободного использования структурных типов предложения для построения высказывания иного, некоррелированного типа. Учет их автономности позволяет нам отказаться от натяжек в квалификации того или иного предложения: например, вопросительное выражение «Вы согласны со мной?» построено на базе повествовательного предложения, которое может быть преобразовано в вопросительное путем введения в него форманта *ли* (Согласны ли Вы со мной?).

В рассмотренных нами двух иерархически связанных функциональных полях (средств коммуникации с высказыванием и высказываний с предложением) ядро вышестоящего само оказывается полем на другом уровне. Свойства, присущие ему, не могут быть конституирующими для его компонентов, в частности, для его ядра, поскольку в характеристике поля в целом главенствуют свойства функциональные, а для характеристики ядерного компонента поля наиболее существенны структурные свойства.

Список литературы: 1. Арутюнова Н. Д.. Синтаксис // Общее языкознание: Внутренняя структура языка.— М., 1972.— С. 259—339. 2. Вардуль И. Ф. Основы описательной лингвистики (синтаксис и супрасинтаксис).— М., 1977.— 351 с. 3. Гухман М. М. Грамматическая категория и структура парадигм // Исследования по общей теории грамматики.— М., 1968.— С. 11—174. 4. Гухман М. М. Единицы анализа словоизменительной системы и понятие поля // Фонетика. Фонология. Грамматика (К 70-летию А. А. Реформатского).— М., 1971.— С. 163—170. 5. Николаева Т. М. Актуальное членение — категория грамматики текста // ВЯ.— 1972.— № 2.— С. 67—72. 6. Панфилов В. С. Исходные понятия вьетнамского синтаксиса // ВЯ.— 1984.— № 1.— С. 35—41. 7. Пашковский А. М. Интонация и грамматика // Избранные труды.— М., 1959.— 321 с.

Поступила в редколлегию 18.10.85

СМЫСЛОВАЯ ГРАММАТИКА ТЕКСТА

Всякий текст, при взаимодействии с фоновым знанием получателя (языковым и энциклопедическим), продуцирует в его сознании некоторое психическое отображение сегмента внеязыковой реальности, как оно было задумано отправителем (точность отображения зависит от уровня фонового знания воспринимающего). Это отображение затрагивает логическую и эмоциональную сферу сознания получателя и может рассматриваться как смысл текста, заложенный в него отправителем. Следовательно, смысл текста заложен в него только потенциально, как набор информации, содержащейся в упорядоченном наборе языковых знаков.

Набор сведений любого рода, т. е. информация, содержится в тексте частью эксплицитно, в упорядоченной цепочке языковых знаков, а частью — имплицитно, поскольку актуализируется этой цепочкой из фонового знания получателя, формально не присутствуя в тексте (например: «Сегодня хорошая погода». Слово «сегодня» для получателя будет ассоциироваться с определенной датой, которой в этом контексте является «сегодня»).

Информация имеет три аспекта — семантический, синтаксический и прагматический. Семантический аспект — содержательный, синтактика — это последовательность подачи сведений и способы их языкового представления (разного в разных языках), т. е. аспект формальный, и прагматический аспект — воздействие информации (ее семантики, представленной через определенную форму, т. е. синтактику) на получателя, т. е. аспект функциональный. Прагматическая функция сведений — воздействовать на получателя определенным образом, т. е. актуализировать в его сознании заданный текстом смысл, обеспечивается явной формой (синтактикой) ее содержания.

Эксплицитно и имплицитно содержащаяся в тексте информация (точнее, ее содержательный аспект или ее семантика) поддается качественному анализу. В тексте содержится строгий набор информационных компонентов, обязательное присутствие которых (непосредственно в тексте или в знании получателя) продуцирует в сознании получателя психическое отображение сегмента внеязыковой реальности. Это, прежде всего, сведение об имени внеязыкового объекта, о котором идет речь в тексте. Даже если имя предмета речи непосредственно в тексте не называется, а объект представлен дейксисом или описательным путем, у получателя, адекватно владеющего языком коммуникации, должно быть знание о норме лингвистического представления этого объекта, которое может подкрепляться чувственным или образным представлением. Второй информационный компонент — сема бытийности. Она указывает, что имя в тексте — не абстрактная языковая единица, но соотносится с определенным внетекстовым объек-

том. Этот вид информации может содержаться в глаголе-сказуемом либо как его основное значение (ср. бытийные глаголы, особенно «быть», «существовать» и т. п.), либо как одна из сем («действовать» или обладать признаком — означает, прежде всего, «существовать»). Она может также содержаться в артикле, действительных словах или просто имплицитно текстом. То, что в одном языке имплицитно, в другом может быть представлено строго формально, и наоборот. Так, русская фраза: «Существует в английском языке выражение «сейфти ферст», (означает «безопасность прежде всего», до недавнего времени появляющееся только на спичечных коробках) содержит сведения о существовании внетекстового объекта, именуемого «выражение «сейфти ферст»...». В английском соответствии этой фразе: The expression «safety first» has so far appeared on match-boxes та же информация представлена только определенным артиклем перед именем внетекстового объекта, ибо лингвистическое знание о наличии такого объекта в этом языке присутствует у его носителя. Еще две обязательные информационные компоненты смысла текста — сведения о месте и времени существования внетекстового объекта. Они тоже могут быть представлены различным образом, начиная от семы в каком-либо знаке текста до развернутого предложения (ср.: «жил», «до недавнего времени», «Это случилось тогда-то...там-то»), или же имплицитно, если такого рода информация известна получателю из предыдущего контекста, включая заголовок, из внешнеязыковой ситуации или присутствует в фоновом знании получателя благодаря языковому или неязыковому опыту.

Один из обязательных информационных компонентов, превращающих упорядоченную цепочку знаков в психическое отображение внешнеязыковой реальности — это сведения об оценке отправителем той внешнеязыковой ситуации, которую он отображает. Это оценка степени реальности (достоверности) отображаемого, с точки зрения отправителя (которая может соответствовать реальному положению вещей), оценка им желательности или нежелательности отображаемого, его возможности или невозможности, а также экспрессивная оценка отображаемого (от нейтральной до крайне позитивной или негативной). Все эти виды авторской оценки события составляют модальный компонент высказывания, неоднородный, как мы видим, по своему содержанию и представляемый в языке богатейшим набором языковых средств. В разных языках эти наборы весьма разнообразны, то, что в одном языке выражается грамматическим путем, в другом может быть представлено лексическим, и наоборот (Ср. например выражение нереальности в английском и русском варианте одной фразы: Columbus never heard of that calendar, it did not exist until 100 years after he was dead и: «Колумб не мог слышать об этом календаре, ибо тот появился только спустя сто лет после смерти великого мореплавателя»; в английском варианте невозможность события выражена фактически имплицитно, через изъявительное наклонение и отрицание, а в русском требует употребления модального глагола с отрицанием, т. е. прямого, формального указания на невозможность события в указанных пространственно-временных координатах). Еще один обязатель-

ный информационный компонент смысла текста — качественная характеристика внетекстового объекта, отображаемого текстом. Она также может получить самую разнообразную презентацию в тексте более или менее эксплицитную, более или менее синтаксически развернутую (ср.: «Жил-был молодой и прекрасный, смелый и отважный король, у которого была красавица-жена» и «Жил-был король. Он был молод и прекрасен, смел и отважен. У него была красавица-жена» и т. п.).

Перечисленные информационные компоненты, независимо от степени их эксплицированности в тексте (но при обязательном их наличии в сознании получателя), объединяются в единое смысловое целое связью внутренней предикации, в результате которой имени внетекстового объекта приписывается свойство существования в определенных пространственных и временных параметрах, объект получает качественную характеристику и оценку отправителем по степени реальности, желательности, возможности, а также качественную характеристику. Минимальный отрезок текста, содержащий при взаимодействии с знанием получателя все эти компоненты, продуцирует в его сознании отображение сегмента внеязыковой реальности и потому содержит смысловую единицу текста. Такими минимальными текстовыми отрезками могут быть и предложения, и словосочетания, и даже отдельные имена. Как правило, это имена собственные и географические названия, вызывающие в сознании получателя все необходимые информационные компоненты, чтобы отождествить имя с внетекстовым объектом (Ср. «В Москве сегодня хорошая погода», где «Москва» актуализирует у носителя русского языка все информационные компоненты, позволяющие понять, о каком внетекстовом объекте, реально существующем в определенных пространственно-временных параметрах и обладающем известными качественными характеристиками, идет речь). Минимальный отрезок текста, содержащий сегмент отображения внеязыковой реальности, или смысловую единицу текста, будем называть предикатным выражением (ПВ). Оно, как указывалось, может иметь разную степень грамматической развернутости: от одиночного имени до развернутого предложения или даже целых его групп. Любой текст содержит, прежде всего, так называемые «элементарные» смысловые единицы, т. е. представленные предикатными выражениями, свернутыми до минимума, т. е. до одного эксплицитно представленного такого компонента, например, «сегодня», когда известно, когда именно имеет место это «сегодня» или «в 1941 году», при том, что известная система летоисчисления от рождения мифического Иисуса Христа и т. п.

Элементарные смысловые единицы, представленные в тексте свернутыми ПВ, выступают в качестве информационных компонентов более крупных смысловых единиц (Ср. «В Москве сегодня хорошая погода», где пространственная координата — смысловая единица, представленная именем «Москва», а часть временной — наречие «сегодня», представляющее смысловую единицу, известную получателю из контекста либо внеязыковой ситуации). В пределах этих более крупных смысловых единиц — назовем их «простыми», в отличие от элементар-

ных, — отображаемые внетекстовые объекты связываются говорящим двусторонними и взаимозависимыми связями. Так, во фразе «Вася ушел в кино» внетекстовые объекты, именуемые «Вася» и «кино», взаимосвязаны говорящим как объект пространственной локализации и пространственный локатор, соответственно. Будем называть эту связью групповой предикации. Текстовый отрезок, содержащий простую смысловую единицу, в состав которой входят, в качестве информационных компонентов, одна или более элементарных смысловых единиц, будем называть высказыванием, которое содержит несколько ПВ различной степени развернутости. Простые смысловые единицы объединяются в тексте логическими связями, выражающимися либо логическими связками («И», «или», «если-то», «потому-что» и пр.), либо языковыми средствами, напр.: *These silly cavemen run the space-show and distrust women as did their Victorial grandpas*. В этой фразе союз *and* имеет значение не конъюнкции, как вне текста, но дизъюнкции («между тем», «в то же время» и пр.). Логические связки могут формально вообще отсутствовать в тексте, и выводятся получателем либо на основании предыдущей информации текста, либо на основании собственного языкового и неязыкового опыта. Напр.: *Being in rags, he bought a new suit of cloths and a donkey and set out to see the queen*. Информация о наличии лохмотьев у героя, содержащаяся в причастном обороте (*being in rags*) позволяет получателю сделать вывод о том, что герой не небрежен в одежде, но крайне беден, что и является причиной его последующих действий.

Логические связи, как видим, имеют разные способы выражения в пределах одного языка, и тем более вариативны в разных языках.

Информационные компоненты текста, объединяемые связью внутренней предикации в элементарные смысловые единицы, образуемые связью групповой предикации, и сложные смысловые единицы, образуемые из простых посредством логических связей, образуют смысловую структуру текста и могут рассматриваться как компоненты особой, «смысловой грамматики».

Поступила в редколлегию 18.10.85

Я. Б. КРУПАТКИН, д-р филол. наук,
Г. П. МЕЛЬНИКОВ, канд. филол. наук
Севастополь

О КОММУНИКАТИВНОЙ ФУНКЦИИ СЛОВСОЧЕТАНИЙ

Трудности в описании словосочетаний восходят к двум источникам: взгляд на словосочетание как единство несамостоятельное, неполноценное и полная неясность в отношении его структуры.

В английском языке возможны только именные и глагольные словосочетания, и только в пределах четырех видов: простое нераспространенное, простое распространенное, сложносочиненное и сложноподчиненное. То же должно быть справедливым для других индо-

европейских языков, в том числе русского. И связано это с причинами типологического характера [3, с. 87; 4, с. 48—49].

Рассматриваем проблему «несамостоятельности» словосочетаний*. Например:

1. *The Conference opens.* — *Opening of the Conference.*
2. *The President is elected.* — *Election of the President.*
3. *The agenda is adopted.* — *Adoption of the agenda.*

Не вызывает, на наш взгляд, сомнений, что отрезки слева — это грамматические (формально-структурные) предложения, в коммуникативном плане — сообщения [5, с. 347—348]. Однако насчет отрезков справа встречаются, как минимум, два подхода: 1) словосочетания (они, как единства некоммуникативные, не могут быть формой сообщения); 2) сообщения: сообщается повестка дня (а значит, это и предложения («неполные», «односоставные»)).

Оба подхода, все-таки не согласовываются, поскольку исходят из противоречивой трактовки предложения. По традиции различают предложения с подлежащим и сказуемым (двусоставные) и предложения только с подлежащим или только со сказуемым (односоставные). Кроме того, предложениями называются и речевые отрезки, в которых невозможно отыскать ни подлежащего, ни сказуемого. Одна из причин, почему к предложению могут быть отнесены столь непохожие речевые отрезки, заключается в том, что лингвисты до сих пор отождествляют предложения то на основе формы отрезка (критерий грамматический), то на основе его коммуникативного значения (критерий смысловой).

В разное время делались попытки избавиться от противоречий, однако они характеризовались непоследовательностью. Отказавшись от взгляда на предложение как на «законченную мысль», в нем пытались увидеть законченную форму (конструкцию) в «независимой позиции». Но конечный результат при этом оставался неизменным: например, речевой отрезок *John!* был предложением не только для Г. Суита [12, § 447, 452] и Э. Кройзинги [10, § 2073, 2120], но и для О. Есперсена [9, с. 356—357] и Л. Блумфилда [7, с. 170]. Резонной альтернативой мог стать взгляд на предложение как форму, содержащую хотя бы один самостоятельный глагол с его подлежащим, в рамках достаточно реалистичных подходов М. Брайант [8, с. 3—4] и Л. Марквардта [11, с. 144]. Но в так называемых неполных предложениях авторы не увидели словосочетаний: вероятно, и им казалось невозможным согласовать статус словосочетания с повсеместным использованием таких отрезков в коммуникативной функции сообщения.

В этой связи едва ли можно понять и нередкие обращения к авторитету А. И. Смирницкого [6]. Считая решающим фактором интона-

* Среди простых словосочетаний именное распространяется только за счет слов (*natural process*), а глагольное — за счет слов (*are always violet, regulates the new mixer*) и именных словосочетаний (*vibrates after the start*). Среди сложных именное бывает сложносочиненным и сложноподчиненным, а глагольное — только сложносочиненным.

цию, он как будто предполагал, что, когда отрезок, соответствующий по форме словосочетанию, сопровождается в устной речи особой интонацией, то делается предложением [там же, с. 50—51]. Чтобы найти этому обоснование, автор предполагал, что только предложению свойственна интонация [там же, с. 36]. А чтоб и это обосновать, он допускал, что предложение — основная единица речи, а словосочетание — подсобная [там же, с. 50].

Но одними предположениями нельзя что-либо доказать. Да и в самих предложениях обнаруживается фундаментальная некорректность: интонация — средство фонического аспекта языка, а словосочетание и предложение — средства грамматического аспекта, потому интонация никак не может превращать одну грамматическую единицу в другую [1, с. 25]. Следует иметь в виду, однако, что А. И. Смирницкий не готовил свои размышления к печати. Книга составлена после его смерти на основе студенческих и аспирантских записей разных лет. И упрека заслуживают те, кто при публикации не обратил внимание на естественные в таком материале незавершенности принципиального характера.

В целом можно утверждать: сегодня не существует никаких доказательств того, что только предложение есть подходящая форма для передачи сообщения, а другие речевые отрезки, в частности словосочетания, для этого не годятся. Но тогда актуально звучит свидетельство В. В. Виноградова: «Вопросы о грамматической сущности словосочетания, об объеме словосочетания, о его форме и значении, о его отношении к предложению и слову в разных языках еще остаются мало изученными» [2, с. 10].

Мы полагаем, что, отказавшись от привычных, но недоказуемых постулатов, исследователю следует опереться на общепризнанные теоретические представления и непредвзятый анализ речевой практики.

Начать можно с выделения в языке достаточно независимых, хотя и соотносимых друг с другом, аспектов его организации — грамматического, смыслового и фонического. Если предложение и словосочетание суть единицы *грамматические* (формально-структурного!) аспекта, то их различие должно основываться исключительно на различиях в форме. Непременной чертой предложения будет присутствие в данном отрезке глагольного словосочетания с глаголом в личной форме и соотнесенного с ним именного словосочетания с существительным в именительном падеже; тогда как присутствие лишь одного из этих двух единств будет признаком словосочетания. Нас не должны при этом смущать ни возможность в связной речи различных эллипсисов, ни отсутствие признаков предложения в так называемом «повелительном предложении», разговорных формулах YES., Thank you, обращении John! Первые подлежат объяснению и перечислению, вторые — отнесению к периферии грамматической нормы, с ее особыми структурными закономерностями (Let me read it, read it, let her read it, etc.).

Однако при обращении к *смысловому* аспекту речи нет никаких оснований жестко связывать обнаруживаемые здесь факты с теми, которые характерны для аспекта грамматического. В отличие от

высказывания, как любой последовательности знаков данного языка, сообщение есть такая последовательность знаков (в том числе и единичного знака), при восприятии которой слушающий или читающий осуществляет элементарный мыслительный акт и тем самым получает порцию новой информации. В языках с более или менее развитой морфологией типичное сообщение организуется в специальной форме, а именно в форме предложения, которое содержит в себе упоминавшиеся именное и глагольное словосочетания. Но в конкретном коммуникативном процессе в качестве сообщения используются форма предложения и форма любой значащей единицы, начиная с морфемы (Oh!), а в письменной речи — даже такие заместители значащих единиц, как взятые в скобки знаки вопроса и восклицания. Отсюда должно следовать, что и приказания, и обращения, и речевые формулы вполне могут быть сообщениями без присвоения им статуса предложения.

Часто в повседневной человеческой практике сообщение имеет форму словосочетания (вывески и указатели на улицах, наименования товаров и услуг в магазине, тексты на почтовом конверте, открытке, бланке, под иллюстрациями и т. д.). Вот, к примеру, словосочетания из промышленного каталога: именные — Tool Components, Tool and Die Makers Supplies, Knobs, Spring Loaded Devices; глагольные — Gives your product a distinctive appearance, Has many applications on machinery. Это же относится к устному общению: What frightened the burglar away? — The barking dog [13, с. 25]. Таким образом, лингвисту предстоит описать различия между грамматическими формами сообщений и по возможности объяснить выбор определенной формы для данной ситуации.

Сравним коммуникативное функционирование предложений и словосочетаний. При этом мы считаем, что актуальное членение есть инструмент для создания такой последовательности знаков-сигналов, которая дает указание о «старом (новом) знании». Мы сознательно ограничиваемся той массой случаев, когда грамматическая форма соответствует своему «амплуа», т. е. глагол, отглагольное образование, часть сказуемого без вспомогательного глагола соответствуют «новому» (réme), а предикативно связанное с ними имя соответствует «старому» (теме).

Итак, надо признать, что хотя в приведенных выше примерах формы слева соответствуют предложению, а справа — словосочетанию, но те и другие годятся для передачи сообщений. Чаще всего первые можно употреблять при описании событий происходящих или происходивших, вторые — для перечисления событий планируемых. Особенно важно то, что есть возможность различать указанные сообщения с помощью общепризнанных понятий актуального членения. А именно, сообщение The Conference opens может быть описано как «темно-ремное». Тогда как Opening of the Conference — в соответствующем контексте — как «ремно-темное».

По-видимому, возможны также сообщения «чисто ремные», предполагающие достаточную осведомленность слушающего или читающего относительно соответствующей темы. Таков, например, ответ в обмене репликами: Where is George? — Sleeping. Или первая часть

рекламного обращения к подписчикам профессионального издания: Moving? Send this sheet with address correction to the above address.

Наконец, о том же может свидетельствовать и случай, когда грамматическая форма не соответствует своему амплуа. А именно, когда в уже знакомом примере рема выражена с помощью именной группы в именительном падеже: The barking dog.

В той мере, в какой указанными различиями описывается основная масса сообщений, мы, вероятно, вправе заключить, что речевой отрезок в форме словосочетания, когда он используется в коммуникативной функции, не только не может, но и не нуждается в получении статуса предложения.

Нельзя исключить, что к подобному выводу приближался О. Есперсен. Как известно, в духе науки своего времени он отождествлял всякое сообщение (называл его «высказыванием») с предложением. И полагал, что «для того чтобы слово или группа слов стали предложением, не требуется никакой особой грамматической формы*, в связи с чем одночленные предложения живой эмоциональной речи «имеют все основания считаться естественными и обычными предложениями» [9, с. 358]. Но, как мы стремились показать, сообщение может быть выражено многими грамматическими формами. А значит, нет нужды отождествлять его с предложением.

Словосочетание, как и предложение, может служить формой сообщения. Каждая из двух единиц синтаксиса в основном закреплена за особой сферой коммуникативного функционирования, хотя между этими сферами и нет какой-либо жесткой границы.

Список литературы: 1. Ванников Ю. В. Синтаксис речи и синтаксические особенности русской речи. — М., 1979. — 296 с. 2. Виноградов В. В. Введение. Грамматика русского языка. — М., 1954. — Т. 2. — Ч. 1. — 239 с. 3. Крупаткин Я. Б. Формально-структурное описание языковых групп (фраз) // ВЯ. — 1984. — № 3. — С. 21—26. 4. Мельников Г. П. Проблема универсального и национального в ФСНИТЛ // Первая республиканская научная конференция «Проблемы повышения квалификации филологов-переводчиков научной и технической литературы и качество перевода». Тезисы докл. — Шауляй, 1982. — С. 6—10. 5. Мельников Г. П. Синтаксическое значение и синтаксический смысл // «Proceeding of the Eleventh International Congress of linguists.» Vol. 11. — Bologna, 1972. — Р. 35—38. 6. Смирницкий А. И. Синтаксис английского языка. — М., 1960. — 441 с. 7. Блумфилд Л. Язык: Пер. с англ. — М., 1975. — 398 с. 8. Bryhaht M. A functional English grammar. Boston, 1945. — Р. 198. 9. Есперсен О. Философия грамматики: Пер. с англ. — М., 1958. — 311 с. 10. Kruisinga E. A handbook of present-day English. — Part 11. — Vols. 1, 2, 3. — Groningen (1st ed. 1909) // Marckwardt A. H. Introduction to the English Language. — Oxford, 1950. — 329 p. 12. Sweet H. A new English grammar, logical and historical. — Part 1. — Oxford, 1950. — 186 p. 13. Fries Ch. C. The structure of English. — N. Y., 1952. — 220 p.

Поступила в редколлегию 19.10.85

* В книге А. И. Смирницкого тоже утверждается, что «в английском языке нет каких-либо видимых ограничений в отношении использования форм и количества слов при построении предложения» [6, с. 51].

К ПОСТРОЕНИЮ ГРАММАТИКИ РЕЧИ

Два взаимосвязанных принципа описания языка — системный и функциональный — отражают два основных способа существования лингвистических единиц: в языковой системе и речи. Воссоздание языковой (под)системы путем обобщения речевых реализаций осуществляется на функциональной основе. Это обеспечивает системное «видение» грамматических форм сквозь призму их функционального диапазона [10, с. 39].

Язык и речь сложные феномены, для которых характерны многосторонние взаимоотношения. Ф. де Соссюр подчеркивал первичность речи как явления непосредственно наблюдаемого. Язык, выделяемый из речи путем абстрагирования, скрыт за многочисленными речевыми реализациями. Одним из условий реконструкции языковой системы является определение ее элемента в речи по его функции [12, с. 185]. Такой элемент представляет собой неделимый компонент определенного уровня системы при данном способе его расчленения. Составляющие элемента — компоненты другого уровня языковой (под)системы. При этом постулируются различия субординационных (разноуровневых) и координационных (одноуровневых) отношений между элементами языковой системы [2, с. 134], т. е. задается композиция языковой системы. Однако эти два вида отношений не исчерпывают всех, в том числе и основных, характеристик организации языковой системы. Одной из них, и наиболее существенной, в организации языковой грамматической системы является соответствие аспектов — ведущий принцип и отношение, имеющие разную широту применимости к композиции системы и строению ее элементов.

Уровень предложения — маргинальный в иерархии языковой синтаксической системы. Предложение — многомерная (многоаспектная) синтаксическая единица. Его аспекты (синтаксической структуры, целевой установки, актуального членения, смысловой — денсативный) находятся в отношениях дополнительного соответствия. Последнее как определенное отношение между взаимодействующими сторонами предложения — фундаментальное свойство его организации [5, с. 15—17]. В таком понимании соответствие выражает связь (отношение) — качественную определенность в строении предложения, аспекты которого по-разному ориентированы в область языковой системы и речи. Однако все аспекты, кроме актуального членения, характеризуют типовые модели предложения в языковой синтаксической системе. Функциональный подход при реконструкции языковой синтаксической системы заключается в моделировании типовых соответствий / несоответствий при речевой реализации предложения. Языковая система объединяет два вида свойств составляющих ее элементов: внутрисистемные и потенциально-речевые. Существует зависимость между характером соответствия аспектов в типо-

вых моделях предложения и их отношением в поле языковой синтаксической системы, а также группировкой в центральной и периферийной областях. Первоначально объединение предложений осуществляется в аспекте синтаксической структуры (простое, сложное). Внутренняя группировка основывается на соответствии/несоответствии аспекта синтаксической структуры и смыслового, точнее на согласовании сигнификативного и смыслового (денотативного) значения. Само соответствие становится системообразующим признаком — главным ориентиром в изучении позиционных отношений типовых моделей предложения в языковой синтаксической системе. Языковая синтаксическая система есть отражение функционального принципа существования структурно гомогенных (по уровням) лингвистических элементов. Будучи объективной по своей природе, информация, которая хранится в системе, может передаваться только в субъективной форме. Субъективная форма — это прежде всего речевая форма. Языковая система знаков безразлична к говорящему [9, с. 73]. В речевом акте происходит субъективизация языка, превращение его в речь. Если согласиться с мыслью, что речь не только процесс реализации (объективизации) синтагматического аспекта языка [7, с. 17] и что речь не является лишь индивидуальным проявлением говорящего, представляющим индивидуальный вариант языка, его «идиолект» [4, с. 27] и т. д., то, очевидно, можно рассматривать речь как совокупность связанных между собой элементов, предполагающей определенный способ их существования.

«Речь хранит нечто спонтанное и живое, это очень существенно. Ведь без этого ничего не было бы. Эта спонтанность и «живость» речи может быть завуалирована развитием грамматических формул и в этих случаях речь может показаться просто результатом функционирования языка, и тем не менее она всегда нечто большее» [6, с. 53]. Область речи шире языковой системы, поскольку она включает: 1. Высказывания, воспроизводящие «внутреннюю и внешнюю» форму типовых системных моделей: *Gabriel araison. Il y a encore des hommes, vraiment des hommes. Si tu ne sais pas les voir, laisseles — nous* (J. Giraudoux). Все приведенные примеры внутренне и внешне построены по образцу типовой (системной) модели. Характерно, что союз в последнем предложении употреблен в значении *puisque*. В данном случае факт внутрикатегориального несоответствия структуры и смысла (в пределах категории подчинения) сам по себе не примечателен. Существенна лишь речевая реализация модели в аспекте синтаксической структуры; 2. Высказывания, воспроизводящие лишь внешнюю форму типовых моделей: *Et pourquoi qu'elle ne serait pas chauffeuse de taxi?* (R. Sabatier). *Qui, qui veut venir avec moi? Quoi qui va pas?* Эти частные вопросы сохраняют основную структурную схему сложноподчиненного предложения. Главная часть — вопросительное слово (антецедент) — вступает в непредусмотренные системой отношения с придаточным относительным, которое вводится *que* или *qui*. Отметим, что преобразование простого вопроса в сложноподчиненный комплекс обусловлено эмоционально-логическими задачами. Выделяется рематический компонент конструкции, в которой вопросительное слово

соотносится (через союзное слово *que, qui*) с глаголом-сказуемым придаточной части. Интерес представляют контаминированные речевые конструкции, которые включают предикативные части разных типовых моделей. Ср., например, сложносочиненное альтернативно-вопросительное предложение «прямой вопрос плюс косвенный вопрос»: *Tout genre d'écriture reçoit-il le sublime, ou s'il n'y a que les grands sujets qui en soient capables?* (J. de la Bruyère). Такая контаминированная структура включает не весь косвенный вопрос, а лишь вторую часть. 3. Высказывания с «нарушением» внешней структуры типовой модели: *Elle pensa qu'il avait compris. — Oui, dit-elle. — Ça t'amuse? Ou ça fait plus que t'amuse.* Налицо присоединительная конструкция альтернативного вопроса. Линейное следование частей отражает ход размышления говорящего. Возможно дистантное расположение присоединительного предложения по отношению к основному: *Pleurait-il? Ce n'était pas impossible. Ou peut-être se sentait-il malade* (J. Simeon). Говорящий допускает возможность действия, о котором идет речь в первом вопросе. После этого он «присоединяет» новый вопрос, высказывая еще одно предположение.

Речь может включать и свои собственные построения. Например, так называемые номинативные предложения, некоторые формы диалогических единств и т. п. Располагая информацией о моделях языковой системы, их внутренних и внешних свойствах, возможно определить номенклатуру конструкций, которые постоянно воспроизводятся в речи. Объект лингвистики речи — это также существование и употребление высказываний различного рода (от системных до «асистемных»). Можно предположить, что в обобщенном виде они связаны между собой и располагаются в определенной области синтаксической системы речи. Варианты моделей, не закрепленные в языковой системе, проявляются в речи, но возможности их заложены в системе языка. Будучи композицией элементов с потенциальными свойствами, синтаксическая система речи занимает промежуточное положение между лингвистикой языка и лингвистикой текста [8, с. 179].

Речевая сфера, представляющая непосредственное функционирование высказываний, собственно дискурсе, входит в грамматику текста. Именно для текста релевантно актуальное членение, его тематическая связь между высказываниями. Будучи определенным планом грамматики речи, дискурс имеет свои собственные характеристики, обусловленные речевой деятельностью говорящих. Многие положения теории «речевого акта» относятся непосредственно к дискурсу [3, с. 11—16].

В грамматику речи, ее потенциальную сферу, целесообразно включать и функционально-семантические категории, поскольку они представляют, как правило, объединение разноуровневых элементов языковой системы на основе семантического признака [11, с. 206]. Причем структурный признак, а также соответствие структурного и смыслового аспектов не играют существенной роли в организации функционально-семантических категорий. В этом отличие группировки элементов в языковой системе и функционально-семантической категории, хотя обе композиции имеют полевую структуру [13,

с. 220—240]. В функционально-семантических категориях, составляющих основу одной из разновидностей функциональной грамматики [1, с. 21—26], свойства элементов языковой системы и системы речи взаимодополняют друг друга (на пути анализа от значения к форме и от формы к значению). Таковы некоторые характеристики построения и места среди лингвистических дисциплин грамматики речи.

Список литературы: 1. Бондарко А. В. Функциональная грамматика.— Л., 1984.— 136 с. 2. Бенвенист Э. Общая лингвистика.— М., 1974.— 407 с. 3. Гак В. Г. Прагматика, узус и грамматика // ИЯВШ.— 1982.— № 5.— С. 11—16. 4. Карлинский А. Е. Билингвизм и интеллект // Интеллект и речь.— Алма-Ата, 1972.— Вып. 2.— С. 26—28. 5. Минкин Л. М. К вопросу о многоаспектности предложения и композиции языковой синтаксической системы // ИЯВШ.— 1980.— № 4.— С. 15—19. 6. Сеше А. Три сосюрровские лингвистики // История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях.— М., 1965.— С. 53—57. 7. Скребнев Ю. М. Введение в коллоквиалистику.— Саратов, 1985.— 202 с. 8. Слюсарева Н. А. Лингвистика речи и лингвистика текста. Аспекты общей и частной лингвистики теории текста.— М., 1982.— 189 с. 9. Солганик Г. Я. К проблеме типологии речи // ВЯ.— 1981.— № 1.— С. 70—79. 10. Шелякин М. А. О единстве функционального и системного описания грамматических форм в функциональной грамматике // Проблемы функциональной грамматики.— М., 1985.— С. 34—39. 11. Щур Г. С. Теории поля в лингвистике.— М., 1974.— 253 с. 12. Юдин Э. Г. Системный подход и принцип деятельности.— М., 1978.— 385 с. 13. Guillaume G. La langue est-elle ou n'est-elle pas un système // Langage et science du langage.— Paris — Québec, 1969.— 272 p.

Поступила в редколлегию 18.10.85

Н. А. ЖЕЛЕЗНЯК, В. И. ПЕРЕБЕИНОС, д-р филол. наук
Киев

ГЛАГОЛЬНО-ПРЕДЛОЖНАЯ СОЧЕТАЕМОСТЬ В ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОМ АСПЕКТЕ

Сочетаемость некоторого класса слов может изучаться в языковом и речевом планах. При первом подходе ставятся две основных цели: а) определить набор моделей синтаксических связей слов данного класса или некоторой группы, объединенной по семантическому или грамматическому критерию, или каждого отдельного слова, включающегося в группу или класс слов; б) определить круг лексических единиц, с которыми сочетается некоторое слово, группа или класс слов.

Выполнено немало исследований, классифицирующих лексику на основе ее сочетаемости, созданы словари.

Исследования сочетаемости в плане языка направлены на установление грамматической или лексической сочетаемости единиц языка, на группировку слов или их классов по признаку общности/различия в их сочетаемости. Однако сочетаемость слов не может считаться достаточно изученной, пока не выявлены ее функционально-коммуникативные характеристики, что предполагает исследование сочетаемости в плане речи. Оно должно отвечать на другой круг вопросов: а) с какой частотой употребляются в данных текстах собственные слову или группе слов синтаксические связи или лексические сочетания? б) на каком расстоянии в речевом потоке находятся сочетающиеся слова? в) каково соотношение контактных и дистантных сочетаний, право- и левосторонних связей.

Работ, исследующих сочетаемость в плане речи, не так много [2; 10]. Основательная попытка изучить сочетаемость существительных, глаголов, при-

лагательных и наречий предпринята коллективом составителей Частотного словаря сочетаемости современного английского языка (ЧСССЯЯ) [4], над которым, начиная с 1968 г., работает коллектив составителей, объединяющий 30 кафедр (более 200 чел.) вузов Советского Союза.

Новый вариант предназначенного для школы этого словаря («A Deskbook of Most Frequent English Collocations») включает словарные статьи первых 500 самых частых полнзначных слов, самые частые модели и лексические сочетания каждого слова.

Наше исследование глагольно-предложной сочетаемости базируется на материалах этого словаря). В него входит 142 глагола. 135 из них вступают в предлогные связи с другими грамматическими классами слов. Эти связи описаны набором, включающим 12 моделей (каждая представляет законченное словосочетание). Из них 9 имеют в обследованном массиве текстов (объемом 10 млн. словоупотреблений) достаточно высокую частоту (2 % и выше от частоты глагола каждая). Их можно назвать ядром глагольно-предложной сочетаемости потому, что они входят в Школьный словарь сочетаемости вполне закономерно: именно им следует обучать в первую очередь.

При исследовании глагольно-предложной сочетаемости во главу угла ставится глагол и рассматривается, какие предлоги свойственны каждому глаголу. Если же рассматривать модели глагольно-предложной сочетаемости для класса слов в целом, то оказывается, что частота и распространенность (количество глаголов) моделей сильно различаются. Так, частота колеблется от 84910 до 46 употреблений, а распространенность — от 108 до одного глагола. При этом отмечается действие семиотического закона простоты: чем проще модель, тем выше ее частота (см. табл. 1).

Таблица 1. Предлогные модели и их характеристики

Модель	Частота	Распространенность	Предлоги
VprpN	84910	102	36
VNprpN	71919	108	27
VprpND	3735	5	1
VNprpVing	1279	5	6
VprpNprpN	1112	5	4
VprpNV	475	3	4
VprpVing	343	2	2
VprpNA	261	1	1
VprpNVing	46	1	—

Примечание. Не прошли по порогу модели: VprpNVen, VNprpNV=, VDprpNV=.

Следует обратить внимание на проявление еще одной закономерности, которая была замечена в начале века Дьюи [12] и впоследствии названа законом предпочтения: небольшое количество высокочастотных единиц или категорий языка составляет большую часть текста. В нашем случае всего две модели (VprpN и VNprpN), охватывающие 90 % глаголов, которым присуща предлогная сочетаемость. Они составляют 96 % от общей частоты всех предложных моделей (163737). Между частотой модели и ее распространенностью нет жесткой зависимости, но имеется высокая положительная корреляция ($\rho = 0,97$ при табличном значении 0,68).

В табл. 1 приводится еще одна характеристика предложных моделей: количество разных предлогов, употребляемых с достаточно высокой частотой (1 % от частоты глагола). Модели обладают избирательностью по отношению к предлогам. Только модель VprpN включает 36 прошедших по порогу частоты предло-

гов. Остальные имеют небольшое количество предлогов. Но, несмотря на большую разницу в количестве предлогов, прошедших по порогу в разных моделях, и на кажущуюся независимость количества предлогов от частоты модели, между ними также имеется значимая положительная корреляция ($\rho = 0,8$).

Таким образом, исследование функциональных своеобразий моделей глагольно-предложной сочетаемости без связи с конкретными глаголами также имеет теоретический смысл и практические выводы, например, позволяет решить вопрос об отборе учебного материала на разных этапах обучения английскому языку. В основу этого отбора должны быть положены все три приведенных в табл. 1 характеристики. Например, модели VprpN и VNprpN должны включаться в грамматический минимум в первую очередь. Далее, по совокупности трех характеристик, модель VNprpVing должна предпочитаться модели VprpND, так как в ней употреблено значительно больше частотных предлогов.

Рассмотрение глагольно-предложной сочетаемости было бы неполным если бы мы не проанализировали предлоги. Они отражены в подмоделях, в которых символ rgr заменен конкретным предлогом. Он приводится только в том случае, если его частота в данной модели была не менее 1 % от частоты глагола. Например, в табл. 1 для модели VprpNVing не отмечен ни один предлог. Это означает, что все они низкочастотны, возможно, из-за низкой частоты самой модели. Всего в нашем материале насчитывается 37 предлогов, раскрытых в подмоделях. Частота предлогов колеблется в значительных пределах — от 31719 (предлог to) до 14 (near). Самые частотные 15 предлогов приведены в табл. 2, где они расположены по убыванию частоты.

Таблица 2. Количественные характеристики предлогов

Предлог	Частота	Глаголы	Модели
to	31719	64	3
in	21926	120	5
for	11609	91	5
with	10490	87	3
at	10207	72	3
on	7871	66	4
about	5528	19	2
into	5160	28	2
of	4771	15	3
from	4480	38	3
out of	1589	15	2
through	1044	13	2
by	951	19	3
without	746	2	2
over	589	13	2

Обращает на себя внимание то, что предлог of, который по данным частотных словарей является самым частым, стоит на 9-ом месте. Это можно объяснить двояко: во-первых, мы взяли для анализа предлоги, характеризующие частотой 1 % от частоты глагола и выше в каждой модели, но эти же предлоги могут употребляться в других моделях с более низкой частотой, а нами они в анализе не учтены. Во-вторых, отдельные отклонения частоты предлогов можно объяснить тем, что исключена сочетаемость существительного с предлогами, типа a book of poems (NprpN).

Не приводит ли такой выбор материала к искажению картины функционирования предлогов в речи? Нами осуществлена проверка: методом корреляционного анализа были сопоставлены частоты всех 37 предлогов ЧСССЯ с их частотами в ЧС Кучера, а также ЧС Торндайка и Лорджа [13; 14]. В обоих случаях

наблюдается положительная корреляция ($\rho = 0,8$). Однако, соотношение частот еще не свидетельствует об их величине. Так, данные разных ЧС [1; 3; 8; 9; 11], составленных на одном и том же объеме выборки (200 тыс. словоупотреблений), показывают, что имеется большой разброс частоты каждого предлога, даже если он занимает одно и то же место в ранговых списках этих ЧС (табл. 3).

Таблица 3. Сопоставление частот предлогов

Предлог	Частотные словари				
	[1]	[3]	[8]	[9]	[11]
about	62/13	377/8	61/13	178/9	271/9
after	467/8	152/12	133/11	114/11	88/12
at	2060/6	1201/6	1104/7	928/7	1114/6
before	204/11	113/13	92/12	25/13	52/13
between	117/12	173/10	276/8	452/8	392/8
by	2125/5	1450/4	1454/4	2144/4	1944/4
in	6781/2	4497/2	5975/2	5402/2	5505/2
of	10861/1	8025/1	8900/1	9392/1	9144/1
on/onto	2439/4	1060/7	1345/5	1017/6	798/7
over	450/9	159/11	157/9	133/10	207/10
through	218/10	208/9	152/10	100/12	123/11
to	5878/3	2565/3	2255/2	2369/3	2599/3
with	1935/7	1361/5	1122/6	1557/5	1748/5

Примечание. В числителе приводятся данные частоты предлогов, в знаменателе — их ранг.

Зависимость частоты предлога от подязыка общезвестна. Но факторами, определяющими частоту предлогов в глагольно-предложной сочетаемости, помимо функционального стиля, могут служить: а) количество глаголов, с которыми употреблен предлог; б) частота этих глаголов; в) количество моделей, в которые входит данный предлог; г) частота этих моделей.

Исследование показывает, что эти факторы следует рассматривать в их совокупности, поскольку причины частоты предлога при таком рассмотрении вскрываются полнее. Данные табл. 2 показывают, что ни один предлог не является характерным для всех девяти моделей. Самое большое количество — пять моделей, характерно только для двух предлогов (for и in), причем набор моделей у них разный, соответственно: VNprpN, VprpN, VprpNprpN, VprpNV=, VNprpVing и VNprpN, VprpVing, VNprpVing VprpNprpN. Всего один предлог (on) встретился в четырех моделях: VNprpN, VprpN, VprpNV-, VNprpVing. Девять предлогов — в трех моделях, из которых две (VprpN и VNprpN) общие для всех предлогов, 14 предлогов отмечены в двух моделях (VprpN, VNprpN), предлог without также отмечен в двух моделях, но иных VNprpN и VNprpVing, а 10 предлогов встретились только в модели VprpN.

Таким образом, следует говорить не только об избирательности модели к предлогам, но и наоборот. Причины должны быть выяснены дальнейшим исследованием, поскольку этот фактор до сих пор не рассматривался.

Установление функционального ядра глагольно-предложной сочетаемости и характеристики моделей, составляющих это ядро, а также предлогов, входящих в данные модели, имеет значение для практики преподавания английского языка (отбор учебного материала), для автоматизированной обработки текстовой информации (рациональное распределение машинной памяти и составление алгоритмов автоматического синтаксического анализа) и для лексикографии, в частности, для составления разных типов словарей сочетаемости.

Список литературы: 1. Алексеев П. М., Турыгина Л. А. Англо-русский словарь-минимум газетной лексики.— М., 1984.— 470 с. 2. Бунтина Т. А. Взаимосвязь лексико-семантических и грамматических характеристик глагола в функциональном стиле: АКД.— К., 1979.— 26 с. 3. Вагабова В. М. Частотный словарь английских текстов по переработке нефти и газа // Статистика речи и автоматический анализ текста.— Л., 1971.— С. 197—205. 4. Волкова Н. О., Гинзбург Р. В., Перебейнос В. И. и др. Частотный словарь сочетаемости современного английского языка.— М., 1971.— Ч. 1. Принципы составления словаря. Метод. указания при работе над словарем.— С. 71—76. 5. Гинзбург Р. С. К вопросу классификации словарного состава // Вопр. лексико-семантической системы яз. Тез. докл.— М., 1971.— С. 108—114. 6. Гинзбург Р. С., Хидекель С. С., Медникова Э. М. и др. Глагольные словосочетания в современном английском языке / Пособие для учителей.— М., 1975.— 302 с. 7. Закономерности структурной организации научно-реферативного текста.— К., 1982.— 320 с. 8. Колесникова В. В. Частотный словарь английских текстов по геологии нефти и газа // Статистика речи и автоматический анализ текста.— Л., 1971.— С. 206—214. 9. Саширина М. Е. Частотный словарь английского подязыка физики твердого тела // Там же.— С. 37—46. 10. Сердюков П. И. Грамматическая сочетаемость глаголов в современном английском языке: АКД.— К., 1978.— 24 с. 11. Тарасова Е. М. Частотный словарь английского подязыка физики элементарных частиц // Статистика речи и автоматический анализ текста.— Л., 1973.— С. 47—55. 12. Dewey G. Relative Frequency of English Sounds.— Cambridge, 1923. 13. Kuchera H., Francis U. N. Computational Analysis of Present-Day American English.— Providence, 1967. 14. Thorndike E. L., Lorge I. The Teacher's Word Book of 30000 Words.— NY, 1944.

Поступила в редколлегию 20.10.85

Е. В. ТАРАСОВА, канд. филол. наук

Херьков

НЕКОТОРЫЕ ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВЫРАЖЕНИЯ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Мышление людей, его логические формы, будучи обусловлены потребностями процесса познания и практической деятельности людей, являются общечеловеческими и универсальными. Однако при общности логического строя протекание мыслительной деятельности на базе конкретных языков с различным грамматическим строем порождает определенные различия во внутренней организации мысли. Эти различия не могут, разумеется, навязывать носителям различных языков какое-то особенное видение мира, но отражают в известной мере национальное своеобразие его восприятия. Они находятся в прямой связи с тем, что называется грамматическим типом языка, специфика которого также сказывается на характере понятийного восприятия человеческим коллективом реальной окружающей действительности.

Указанную связь отмечал еще А. А. Потебня, утверждавший, что «языки различны между собой не одной звуковой формой, но всем строем мысли, выразившимся в них» [1, т. 1. с. 69]. Это согласуется и с высказыванием В. Н. Ярцевой: «...языковой тип представляет со-

бой определенную форму организации понятийного содержания языка» [3, с. 14]. П. В. Чесноков также констатирует: «кроме логических форм мышления, порожденных процессом познания..., существуют чисто структурные формы мыслей, связанные с особенностями конкретных языков и, следовательно, национальные по своему характеру, которые могут совпадать в различных языках или, наоборот, быть неодинаковыми при оформлении идентичного содержания» [2, с. 3].

Объектом нашего исследования является анализ категории времени, вернее ее языковой интерпретации в различных языках, в частности, германских и славянских. Представляется, что специфика выражения временных отношений в отдельных языках, связанная с особенностями восприятия их носителями, заслуживает внимания и еще далеко не изучена.

В лингвистике проблема языкового выражения временных отношений находит отражение в понятии темпоральности. Последняя — время, передаваемое средствами языка. Это — отражение реального времени, и организация его обусловлена закономерностями реального мира, но, с другой стороны, эта семантическая форма мышления обладает индивидуальностью, порожденной особенностями механизма отражения времени именно в данном языке.

Сложность, недискретность темпоральности находит свое выражение в ее полевой структуре. Полученные нами данные по сопоставлению трех основных временных микрополей в английском и русском языках достаточно убедительно подтверждают тезис, согласно которому структурные различия между языками и типами языков связаны с различиями в восприятии мира их носителями. Проиллюстрируем это на материале грамматико-лексического микрополя (ГЛМП) прошедшего времени.

Начнем со структуры грамматического ядра сравниваемых микрополей, данные анализа которой показывают различную степень расчлененности идентичного содержания при отражении действительности, а именно: одно и то же содержание — прошедшее время — при построении мысли в английском языке оказывается структурно расчлененным на некоторое число компонентов (сегментов), а в русском языке предстает как нерасчлененное. Так, при одинаковом категориальном значении, которое реализуется в соотносительных значениях входящих в ядро форм, английское и русское микрополя прошедшего времени имеют совершенно различное количество ядерных морфологических конституентов: четырем граммемам прошедшего, конституирующим ядро английского микрополя, противостоит лишь одна форма прошедшего в русском языке. При этом суммарный удельный вес морфологического ядра сравниваемых микрополей не слишком различен — 74,19 и 62,05 %. Анализ морфологического ядра обнаруживает, следовательно, значительную редукцию грамматического прошедшего в русском языке, который имеет только одну стандартную форму прошедшего — простую форму на -л. При наличии только этой единственной формы сфера прошедшего представлена здесь как нерасчлененная, без разделения зон «ближнего» и «далекого», «контактного» и «дистантного» прошедшего, а также «дискрет-

ного» и «недискретного» прошедшего по отношению к настоящему, т. е. теряется та стратификация сферы прошедшего, которая прослеживается в английском языке.

Структура же ядра английского микрополя явственно отражает расщепление семантической зоны прошедшего на стратумы — ряд областей, имеющих различную отдаленность (абсолютную или относительную) от настоящего. Подчеркивается различие близкого и отдаленного прошедшего, прошедшего и предпрошедшего и т. д., выражаемые четырьмя морфологическими формами, в том числе тремя аналитическими. Эта расчлененность становится еще более дифференцированной, если учесть, что соотнесенность действия с прошедшим часто (в 13,75 % случаев) передается также формами группы презенса — the Present Indefinite, the Present Continuous, the Present Perfect, the Present Perf. Continuous с различной степенью охвата сферы прошедшего.

Различаются сравниваемые языки и по степени самостоятельности отражаемого временного содержания. Прошедшее не образует, по-видимому, отдельного сегмента обособленной семантической формы мышления. Это находит отражение в том, что данное микрополе переплетается, с одной стороны, с микрополями настоящего и будущего, с другой — частично пересекается с иными языковыми макрополями — аспектиальности, модальности, залоговости.

Способность выражать модальные оттенки времени (в том числе прошедшего) с помощью форм сослагательного наклонения демонстрирует тесную связь темпоральности и модальности, присущую обоим контрастирующим языкам, но в большей степени свойственную, по-видимому, английской системе лингвистического прошедшего, где употребительность форм сослагательного наклонения в три раза выше, чем в русском языке — 3,15 и 1,35 %.

Наблюдения показывают, что в английской макросистеме времени модальность вообще занимает более значительное место. Ведущая роль при этом принадлежит модальным глаголам, выступающим выразителями одновременно и временных и модальных значений. Модальные глаголы и их эквиваленты оказываются в числе чрезвычайно активных конstituентов прежде всего в ГЛ микрополях настоящего и особенно будущего, во многом определяя их качественное своеобразие. В микрополе прошедшего времени модальные глаголы распространены очень незначительно, составляя всего 0,71 % выборки. Следовательно, структурная самостоятельность единиц прошедшего времени оказывается достаточно высокой. Прошедшее оказывается более самостоятельной единицей мышления, чем настоящее или будущее.

Проводилось сопоставление и по такому параметру, как степень охвата отражаемого содержания элементами различных уровней. Характерным для обоих микрополей является весьма слабая лексикализация лингвистического прошедшего времени, неразвитость его лексической периферии. Вообще в каждом временном поле объем лексической периферии и ее разнообразие связаны по закону прямой связи с уровнем передигматизации соответствующих ядерных форм.

Наиболее обширной, например, оказывается лексическая периферия английского микрополя будущего времени. Наличие здесь большого числа футурализованных слов и словосочетаний — это оборотная сторона неполной парадигматизации ядерной формы футурума.

В микрополе прошедшего времени удельный вес лексических компонентов очень мал — 1,3 % в английском, 4,76 % в русском. Степень же грамматики прошедшего оказывается в обоих языках настолько высокой, что ГЛМП прошедшего в английском языке оказывается состоящим из морфологических элементов на 96,13 %. В русском микрополе доля морфологического ядра несколько ниже, но и здесь она достигает достаточно высокого уровня — 91,34 %. Все это позволяет говорить о явно выраженной морфологической ориентации передачи прошедшего времени как в английском, так и в русском языках.

Таким образом, полевое исследование лингвистического прошедшего в английском и русском языках показывает, что, во-первых, сравниваемые языки отличаются как номенклатурой элементов и типов выражения, так и их коммуникативной ценностью; во-вторых, несмотря на принципиальные структурные в рассматриваемых микрополях, степень функционального сходства между ними очень высока. В-третьих, роль лексической темпоральности в обоих языках весьма незначительна, что является прямым следствием высокой степени грамматики ядра. В-четвертых, в обоих языках наблюдается «узурпация» функций грамматического прошедшего формами настоящего, причем в русском языке процесс этот проходит гораздо более интенсивно. И наконец, в-пятых, в плане более широкого обобщения можно сказать, что использование динамической полевой модели для анализа речевой реализации лингвистического времени носителями разнотипных языков является необходимым условием выделения и разграничения универсальных и типологически маркированных характеристик этих языков, а также особенностей национально-языкового осознания универсальных временных отношений объективной действительности.

Список литературы: 1. Потемня А. А. Из записок по русской грамматике. — М., 1958. — Т. 1—2. 2. Чесноков П. В. Логические и семантические формы мышления как значение грамматических форм // ВЯ. — 1984. — № 5. — С. 3—6. 3. Ярцева В. Н. Контрастивная грамматика. — М., 1981. — 106 с.

Поступила в редколлегию 16.09.85

А. П. МАРТЫНЮК, канд. филол. наук

Харьков

«ЖЕНСКАЯ» РЕЧЬ И ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕНИЯ

Проблему отражения социальных и психофизиологических особенностей женщин в их речи с уверенностью можно отнести к числу наименее изученных в советской лингвистике. Между тем актуальность этой проблемы в теоретическом (построение важнейшего звена

в коммуникативной модели языка) и в практическом плане (устранение дефектов общения между представителями двух полов, определяющихся сложившимися представлениями о стереотипах их речевого поведения) не может вызывать сомнений. Разработка указанного вопроса тем более необходима, что в настоящее время в зарубежном языкознании в этом плане наметилось по крайней мере три направления научного поиска, в основе которых лежат ложные философские посылки.

Представители феминистского направления, исходя из вульгарно-социологических суждений о прямой взаимосвязи языковых и общественных явлений, рассматривают язык как средство социального угнетения женщин в современном буржуазном обществе. Их исследования страдают атомистичностью, поскольку не основываются на какой-то определенной методике и доводы сводятся к ссылкам на ограниченный набор языковых фактов (как правило лексического уровня), которые получают несколько тенденциозное истолкование. Утверждается, что подавляющее большинство отрицательно окрашенных лексических единиц применительно только к женщине [4]; при этом многие из них выражают потребительское отношение к ней [5]; названия престижных профессий соотносимы только с мужчинами, а их «женских» соответствий либо вообще не существует, либо они имеют описательный характер и обязательно включают определения, сигнализирующие о том, что речь идет о женщине (ср.: woman lawyer, lady doctor) и тем самым подчеркивающие нетипичность данного явления [4].

Единственным аргументом, который феминисты находят в подтверждение своих теорий на грамматическом уровне, является ссылка на употребление местоимения третьего лица единственного числа мужского рода там, где оно соотносится с лицами обоих полов: ср.: Every man (-person) has his self-esteem.

Сравнительный анализ лексических подсистем разных языков приводит к выводу о том, что само по себе наличие в словарном запасе отрицательно окрашенных слов, характеризующих женщин, не является сколько-нибудь строгим доказательством отражения в языке их социального неравенства. В силу консерватизма языковой системы в целом лексические изменения не поспевают за социальными: в СССР на протяжении длительного времени существует равноправие полов, но и в русском языке можно обнаружить лексические единицы, сходные с описанными выше. Очевидно, многие из них входят в пассивный словарный запас наряду со словами типа «жандарм», «царизм» и т. д., обозначающими давно уже не существующие реалии. Следует также принимать во внимание особенности речи различных социальных групп населения, так как понятно, что на уровне обыденного сознания различного рода пережитки проявляют живучесть даже при исчезновении их социальной базы.

С другой стороны, лексические инновации, даже при наличии социального запроса, могут возникнуть только при внутренней predisposition языковой системы: хотя в настоящее время в ГДР женщины преобладают в некоторых отраслях промышленности, кон-

серватизм деривационной системы не позволяет образовать «женских» соответствий ряда профессий [2]. К тому же нельзя не учитывать, что довольно часто в образовании таких соответствий нет языковой необходимости, поскольку существующие лексические единицы соотносятся лишь с лицами мужского пола в силу традиции, тогда как в самой форме этих единиц нет указания на родовую принадлежность: в английском языке появление *a lady doctor* никак не обусловлено, так как *She's a doctor* вполне соответствует норме наряду с *He's a doctor*, поскольку здесь отсутствует грамматическая категория рода.

Что касается употребления местоимения третьего лица единственного числа мужского рода для обозначения представителей обоих полов, то вряд ли можно строить доводы на таком аргументе: трудно не согласиться с тем, что грамматический род во многих языках мира не соотносится с реальной половой принадлежностью; тем более трудно искать такое соответствие в английском языке, где родовая принадлежность выражается с помощью не грамматических, а лексических средств.

При всей ошибочности взглядов феминистов их работы имели определенное положительное значение в том смысле, что пробудили живой интерес к проблемам «женской» речи и привели к появлению многочисленных исследований нового, эмпирического направления, авторы которых в противовес феминистам, часто не видящим связи между явлениями языковой структуры и речью и потому ограничивающимся констатацией фактов общего порядка, занялись конкретным изучением особенностей речи женщин. Работы эмпириков характеризуются многообразием объектов и отсутствием единой методики исследования, что неизбежно влечет за собой несоотносимость результатов. Примером тому могут служить исследования по разделительным вопросам: одни лингвисты утверждают, что женщины употребляют разделительные вопросы гораздо более часто, чем мужчины [6], другие доказывают прямо противоположное [7], а третьи насчитывают одинаковое их количество в речи обоих полов [1]. Эти несоответствия легко объяснимы, если учесть, что три группы ученых изучали речь информантов с различными социальными статусами и ролями, в разных ситуациях общения. Думается, что главный недостаток работ эмпириков заключается в том, что они эмпирическим путем приходят к той же методологически ошибочной посылке, которую феминисты принимают априори: угнетенное положение женщин в буржуазном обществе получает прямое отражение в языке. Отсюда и стремление объяснить особенности речи женщин, исходя из ее подчиненного социального статуса, не учитывая того, что женщина далеко не всегда занимает подчиненное положение в обществе, так как ее социальный статус зависит от уровня образования, сферы деятельности и т. д. При этом для определения дифференциации речи по признаку пола эмпирики, по аналогии с диалектом, находят термин «*genderlect*» подчеркивающий системный характер различий между речью мужчин и женщин.

И все же работы эмпириков несомненно являются шагом вперед по сравнению с феминистами, поскольку уже в самой их оши

бочности заключена потенциальная возможность движения вперед: описанная разнородность результатов ставит вопрос о том, какое влияние на речь информанта оказывает его социальный статус, роль, ситуация общения.

Исследования особенностей речи женщин поднялись на более высокую ступень с пониманием того, что дифференциацию речи по признаку пола можно рассматривать только в конкретных социальных ситуациях общения с учетом всех социальных параметров, оказывающих влияние на речь информантов. Зарубежные исследователи, занимающиеся изучением особенностей речи женщин в рамках социолингвистики, уже приходят к выводу о том, что выделяемые эмпириками черты «женской» речи, во-первых, присущи речи далеко не всех женщин, и, во-вторых, отмечаются не только в речи женщин, но и в речи мужчин, и наличие подобного рода особенностей речевого поведения зависит не столько от пола, сколько от социальных статусов и сфер деятельности коммуникантов.

При всей перспективности их научного поиска, упомянутые социолингвисты не могут дифференцированно подойти к описанию механизма взаимодействия социальных параметров при выборе информантом языковых средств. Они не проводят различий между социальным статусом и ролью информанта, которые соотносятся со степенью официальности / неофициальности ситуации общения. А между тем, учет ролевых отношений чрезвычайно важен, поскольку при неизменном статусе информант может выбирать различную тактику речевого поведения, выступая в разных ролях: женщина-врач, давая свидетельские показания в суде, не употребляет в своей речи языковые средства, семантически маркируемые как более вежливые, некатегоричные и т. д. [3], тогда как в разговоре с мужем в домашней обстановке женщина с примерно таким же социальным статусом избирает противоположную тактику [6]. Очевидно, что решающую роль в выборе языковых средств здесь играет различная социальная оценка речевого поведения женщины: когда женщина в официальной обстановке выбирает регистр речевого поведения, традиционно относящийся к мужскому, ее считают компетентной, в то же время, выбор этого регистра в разговоре с мужем, в большинстве случаев, может быть оценен только отрицательно; следовательно, учет социальной оценки помогает информанту избрать правильное речевое поведение, способствующее достижению его целей.

Понятие тактики речевого поведения соотносится не только с социальными, но и с психологическими факторами: информант может избирать различную тактику речевого поведения в ситуациях, социально характеризующихся как тождественные, в зависимости от наличия или дефицита времени, степени опасности и т. д.

Думается, что на основе понятий стратегии и тактики речевого общения, включающих всю совокупность социальных, психологических и прагматических параметров, определяющих речевое поведение коммуникантов, возможна разработка единой методики изучения дифференциации речи по признаку пола, открывающей новые перспективы для наиболее полного описания механизма речевого общения.

Результаты анализа работ зарубежных ученых по этой проблеме с позиций марксистско-ленинской методологии уже на данном этапе дают возможность сделать определенные выводы:

1. Дифференциация речи по признаку пола не является прямым отражением в языке социального положения лиц мужского и женского пола в обществе, а определяется взаимодействием целой системы социальных и психологических факторов.

2. Различия в речи мужчин и женщин не являются системными и носят, как правило, не инвентарный, а вероятностный характер.

3. Преуменьшение различий в речи мужчин и женщин столь же ошибочно, как и их преувеличение, поскольку в буржуазном обществе остро стоит проблема равноправия мужчин и женщин, и учет таких различий может вызвать отрицательную реакцию со стороны собеседника, поэтому:

а) при обучении английскому языку на продвинутом этапе лиц разных полов необходимо стремиться к выработке навыков владения различными наборами языковых средств в разных ситуациях общения;

б) принимая во внимание тот факт, что наличие речевых особенностей у определенных социальных групп населения предполагает и наличие различных экспектаций, необходим учет возможных различий в целях эффективного речевого воздействия, например, при ведении пропаганды и контрпропаганды.

4. Разработка проблемы дифференциации речи по признаку пола имеет общелингвистическое и социальное значение, в применении к русскому языку подобные исследования могут способствовать совершенствованию культуры речи, приведению речевого поведения индивидов в соответствие с достижениями социалистической системы.

Список литературы: 1. Baumann M. Two features of «women's speech».— The Sociology of the languages of American women // San Antonio.— Texas, 1976.— P. 33—40. 2. Kage O. Sprache und Geschlecht.— Wirkendes Wort, 1983.— P. 258—269. 3. Lind E. A., O'Barr W. M. The Social significance of speech in the courtroom // Language and Social Psychology.— Oxford, 1979.— P. 66—88. 4. Miller C., Swift K. The handbook of nonsexist writing.— New York, 1980.— 204 p. 5. Nilsen A. P. Sexism in English: A feminist view.— Female Studies VI.— Old Westbury, N. Y., 1972.— P. 102—109. 6. Fishman P. M. Conversational insecurity // Language: Social psychological perspectives.— New York, 1980.— P. 127—132. 7. Johnson J. L. Questions and role responsibility in four professional meetings.— Anthropological Linguistics, 1980.— P. 66—76.

Поступила в редколлегию 10.10.85

Т. М. УШАКОВА, канд. филол. наук

Ленинград

ОБ ОДНОМ ЭКСПЛИЦИТНОМ СПОСОБЕ ВЫРАЖЕНИЯ ГОВОРЯЩЕГО СУБЪЕКТА ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ЭМОЦИОНАЛЬНО ОКРАШЕННОЙ РЕЧИ

Коммуникативная функция языка проявляется наиболее ярко и непосредственно в сфере разговорной речи. Межличностное общение, наряду с обменом информацией, предполагает выражение своего отношения к ней, ее оценку, пре-

имущественно эмоциональную. Эмоциональная реакция собеседника, как известно, может проявляться не только интонационными средствами, но и привести к полной перестройке сообщения, что на синтаксическом уровне означает создание особых типов структур, собственно-эмотивных предложений. Так, предложения характеризации, содержащие констатацию (эмоционально нейтральные, например: *Elle est gentille*), при введении в их структуру так называемых восклицательных слов (наречий: *Comme elle est gentille! Elle est si gentille! Elle est tellement gentille!* местоимений: *Qu'elle est gentille! Ce qu'elle est gentille! Qu'est — ce qu'elle est gentille!* неопределенного артикля с предлогом: *Elle est d'un gentil!* комбинационных средств: *C'est fou ce qu'elle est gentille!*) становятся собственно-эмотивными предложениями, не имеющими параллели в эмоционально нейтральном синтаксисе.

Трансформация эмоционально нейтрального предложения в эмотивное не только меняет коммуникативный тип предложения (оно из повествовательного становится восклицательным), но и ведет, в целом ряде случаев, к более глубоким последствиям: изменению в соотношении утверждения и отрицания [5], созданию фразеологических сочетаний [1], перестройке грамматических отношений в предложении и изменению грамматической природы восклицательных слов [4], возникновению новых лексических значений опорного слова [6] и т.п. На примере предложений характеризации нам бы хотелось остановиться еще на одном следствии трансформации: введении в сообщение говорящего субъекта.

Как известно, в соответствии с логическими принципами, Ш. Балли предложил выделять в высказывании модус и диктум, т. е. отношение говорящего к высказываемой мысли (коммуникативный аспект) и само содержание высказывания, его номинативную сторону [2, с. 44]. Если воспользоваться терминологией Ш. Балли и применить ее к изучению предложений характеризации, то следует признать, что в них эксплицитно выражен только диктум. Например: *«Allegra n'est pas liante, — disait sa mère, et elle ajoutait: «Mais pourquoi le serait-elle?» (Mallet-Joris, p. 33).*

Говорящий представляет нам информацию как объективную реальность; сам он устранился от выражения своего отношения к ней, модальная сторона высказывания не выражена эксплицитно. Другой пример:

— *La famille ne sera pas tellement enthousiaste, tu sais...*

— *Nous aurons Jo avec nous. L'avenir des enfants, un bon placement... Je saurai lui parler.*

— *Tu es cynique!*

Il riait. Il était tellement flatté de passer pour cynique! (Mallet-Joris, p. 105).

В произведенных выше предложениях характеризации содержится констатация (во втором случае эмоциональная) неких фактов. При их произнесении (это фрагмент диалога) говорящий выражает интонационно свое отношение к заключенному в них содержанию. Таким образом, здесь диктум выражен лексико-грамматически, а модус — интонационно.

В собственно-эмотивных предложениях, как нам представляется, происходит переосмысление структуры.

— *Ce que tu es gentil! Tu as vraiment le don de me réconforter ... (Mallet-Joris, 196).*

— *Ma pauvre vieille, va! — fit Paul avec tendresse. — Ce que tu peux faire vieille fille! (Mallet-Joris, 156)*

— *Qu'est-ce qu'il est beau, ce cirque! (Ajar, 96)*

— *Comme tu es cachottière, Odette! (Mallet-Joris, 152)*

В приведенных выше примерах говорящий, высказывая эксплицитно свое отношение к сообщаемому факту при помощи восклицательного слова, тем самым выступает на первый план. Именно он оценивает субъекта, наделяет его высокой степенью признака:

*Ce que ty es gentil! = Je trouve que tu es très gentil,
je te trouve très gentil.*

Comme tu es cachottière! = Je trouve que tu es très cachottière, je te trouve très cachottière.

«Я» говорящего является доминирующим. Центр тяжести в таких предложениях «падает на выражение оценки события, а не на информацию о нем» [(3),

с. 11]. Модальное начало предложения превалирует над его диктальным содержанием. Модус и диктум выражены эксплицитно, вербально. Говорящий как бы обнаруживает себя присутствием восклицательного слова. В подобных предложениях восклицательное слово должно рассматриваться не только как интенсификатор качества (признака), но и как *эксплицитное средство* выражения говорящего субъекта. Средство, которое обычно является показателем высокой степени признака, имеет, следовательно, и дополнительные функции: оно маркирует наличие «я».

Таким образом, трансформация эмоционально нейтрального предложения в собственно-эмотивное приводит к тому, что говорящий субъект привлекает особое внимание к выражению своего отношения, переводит пафос высказывания с диктума на модус.

Определенный интерес представляет и рассмотрение логической структуры предложения. Эмоционально нейтральные предложения характеризации имеют двучленную структуру (субъекту через предикат приписывается определенный признак). Грамматические подлежащее и сказуемое совпадают с логическим субъектом и предикатом:

Elle est gentille.
подлежащее + сказуемое = субъект + предикат

Логическая схема собственно-эмотивного предложения не столь однозначна. В нем происходит как бы раздвоение субъекта: субъекту — третьему лицу — также приписывается определенный признак, но при этом на первое место выступает иной субъект — говорящий (Я оцениваю кого-то), т. е. признак приписывается не субъекту, а объекту:

Comme elle est gentille!
подлежащее + сказуемое = $\begin{cases} \text{субъект + предикат} \\ \text{— говорящий субъект + (объект + предикат)} \end{cases}$

Таким образом, на формально двучленную схему предложения накладываются трехчленная структура реально существующих отношений.

Следовательно, изучение, наряду с контекстуальным значением сообщения, его коннотативной стороны, т. е. стилистического аспекта коммуникации, позволяет выявить особенности структуры, скрытые за синтаксическим способом выражения.

Список литературы: 1. Балли Ш. Французская стилистика / Пер. с франц. — М., 1961. — 323 с. 2. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Пер. с франц. — М., 1955. — 280 с. 3. Гак В. Г. Прагматика, узус и грамматика речи // ИЯВШ. — 1982. — № 5. — С. 11—13. 4. Распопов И. П. Восклицательные предложения в современном русском языке // Рус. яз. в национальной школе. — 1960. — № 6. — С. 11—16. 5. Шмелев Д. Н. Экспрессивно-ироническое выражение отрицания и отрицательной оценки в современном русском языке // ВЯ. — 1958. — С. 63—75. 6. Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. — М., 1973. — С. 186—188. 7. Ajar E. La vie devant soi. — P., 1975. — 142p. 8. Mallet-Joris F. Allegra. — M., 1985. — 210 p.

Поступила в редколлегию 09.10.85

УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ОЦЕНОЧНЫХ НОМИНАЦИЙ В ПРОЦЕССЕ КОММУНИКАЦИИ

Оценка слова, реализующая отношение языкового коллектива к соотносительному со словом понятию и являющаяся обязательной для всех членов языкового коллектива, социальна по своей природе*. Собственно исследовательский интерес вызывает не употребление подлинно оценочных слов типа *wonderful*, *horrible*, *beautifully* и т. д., а лексика, обозначающая предметы, признаки и процессы, которые особым образом оцениваются языковым коллективом. Слова, выражающие оценку (существительные, прилагательные, глаголы), как свидетельствуют лексикографические данные, где оценка фиксируется в дефиниции и при помощи словарных помет (пренебр., неодобр., презр., ласкат., шутл., ирон. и т. д.) немногочисленны: их, как правило, несколько тысяч на самый полный словарь, но они представляют собой открытый ряд. Этот ряд постоянно пополняется лексическими единицами, приобретшими оценочный потенциал (оценочно переосмысленными), где особенно велик удельный вес стертых метафор.

Формирование социальной оценки начинается в речи, и, будучи предопределено социолингвистическим фоном высказывания, сопряжено с рядом разноплановых условий: принадлежность говорящего и слушающего к одной и той же языковой культуре, достаточный уровень коммуникативной компетенции, общность фоновых знаний, социальный статус коммуникантов.

Думается, что изначальная дифференциация между положительным и отрицательным может считаться достаточно объективной и даже претендовать на некую универсальность для целого ряда европейских языков. Поэтому несмотря на многообразие оттенков эмоционального состояния говорящего и индивидуальность его личностных качеств опасность сведена до минимума искажения реальной оценки: говорящий придерживается норм, принятых в его языковом коллективе. Более тонкая градация оттенков при установлении оценок не всегда желательна, ибо создает опасность их перехода в сферу субъективного. В связи с вышесказанным целесообразно разграничивать эмоциональность и социальную оценку. Эмоциональность закреплена за семантической структурой слова (*emotive charge*) и основана на положительной и отрицательной оценке. Социальная же оценка выражается в виде коннотаций, основанных на ассоциациях, общих для носителей языка, которые имеют вначале прагматический характер, детализируясь в соответствии с конкретными прагматическими параметрами коммуникативной ситуации.

* Ретунская М. С. Проблема социальной оценки слова // Теория и практика лингвистического описания разговорной речи. — Горький, 1984. — С. 130—131.

Итак, оценочный потенциал слова самым тесным образом связан с его прагматическим содержанием и прагматической направленностью. Прежде чем стать частью коннотаций, приобрести узуальный характер и воспроизводиться автоматически без творческих усилий в конкретных речевых актах всех членов языкового коллектива (приобрести постоянные ассоциативные связи), прагматические характеристики слова имеют нерегулярный характер и значимы в пределах отдельных социальных групп. В процессе дальнейшего функционирования, будучи приняты языковым коллективом, они приобретают относительно устойчивый характер. Эта стабилизация впоследствии закрепляется в лексикографии.

Ряд социально-психологических факторов способствует появлению и закреплению оценочных номинаций:

1. Социальный статус говорящего (социальная принадлежность, уровень языковой компетентности, возраст, пол, образовательный уровень, профессиональная принадлежность, национальность, вероисповедование).

2. Ситуация, в которой происходит акт номинации (официальное общение, непринужденная обстановка и т. д.).

3. Отношение говорящего к адресату речи (имеется в виду ролевая структура общения, симметричные и асимметричные ролевые отношения, соблюдение говорящими допустимых этических норм, существующих в обществе).

4. Цели и задачи говорящего (просто выразить свое отношение, унижить, оскорбить, умышленно нарушить социально-этические запреты).

В процессе коммуникации социально-оценочная лексика может усиливать свою прагматическую заряженность, ослаблять и совершенно терять ее. Сенсibilизаторы (усилители) совершенно разноплановы по своему характеру:

- I. Лингвистические. К ним относятся другие языковые единицы того же или иного уровня: *thriving Mick, dirty Nigger, yellow-bellied Nip, miserable tub-preacher*. Ср. с русским: *гнусное отребье, великовозрастный балбес, жалкий подхалим*.

- II. Паралингвистические. К ним относятся тембр, сила, высота тона, мимика, жесты, телодвижения. Движение тона от верхнего уровня до нижнего, заметное замедление темпа способствуют интенсификации оценочной лексической единицы, но своеобразие оценочного аспекта высказывания состоит в том, что набор маркеров оценки довольно ограничен, и при исключении из процесса коммуникации избыточных формально-структурных средств происходит их замена *типизированными* паралингвистическими сигналами. Естественно ожидать, что коль скоро оценочное высказывание связано с психологическими особенностями говорящего, жесты и мимика — непосредственные формы внешнего выражения оценки. Действительно, презрение, ирония, пренебрежение, неодобрение, насмешка, восторг легко материализуются в кинетике, но такая корреляция имеет место не всегда, ибо общеизвестно, что те же жесты и мимика могут сопровождать и высказывания, представляющие собой простую констатацию фактов.

Поэтому следует весьма осторожно трактовать роль паралингвистических средств в выражении оценки.

III. Экстралингвистические. Они включают психологическую основу восприятия речи, ее обстановку.

К числу дополнительных факторов, способствующих адекватной экспликации социальной оценки относятся грамматичное оформление высказывания, корректность произношения, ударения, словоупотребления, широта тезауруса коммуникантов, отсутствие ложных ассоциаций, связанных с полисемией и омонимией. Весьма важную роль играет авторитетность для адресата социальной роли источника информации — субъекта речи, его места в социальной группе и компетентности о предмете информации. Следует учитывать и достаточные фоновые знания адресата и отсутствие заведомо отрицательной оценочной установки (предвзятого отношения). Так, хорошие фоновые знания дают возможность адекватно воспринять социальную оценку лексических единиц *Madison Avenue* пренебр. американская пресса и др. средства массовой информации (ср. с *Fleet Street* в Лондоне).

Наблюдения в сфере оценочной лексики свидетельствуют, что оценочные номинации распространены преимущественно в сферах, предполагающих неофициальное общение. Следовательно, это может быть лексика, определенным образом стилистически маркированная (например, единицы слэнга). Тем не менее, представляется ошибочным отождествление оценочного и функционально-стилистического компонентов коннотации, так как ни положительная, ни отрицательная оценка не является собственно принадлежностью определенного функционального стиля. Выше уже отмечалось, что стилистическая отнесенность слова не связана напрямую с его предметно-логическим значением, а зависит от сферы и ситуации общения. В связи с этим закономерно, что коллоквиальная и субколлоквиальная лексика — это не единственные регистры, где высок процент оценочных номинаций: *excogitate* книжн. неодобр. измышлять, *plebeian* презр. плебейский, *verbiage* преим. пренебр. многословие. Дифференциация функционально-стилистического и оценочного компонентов находит отражение в двойных и тройных лексикографических пометах (в слэнге может происходить их совмещение).

Некоторое избавление от нарастающей отрицательной оценочности слова дает эвфемия. Психологическая концепция эвфемии подробно рассматривает негативные эмоции в качестве мотива эвфемистической замены, в то время как моральные детерминанты, эвфемии, напрямую связанные с социальной структурой общества, не затрагиваются. Современная замена номинаций по причине пейоративной перегрузки слова происходит буквально на наших глазах, когда пейорации (слабо ощутимой в чужом языке) подвергаются слова, по тем или иным причинам скомпрометировавшие себя в глазах общества или отдельных его групп. Так приобретают синонимическую замену *salary cut* (adjustment), *fair trade* (prize fixing), *panic* (depression).

К числу лингвистических причин, способствующих приобретению и изменению оценочного потенциала, относится практика словоупотребления, узус. Известно, что круг сочетаемости слова не является постоянным и неизменным; его постепенное или спонтанное изменение приводит к возникновению новых коннотаций. Новым лингвистическим контекстом объясняется, например, усиление пейоративной оценочности у слова «вояж» (заокеанский вояж госсекретаря США), «сговор» (Кэмп-Дэвидский сговор), «конфронтация».

В меньшей степени связанным с изменением коннотаций является происхождение слова. Намеренное введение в диалог иноязычных слов нередко сопровождается их оценочным переосмыслением, хотя заимствований в сфере лексики, обладающей социальной оценочностью, немного: *bashaw*, *rechauffe*, *swami*, *embusque*, *recherché*, *weisenheimer*, *scaramouch*, *cubiculum*, *epsilon*, *proboscis*, *poilu*, *peripatetic*.

Вначале эти заимствования служили для обозначения реалий исходного языка (*bashaw* — паша, *transcendentalism* — трансцендентализм — теория Э. Канта). В результате метафорического переноса расширена сфера их референции. Например, *transcendentalism* стал использоваться для иронического обозначения всего заумного, ибо философская теория Канта отличается исключительной сложностью. В исходном языке эти слова не имели отрицательной оценки, а приобрели ее в процессе функционирования в английском языке (исключения в этом плане немногочисленны).

Учитывая ролевую структуру коммуникации, можно заметить, что более эксплицитной является отрицательная оценочность, если социальный статус коммуникантов приблизительно одинаков: ...to challenge a gentleman, you have to be a gentleman yourself you cant disdain a man whom both of you recognize as a social superior. Presidents are as hard to insult as priests or pariahs; and Kings can be insulted only by other kings. В современном цивилизованном обществе мы наблюдаем, как лексические единицы, служащие для номинации серьезных умственных изъянов: *cretin*, *moron*, *idiot*, etc. приобретают новый оттенок, ибо меняется отношение к ним языкового коллектива: суеверный ужас, насмешка, презрение и, наконец, просто констатация медицинского факта и мысль о чем-то человеческом несчастье — такова эволюция социальной оценки этих слов. Соответственно возникает вопрос о переквалификации оценочных помет в лексикографии, хотя вряд ли можно ожидать своевременного отражения в словарях естественного процесса языкового развития.

Итак, социальная оценка слова не остается стабильной, ибо меняется отношение к слову языкового коллектива. Слово с установившейся социальной оценкой приобретает коннотацию, которая с течением времени становится столь же прочной, как и денотативное значение. Если слово привычно употребляется с новой коннотацией, отодвигается на второй план первичное, денотативное значение; если же смена коннотации завершена полностью, может произойти изменение значения слова.

Даже в течение нескольких десятилетий в связи с изменениями лексического состава языка и сдвигами в нормах коллокаций оказы-

ваются смещенными коннотации с их стилистическими, эмоциональными и оценочными компонентами. Об этом свидетельствует, например, сравнение содержаний двух толковых словарей русского языка, созданных с интервалом в 30—35 лет.

Определенная часть лексических единиц, снабженных оценочной пометой, теряет актуальность и прагматическую силу по причине устаревания самой словарной единицы, стирания ощутимых связей между словом и самим объектом номинации, что само по себе вполне закономерно. Установление социальной оценки слова, ее функционирование и нивелирование самым непосредственным образом связано с динамикой словарного состава языка; устаревание слова, переход его в периферийные слои лексики может естественным образом отражаться на угасании социальной оценки, ибо слова, отсутствующие в лексиконах рядовых носителей языка, не обладают для них оценочным потенциалом. Обращение по этому поводу к информантам-англичанам не оставляет в этом сомнений.

Поступила в редколлегию 18.10.85

Ю. Ф. ЕЩЕНКО, канд. филол. наук
Харьков

ПРОБЛЕМА ТЕОРИИ ЧАСТЕЙ РЕЧИ В КОММУНИКАТИВНОМ АСПЕКТЕ

Проблема частей речи стояла в центре грамматического исследования слова еще с античных времен. Но и в настоящее время ее нельзя считать решенной. М. И. Стеблин-Каменский справедливо писал: «Высказывания по вопросу о том, на чем основано традиционное распределение слов по частям речи, многочисленны, разнообразны, но очень часто неясны и противоречивы» [7, с. 19]. Противоречивость высказываний по вопросу частей речи объясняется, по мнению автора, отсутствием в самом языке такой классификации. На этом основании М. И. Стеблин-Каменский приходит к ошибочному мнению, что всякая классификация слов по частям речи является «беспочвенной» и «бессодержательной» [там же, с. 33]. Большинство же лингвистов признают практическую необходимость понятия частей речи, так как части речи имеют глубокие корни в языковой действительности. Однако до сих пор не выясненными остаются вопросы природы частей речи и основания возникновения у них категориального значения.

Нерешенность проблемы частей речи свидетельствует не столько о сложности объектов описания, сколько о несовершенстве самой методологии исследования. Одна из причин кризиса проблемы частей речи заключается, по справедливому замечанию Ю. М. Скрѣбнева, в том, что теория частей речи строится на упрощенном представлении об автономности и самодовлеющем характере слова: «Между тем значимость слова определяется его местом в системе» [5, с. 203]. Ни одна частная система, — пишет А. В. Бондарко, — не может быть

объяснена достаточным образом, если она рассматривается сама по себе, изолированно, если анализ обращен лишь к внутрисистемным отношениям. Исследование приобретает необходимую объяснительную силу лишь в том случае, когда изучение внутрисистемных отношений дополняется анализом между системой и средой [2, с. 27]. Средой по отношению к системе языка служит внеязыковая действительность. Рассмотрение языка как системы, взаимодействующей со средой, является одним из основных положений функциональной грамматики. Функциональный подход к языку — это прежде всего подход коммуникативный, поскольку для языка функция в конечном счете связывается с коммуникацией.

Подход к языку в его коммуникативном предназначении представляет в настоящее время значительный интерес и теоретическую важность, так как способствует освещению ряда важных свойств языковой системы и дает положительные результаты не только в общетеоретическом, но и в конкретном плане — в исследовании различных уровней языка, в том числе его лексического уровня, и способствует, по нашему мнению, решению проблемы частей речи.

Функционально-коммуникативный подход к языку базируется на следующих основных положениях:

1. Функция языковой системы есть ее целевое назначение — служить средством установления взаимопонимания между людьми, средством коммуникации.

2. Функциональный подход реализуется лишь в связи с системно-структурным подходом.

3. Система и функция находятся в диалектических отношениях.

4. Языковая система взаимодействует со средой и подчинена функции.

Эти положения и явились основополагающими при анализе слов по частям речи.

Среди лингвистов нет единства мнений в понимании понятия «функция» и в определении их количества. Язык интерпретируется либо полифункционально, либо монофункционально. Представляется убедительным монистическое представление о единстве коммуникативной функции языка. Такое целевое понимание языковой системы в ее функциональной целостности находило неоднократное выражение в работах классиков языкознания и получило развитие у представителей Пражской лингвистической школы, а также в работах многих советских ученых. «Признание языка как средства общения, — пишет Г. В. Колшанский, — дает основание рассматривать язык в его единственной функции, а именно в функции коммуникации, представляющей собой действительно сложное интегрированное явление, в котором интегрированы все свойства языка, обнаруживаемые в процессе обслуживания им жизни человеческого общества на всех этапах его развития» [3, с. 3].

Выделяемые лингвистами функции — когнитивная, прагматическая, экспрессивно-эмоциональная и метаязыковая — представляют собой частные функции элементов языковой системы, совокупность которых обеспечивает реализацию единой коммуникативной функции.

Для осуществления своей коммуникативной функции язык использует все свои средства. Каждый уровень языковой системы реализует свои свойства в сложном взаимодействии с другими уровнями системы языка, а каждый элемент неразрывно связан со всеми другими элементами системы. В этом и заключается системный характер языка. Системный характер лексики состоит в том, что каждый ее элемент (слово) выполняет свою особую частную функцию, завершаемую на уровне текста в функции коммуникации. Части речи представляют собой частные системы (микросистемы) в лексической системе языка, выполняющие в ней свои особые назначения, взаимодействие которых обеспечивает выполнение языковой системой ее основной функции — коммуникативной. Части речи, таким образом, представляют собой системы коммуникативно ориентированных функциональных классов слов. Как видим, основанием для выделения частей речи послужило их назначение в структуре языка. Функция языкового знака (имеется в виду его внешняя функция в структуре языка) связана также со значением — «между значением и функцией языковых единиц существует внутренняя имманентная связь, но они не тождественны, а выступают как комплементарные явления. Характер этой связи зависит от принадлежности этих единиц к разным уровням языковой системы. Диалектическое соотношение семантического и функционального таково, что мы постигаем первое, овладевая вторым. Это происходит из-за уникального свойства языка, у которого сущностное и функциональное слиты воедино, так как он представляет собой важнейшее средство общения и непосредственную деятельность мысли» [6, с. 248]. Функции семантические — их выполняют знаменательные слова — характеризуются ярко выраженной обращенностью к внеязыковой действительности, функции асемантические (структурные) тоже соотносятся с действительностью, но связаны с ней опосредствованно. В частях речи, таким образом, пересекаются два типа значений — идущие от функции в структуре языка и от внеязыковой действительности. Эти два типа и определяют характер категориального смысла частей речи.

При определении категориального значения частей речи необходимо выяснить вопрос — характеризует ли категориальное значение все слова, относящиеся к данной части речи, либо какую-то их часть. В лингвистической литературе последних лет часто употребляют понятия «центр» и «периферия». Эти понятия возникли, как известно, в рамках общей теории поля и впоследствии были перенесены в теорию частей речи. В понимании центра и периферии лингвисты обычно ссылаются на определения, данные В. Г. Адмони. Центр, по мнению В. Г. Адмони, образуется при оптимальной концентрации всех признаков, совмещающихся в тех или иных языковых единицах. Периферия обнаруживает себя, если: 1) один или несколько этих признаков отсутствуют, 2) изменяется степень их интенсивности, 3) имеется ряд факультативных признаков и черт, не свойственных явлениям центрального плана. [1, с. 45]. Однако наличие/отсутствие грамматических признаков у слов, относящихся к данной части речи, зависит от их семантики. Таким образом, выходит, что к центру относятся лишь

определенные семантические группы слов, обладающие полнотой грамматических признаков, другие же семантические группы слов относятся к периферии только потому, что характер их семантики не позволяет им иметь полную парадигму, что представляется неубедительным. Основанием для выделения центра и периферии должен быть критерий объективный, генетический, а именно первичность, производность (центр) / вторичность, производность (периферия) языкового знака. Слова, составляющие центр, являются специализированным средством выражения функции данного класса (части речи) в структуре языка. Они семантически элементарны и монофункциональны. Категориальное значение содержат лишь слова, составляющие центральную часть. Достаточно вспомнить неудачные попытки лингвистов найти категориальное значение предметности у производных слов, составляющих периферию существительных типа бег, белизна, длина.

Не обладая категориальным значением данной части речи, производные слова входят в систему части речи как ее периферия на основании способности выполнять синтаксические функции, свойственные словам центральной части. Существенным при анализе синтаксических функций частей речи является различие первичных и вторичных синтаксических функций, восходящее к Куриловичу. Их неразличение приводило к тому, что границы частей речи оказывались размытыми, нечеткими. Классификационными признаками могут быть только первичные синтаксические функции; их выполняют слова, составляющие центр данной части речи. Остальные сущностные характеристики части речи можно получить на основании анализа лишь центральной части. При таком подходе части речи приобретают качественную определенность, становятся четкими их границы и признаки.

Чрезвычайно важную роль в частях речи и в общей системе языка играет периферия, состоящая из производных слов. Последние связанные с транспозицией знаков из одного класса в другой, служат тому, чтобы «увязать, совместить в единой структуре разнородные и разнопорядковые значения, продемонстрировать их связанность в природе вещей, а, значит, отраженно, и в отношениях между словами разных частей речи» [4, с. 191]. Другая особенность производных слов состоит в том, что по своим формальным признакам (цельнооформленность) они разделяют характеристики класса слов в целом, а по способу отражения действительности и по способу представления в расчлененном виде они изоморфны синтаксическим структурам. Поэтому производные слова оказываются способными обозначать не только отдельно взятые предметы, процессы, признаки, но и отдельно взятые ситуации и события. Роль производных слов, составляющих периферию, таким образом, заключается в том, что они выполняют системообразующую функцию — с одной стороны они обеспечивают взаимодействие и взаимозависимость между различными классами слов (частями речи) на лексическом уровне, с другой стороны, представляя собой единицы, промежуточные между элементарной и пропозитивной номинациями, обеспечивают взаимосвязь между лексическим и синтаксическим уровнями языка.

Список литературы: 1. Адмони В. Г. Основы общей грамматики.—М.—Л., 1964.— 280 с. 2. Бондаренко А. В. К теории функциональной грамматики // Проблемы функциональной грамматики.— М., 1985.— С. 16—29. 3. Кошарский Г. В. Коммуникативная функция и структура языка.— М., 1984.— 175 с. 4. Кубрякова Е. С. Типы языковых значений: Семантика производного слова.— М., 1981.— 200 с. 5. Скребнев Ю. М. К дискуссии о частях речи // Уч. зап. Горьк. пед ин-т иностр. яз.— 1973.— Вып. 57.— С. 184—205. 6. Слюсарева Н. Ю. О семантической и функциональной сторонах языковых явлений // Теория языка: Методы его исследования и преподавания.— Л., 1981.— С. 243—248. 7. Стеблин-Каменский М. И. Спорное в языкознании.— Л., 1974.— 160 с.

Поступила в редколлегию 18.10.85

А. И. ДОРОДНЫХ, канд. филол. наук

Харьков

К ВОПРОСУ РЕЧЕВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

До недавнего времени коммуникативная лингвистика оставалась лингвистикой текста, несмотря на то, что в повседневной совместной деятельности языкового коллектива очевидно преобладает устная форма общения. В силу традиции в исследованиях устной формы общения и даже наиболее характерной ее разновидности — диалога — применялись методы, использовавшиеся при анализе текста. Более того, диалог также предполагалось считать особым видом текста [2, с. 5—6]. Поэтому и высказывание иногда отождествлялось со сверхфразовым единством, несмотря на тот очевидный факт, что высказывание может быть структурно представлено не только предложением, но и частью последнего [5, с. 19]. Исследователи, ориентирующиеся на текст, при рассмотрении диалогической речи признают, что в диалоге часто предложенческие структуры как бы распределяются между разными репликами (часто разных) коммуникантов. Однако вместо того, чтобы подробнее остановиться на этой особенности диалога, такое распределение предлагают считать одной из текстообразующих структурных связей.

В отличие от авторов произведений письменной речи, коммуниканты при устном общении не занимаются совместным творением текстов, а стремятся посредством вербальных актов оказать определенное воздействие на собеседника, добиться изменений в его психическом состоянии. Поэтому считаем ошибочными попытки представлять отдельные реплики в качестве составляющих единой синтаксической конструкции. Например, Л. С. Маркина в отрезке диалога

- (1) Are you in love?
- (2) Yes.
- (3) With that English girl?
- (4) Yes.

считает возможным представить реплики (1) и (3) в виде компонентов одного предложения "Are you in love with that English girl?" Для проверки данного положения был взят отрывок диалога из произведения Г. Грина «Тихий американец»:

- (1) She doesn't give up hope easily.
- (2) Hope?
- (3) Of marrying you to Phuong [p. 100].

Реплики (1) и (3) были объединены в одно предложение "She doesn't give up hope easily of marrying you to Phuong", предъявленное затем нескольким носителям английского языка, специалистам по преподаванию его как иностранного. Все семь информантов признали это образование искусственным и легко членили его на части, идентичные репликам оригинала, а один информант заметил, что первое высказывание является общей характеристикой лица, обозначенного как "she", а второе описывает конкретную ситуацию ("general" as opposed to "particular" circumstances). Высказывания в примере Л. С. Маркиной различаются также пресуппозицией: в реплике (3) уже предполагается влюбленность одного из собеседников, в то время как (1) лишь запрашивает об этом; это различие в данном случае отражается разной тема-рематической организацией упомянутых высказываний.

Недифференцированный подход к изучению явлений письменной и устной речи, текста и диалога явился, по-видимому, одной из причин того, что диалог почти не рассматривался как вид речевого взаимодействия. До сих пор, за исключением, пожалуй, работ М. Култарда и его коллег, не было предпринято попыток (кроме общих рассуждений о стратегии и тактике общения) построить модель речевого взаимодействия, хотя правила речевого поведения в общей форме уже описаны П. Грайсом и другими авторами [1].

Модель М. Култарда и его коллег [8, с. 73] была разработана для определенного вида взаимодействия, т. е. для речевого взаимодействия между учителем и учениками в классе и возможно поэтому не привлекла должного внимания. Кроме того, сторонники традиционного направления в лингвистике, возможно, испытывают настороженность в отношении таких моделей уже потому, что они даются в отрыве от языковых (речевых) единиц.

Возьмем, к примеру, модель М. Култарда и его соавторов:

Interaction
Transaction
Exchange
Move
Act

В этой модели, как утверждают упомянутые авторы, все ярусы структурированы, за исключением акта (act), далее неделимой единицы речевого взаимодействия. Несмотря на то, что в одном месте цитируемой работы «move» характеризуется как явление устной речи, эквивалентное предложению в письменной речи [8, с. 120], авторы предупреждают об отсутствии тождества между выделенными ими ярусами и языковыми единицами. В частности, они отделяют «move» от «utterance» (которое, впрочем, не получает у них определения) на том основании, что «utterance» может содержать несколько «moves» [6, с. 74]. Таким образом, в своем первичном виде модель речевого взаимодействия кажется слишком абстрактной и оторванной от языко-

вой субстанции, хотя она и создана на базе исследования конкретных актов общения.

Между тем, эта схема может обрести языковую плотность, если подвергнуть ее некоторой модификации и попытаться соотнести с реальными отрезками речи. Начнем с нижнего яруса. Act — это речевое действие — утверждение, вопрос, приказание — «основная единица коммуникации», которая, по словам Т. В. Булыгиной, не может быть отождествлена с предложением или каким-либо другим языковым выражением [1, с. 336]. Нельзя не согласиться с тем, что речевое действие — это не предложение. Вместе с тем, ясно, что очень часто речевое действие совпадает формально с высказыванием. Во многих других случаях высказывание может состоять из нескольких речевых действий, т. е. представлять собой сложное высказывание. Например, высказывание «I apologize for what I have done and I promise you not to do it again» содержит извинение и обещание, а «If you do not want to take off your hat, leave this house» представляет собой директив, релевантный при указанном условии [9, с. 248].

Речевые действия, образующие высказывания, могут, по-видимому, вступать в разнообразные отношения друг с другом. Возьмем, к примеру, так называемый разделительный вопрос (иные термины: расчлененный, сегментированный) «You are going to the theatre tonight, aren't you?» Первая часть этого высказывания представляет собой суждение, вторая же часть запрашивает об истинности данного суждения. Иллокутивная сила обсуждаемого высказывания зависит от соотносительной значимости составляющих его речевых действий. Если эллиптизированный сегмент «aren't you» произносится с восходящей интонацией, то преобладающей характеристикой соответствующего высказывания является вопросительность. Если же упомянутый сегмент произносится с нисходящей интонацией или же является интонационным придатком основного сегмента, то по своему смыслу такое сложное высказывание сближается с простым высказыванием / предложением «You are going to the theatre tonight». Примечательно, что сегментированный вопрос с ослабленным вопросительным сегментом нельзя сравнивать с риторическим вопросом, так как он отличается от последнего пресуппозицией: отличительной чертой риторического вопроса является контрастность формально выраженного и подразумеваемого, ср. «Кому он нужен?» («Он никому не нужен»).

Следующим ярусом в обсуждаемой модели является «move», т. е. «ход». В своем анализе речевого взаимодействия между учителем и учениками в классе М. Култард и его соавторы выделяют три основных хода: зачин, ответ и комментарий* [6, с. 75]. Таким образом, оказывается, что move (ход) соотносим с репликой, которая легко выделяема (ее границы определяются сменой говорящего), а поэтому нет необходимости доказывать реальность ее существования. Реплика, естественно, может состоять из одного высказывания и более. На-

* Отмечая некоторую искусственность коммуникативной ситуации в классе, упомянутые авторы подчеркивают, что в реальных коммуникативных ситуациях более обычен обмен двумя репликами.

блюдения показывают, что во многих ситуациях бытового общения реплики состоят из одного высказывания. Сложные реплики, состоящие из нескольких высказываний, характерны, по-видимому, для более официальных ситуаций. Наши информанты отмечали, что в таких ситуациях предпочтительнее просьбу, приглашение и т. д. выражать с помощью нескольких высказываний.

Ср.: (другу) Roger, would you like to go to a movie this evening?
(профессору) Mr. Shaw, you see, there's a very interesting concert playing this evening. Er ... would you be interested in going?

Вышестоящий ярус назван «exchange» («обмен»). В цитиrowавшихся выше трудах «обмен» не получает детального освещения. Сказано только, что «обмен» состоит из ходов по меньшей мере двух участников акта общения [6, с. 74]. Из этого следует, что возможен «обмен» двумя, тремя и более репликами, т. е. наличие соотносительности с ДЕ-2, ДЕ-3 и т. д.

Выше обмена расположен ярус, обозначенный «transaction», что означает «делка», «договоренность». Трудно согласиться с М. Култардом и его соавторами в том, что «договоренность» как вышестоящий ярус состоит из нескольких «обменов». Договоренность состоит не из них, а достигается в результате обмена ходами-репликами. Довольно часто для завершения акта общения, т. е. для достижения желаемого коммуникативного эффекта («договоренности»), достаточно обмена минимальным количеством реплик. Таким образом, акт общения может состояться («договоренность» может быть достигнута) в пределах диалогического единства, обычно ДЕ-2. В отдельных случаях, однако, для достижения определенной коммуникативной цели необходим обмен более чем двумя репликами. Уже о ДЕ-3 можно сказать, что по крайней мере некоторые из них возникают вследствие дефекта коммуникации, причиной которого являются следующие факторы (раздельно или же в их совокупности): а) субъективность оценки информационной полноты высказывания говорящим и его адресатом; б) нарушения принципа коммуникативного сотрудничества; в) социалингвистические и социокультурные различия между коммуникантами. Рассмотрим следующий пример:

Everything was nice and peaceful until he showed up here.

He?

Paul Klange (H. Russcol, M. Banai).

Здесь адресату непонятен известный говорящему референт местоимения «he». Дж. Гамперц и Д. Таннен приводят случай, когда неясность локативной референции, выраженной местоимением here (правда, в телефонном разговоре) послужила причиной обмена четырьмя репликами [7, с. 309] для достижения желаемого коммуникативного эффекта («договоренности»). В ситуациях общения, где осуществляется побуждение адресата к невербальным действиям, во многих случаях обмен репликами отсутствует или же ограничивается двумя репликами — репликой-побуждением и репликой, выражающей согласие / несогласие выполнить требуемое действие. Обмен более

чем двумя репликами в таких ситуациях обычно объясняется нежеланием адресата реагировать на побуждение соответствующим образом или же непониманием пропозициональной части высказывания-ди-ректива.

Ср.: Wayne, step down here, will you.
What for, what do you want?
Come down here, I'll tell you (T. Williams).

Если в последнем примере невербальное действие следует за третьей репликой вместо первой, то в другом месте в той же пьесе требуемое невербальное действие совершается лишь после более чем десяти реплик.

Итак, для достижения «договоренности», т. е. желаемого коммуникативного эффекта, иногда достаточно одной реплики (если это вербальное побуждение, сопровождаемое невербальным действием) или, чаще, нескольких реплик, объединенных структурно-семантическими связями в диалогическое единство (до сих пор самым крупным описанным в специальной литературе является четырехчленное диалогическое единство, ДЕ-4). В то же время, акт общения может состоять из неопределенного большого числа реплик и даже диалогических единств, причем и такой обмен может остаться незавершенным («договоренность» не достигается) по разнообразным причинам — вследствие отказа одного из коммуникантов продолжать диалог, появления третьего лица, невозможности достижения взаимопонимания.

Предложенная интерпретация модели речевого взаимодействия помогает увидеть, каким образом стратегия и тактика общения соотносятся с конкретными речевыми построениями. С другой стороны, становятся ясны недостатки, характерные для схемы, предложенной М. Култардом и его коллегами. Очевидно, что «договоренность» (transaction) и «обмен» (exchange) не могут быть представлены как целое и его часть, так как, хотя для достижения договоренности и необходимо некоторое количество обменов репликами, договоренность по своей сути есть результат, а не сумма таких обменов. Кроме того, необходимо иметь в виду, что модель речевого взаимодействия описывает стратегию и тактику общения в несколько упрощенном виде. В реальных ситуациях общения коммуниканты обычно стремятся решить несколько стратегических задач, поэтому их тактические речевые действия могут вступать в различные отношения, развертываясь последовательно или же параллельно. В ситуациях речевого общения термины «стратегия» и «тактика» часто обретают условный характер, так как речевые действия в таких ситуациях часто не планируются и не могут считаться осознанными, и, следовательно, такой же условный характер приобретает термин «договоренность», который, впрочем, заменим на термин «коммуникативный эффект», если последний отличать от перлокутивной силы Дж. Остина, описывающей определенную интерпретацию прагматического смысла высказывания его адресатом.

Список литературы: 1. Булыгина Т. В. О границах и содержании прагматики. — Изв. АН СССР. Серия лит. и яз. — 1981. — Т. 40. — № 4. — С. 333—343. 2. Дев-

кин В. Д. Диалог. Немецкая разговорная речь в сопоставлении с русской. — М., 1981. — 159 с. 3. Маркина Л. С. Конструктивный анализ четырехчленного диалогического единства (на материале современного английского языка). [Лекция]. — Ленингр. гос. пед. ин-т, 1973. — 39 с. 4. Реферовская Е. А. Лингвистические исследования структуры текста. — Л., 1983. — 216 с. 5. Черняховская Л. А. Информационный инвариант смысла текста и вариативность его языкового выражения: Автореф. дис.... д-ра филол. наук. — М., 1983. — 34 с. 6. Brazil D., Coulthard M. and Johns C. Discourse intonation and language teaching. — Lnd.: Longman, 1980. — 132 p. 7. Gamperz J. and Tennen D. Individual and social differences in language use // Individual differences in language ability and language behaviour. — Lnd.: Academic Press, 1979. — P. 305—325. 8. Sinclair J. and Coulthard M. Towards an analysis of discourse. — Lnd.: Oxford Univ. Press, 1975. — 163 p. 9. Vanderveken D. Illocutionary logic and self-defeating speech acts // Speech act theory and pragmatics. Ed. by J. R. Searle et. al. — Dordrecht et al.: D. Reidel Publishing Company, 1980. — P. 247—273.

Поступила в редколлегию 12.10.85

Т. М. ТИМОШЕНКОВА, канд. филол. наук

Харьков

ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ВЫБОРА ИМЕННОГО ИЛИ ГЛАГОЛЬНОГО СРЕДСТВА ЯЗЫКОВОЙ НОМИНАЦИИ

Диалектическое единство формы и содержания в языке проявляется в том, что языковые знаки не являются абсолютно произвольными. Между семантикой предложения и его структурой наблюдаются закономерные, хотя и не всегда прямые и однотипные связи [2, с. 19]. Тип модели предложения определяется категориальной принадлежностью предиката, каждому из которых соответствует свой тип субъекта. Первичным значением глагольных моделей является выражение действия или процесса, у номинальных моделей — значение классификации или тождества. Однако прямое назначение логико-синтаксических структур постоянно расширяется варьированием их лексического наполнения [1, с. 20]. Так, глагольные модели могут обозначать состояние субъекта, его качественный признак, классифицировать субъект и т. д. Семантический потенциал номинальных моделей также очень широк: обозначение действия или состояния субъекта, указание на его качественный признак или принадлежность к той или иной категории, передача значения бытийности.

Полифункциональность различных моделей является источником их синонимического сближения. Перифрастические ряды ситуативно равнозначных предложений образуют своеобразную семантическую парадигму того или иного типового значения.

Инвариантом синонимического ряда разноструктурных построений на уровне речи является экстралингвистическая ситуация, которая может быть описана семантической формулой «агенса и его действие», «субъект и его состояние», «пациенса и процесс, происходящий с ним», «субъект и его качественный признак» и т. д. На уровне языка инвариантом синонимического ряда является модель, характеризу-

ющаяся единством синтаксического, морфологического и семантического планов, в которой семантико-синтаксическая роль каждого из компонентов соответствует роли денотата в обобщенном моделью фрагменте действительности [3, с. 226]. При этом близкие по значению языковые единицы сохраняют дифференциальные признаки, оправдывающие их существование в языке и создающие возможность выбора в различных речевых условиях.

Тот факт, что синонимическое сближение номинальных и глагольных конструкций не предусматривает их полного тождества, со всей очевидностью проявляется при параллельном употреблении обеих конструкций в составе одного синтаксического целого в соответствии с коммуникативной задачей высказывания.

В номинальной конструкции обычно выражаются константные признаки субъекта. В глагольной конструкции может содержаться указание как на привычные, так и на окказиональные действия субъекта: «They was robbers and they'd just robbed a bank» (Sillitoe). Суждения, высказанные в глагольных и номинальных конструкциях, могут вступать друг с другом в те или иные смысловые отношения. Они могут быть объединены причинной связью — то или иное действие, названное в глагольной конструкции, выполняется или не выполняется субъектом, потому что оно для него характерно или не характерно: I do not counsel you one way or another. I'm not a counsellor (Folkien). Глагольная конструкция может служить целям разъяснения мысли, сформулированной в номинальной конструкции: She was a good fighter-knew what she was fighting for (O'Faolain). Номинальная конструкция может содержать суждение о том, что в силу своих действий субъект характеризуется как принадлежащий к определенному разряду, классу или категории лиц: If she divorced Claude... she would be a divorcee, a single unit and she would have to stand on her own feet (Wallace). В некоторых случаях параллельное употребление двух разноструктурных моделей используется как средство выражения контрастного значения: Red could play a bugle well, but Red was not a bugler (Jones).

Выбор номинальной или глагольной конструкции для передачи того или иного значения в конкретных речевых ситуациях диктуется целым рядом факторов и, прежде всего, коммуникативной интенцией говорящего.

Глагольная модель, благодаря гибкости глагольного слова и наличию развитой системы морфологических категорий, восполняемой фразеологизованными построениями, образующими функционально-семантические поля различных морфологических категорий, является идеальным языковым средством передачи различных характеристик и оттенков действия, характера протекания и развития его фаз, активности и инактивности субъекта и т. д.

Среди предложений со значением качественной характеристики субъекта приоритет принадлежит, естественно, адъективному моделию, эксплицитно выражающим данное типовое значение. В данном синонимическом ряду адъективная модель представляет собой знак прямой номинации и способна передавать значение любой качествен-

ной характеристики — как объективной, так и субъективной, как временной, так и постоянной, как зависящей, так и не зависящей от характеризуемого субъекта: *She is lovely (ugly, obstinate, industrious, lazy, talkative, shy), etc.* Качественная характеристика субъекта в номинальных предложениях утверждается через указание на то, что субъект является исполнителем тех или иных действий, отличается теми или иными свойствами или склонностью к выполнению каких-либо действий. Номинальные конструкции, используемые как средство характеристики, большей частью передают более или менее постоянные признаки субъекта: *He's a liar (boaster, swindler), etc.*

В глагольных предложениях субъект получает характеристику в зависимости от выполняемых им действий или качества их выполнения: *They had tricked him out of his story (London). We skated worse than anybody else on the whole goddam rink (Salinger).* Качественная характеристика как в номинальных, так и в глагольных предложениях носит опосредованный характер в тех случаях, когда глагол, называющий действие, выполняемое субъектом, не включает семы положительной или отрицательной оценки. При этом значение $\pm$, не выраженное языковыми средствами, выводится за счет экстралингвистических факторов — социальных и культурных традиций, существующих в обществе: *He drinks heavily. He's a boaster.*

Среди предложений со значением профессиональной принадлежности, общественного или служебного положения, принадлежности субъекта к той или иной категории лиц, качественной характеристики, не имеющей семы положительной или отрицательной оценки, номинальные конструкции занимают центральное положение, а в ряде случаев являются единственным средством передачи данных типовых значений.

При наличии синонимического ряда разноструктурных построений предпочтение номинальной модели может быть отдано в силу тех или иных прагматических факторов, включающих соображения стилистического порядка: необходимость концентрации признака, его интенсификации или эмфатического выделения, реализующиеся: а) широкой возможностью модификаций именного компонента для выражения разнообразных и тонких оттенков значения, которые не могут быть выражены глагольными предикатами сходной семантики: *He... a family retainer, straight out of Hollywood, almost too genuine to be true (19 c. stories)*; б) возможностями использования коммуникативно-стилистических вариантов модели: эллиптических и парцеллированных структур, конструкций с обособлением или инверсией, безглагольных предикатов типа: *George — a collector! (Gaalsworthy)*; в) решению художественно-образных задач в экспрессивно-стилистических целях может служить реализация номинальной модели, при которой используются необычные транспозиции глагола в сферу имени существительного, создающие определенный стилистический эффект: *... She was a great forgetter and returner (Christie).*

Таким образом, каждый раз в зависимости от конкретных условий речевой коммуникации и коммуникативной интенции высказывания, рассчитанного на определенную реакцию адресата, выбирается адек-

ватное с точки зрения говорящего языковое средство. В грамматической организации текста глагольные предикаты и номинализованные конструкции связаны между собой линией взаимных переходов: варьируются, замещают друг друга или употребляются в одном ряду. Обращение к этим средствам языковой номинации дает возможность дифференцированно передать тонкие нюансы языковой интерпретации, столь существенные для восприятия содержания высказывания.

Список литературы: 1. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл.— М., 1976.— 383 с. 2. Виноградов В. В. О взаимодействии лексико-семантических уровней с грамматическими в структуре языка // Мысли о современном русском языке.— М., 1969.— С. 5—23. 3. Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка.— М., 1973.— 351 с.

Поступила в редколлегию 18.10.65

Г. В. ЕИГЕР, канд. филол. наук

Харьков

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПАРОНИМИИ

Паронимия в данной работе рассматривается в функциональном аспекте [7]; под нее подводятся все случаи, когда слова, имеющие близкое звучание (написание) и — часто — семантику, смешиваются в речи на основе этого сходства*. Это сближение «по содержанию того, что является близким по форме» [1].

Паронимическое замещение охватывает как заимствованную (чаще), так и исконную лексику. Обычно более частное слово замещает менее частное: Aus *statistischen*. Gründen mußten Stabilisierungen erfolgen**. Die Straßenbrücke ist dem heutigen Verkehr nicht angemessen. Das ergaben umfangreiche *statistische* Untersuchungen. В обоих примерах более редкое *statistisch* заменяется более частным *statistisch*. Аналогично: *pazifisch* заменяется *pazifistisch*. Konversation словом *Konservation* (Н. 7). В рассмотренных случаях паронимы отличаются друг от друга количеством графем или их последовательностью. Однако обнаруживаются и паронимы, имеющие только общие контуры: Seit Wochen ist in einem Schaufenster des Kaufhauses «Mitte» an Boulevard eine orthopädische Besonderheit zu bewundern: Auf zwei Preisschildern, die neben dem Karton für Kinderxylophone stehen, wird eine neue Schreibweise dieser Instrumente angewandt. Das auf dem Karton deutlich lesbare «Xylophon» wurde «mundartgeresht» in «Xylephon» umgetauft... Neben an in der «Jugendmode» preist ein ähnliches Schild eine «flotte Jacke» an und aus. Здесь слово *orthopädische* заменяет *orthographische*. Ausgezeichnete Arbeitsbedingungen haben die Laborantinnen in Labor Torgauer Politik (вместо Poliklinik). Eine *Explosion* mit Arbeiten Scinkels wird Einblick in die Bedeutung des Architekten und Baumeistern für Mecklenburg und das damalige Vorpommern geben. Здесь

* Типографские ошибки специально не рассматриваются.

** Примеры взяты из журнала Sprachpflege за 1957—1984 гг.

имеется в виду Exposition. «Explosion» может заменяться и словом «Expedition». Katapultieren заменяется kapitulieren. В когнитивной психологии установлено, что взрослый образованный человек располагает знанием об общих очертаниях существительных родного языка [2, с. 113]. Наш материал показывает, что этот выход распространяется и на другие части речи. В некоторых случаях левая граница контура оказывается как бы размытой и общими у паронимов оказывается середина и конец слова: Robert Schumanns Verdienste liegen besonders in Bereich sozialistischer Klaviermusik (der Künstler wollte in seiner Jugend die Pianistenlaufbahn einschlagen). Здесь имеется в виду «realistische Klaviermusik». Реже обнаруживаются паронимы по контуру в исконных словах: текст афиши — Die Verschönerung des Fiesko zu Genua.

В формальном плане можно выделить также группы паронимов по способу графического выражения фонем. Так, выделяется группа паронимов /омонимов: ... er konnte sein Können auf der Zweiseitigen Gittare zeigen. ... der beste Musikant auf dem einseitigen Streichinstrument. Правильно здесь — sautig. Аналогично: Mehrwasser вместо Meerwasser. Паронимическое замещение может происходить и при неполном, но очень близком сходстве звучания: Einzelkornsämaschine вместо Säenmaschine. К другой группе паронимов можно отнести слова, связанные по контрасту звучания и графического оформления, напр., противопоставление t — d: audiovisuelles Kabinett вместо audiovisuelles Kabinett (Sp., 1972, S. 241). Diplomaten вместо Diplomanen. Volkshochschule Erfurt-Stadt. Sie ermöglicht den Erwerb des Facharbeiterzeugnisse für Schreibtechnik und des Befähigungsnachweises als statll geprüfte Sekretärin. (Имеется в виду staatlich). Паронимы противопоставлены здесь по признаку звучности — глухости согласных и долготы гласных. Паронимическое замещение рассматриваемого типа может возникнуть даже при наличии разных гласных: Mühlzirkel вместо Mahlzirkel. Это замещение можно интерпретировать следующим образом. Лексическая единица поступает в основной лексикон долговременной памяти через одну или несколько модальностей и функционально-специфических систем: визуальную, слуховую, фонетическую, семантическую. [5, с. 138]. Эти системы связаны между собой. При порождении письменной речи, протекающей как высокоавтоматизированный процесс, оптическая (графемная) и фонетическая система, как правило, не взаимодействуют. Если под влиянием случайных факторов наступает некоторая деавтоматизация, то между указанными системами вновь возникает связь, находящая, в частности, свое специфическое выражение в виде возникновения рассмотренных групп паронимов. Паронимическое замещение может возникать и в результате ложного осмысления элементов ситуации: Im Hintergrund eines der ehemaligen Klavierhäuser steht das Mozarthaus. Здесь по ассоциации «Моцарт — музыка» лексическая морфема — Kavalier — замещена морфемой — Klavier. Jeder, der einmal in die benachbarte Altmark nach Arendsee kommt, erfährt dort, daß der größte Teil des Sees als Folge von mehreren Erdbeeren entstanden ist. Здесь имеется в виду Erdbeben (землетрясение). Учитывая ситуацию — описание

природы — можно предположить ассоциативную связь с ягодами (Beeren). Из текста театральных афиш: Montag, 9. Februar 1981, 19.30 Uhr, Theatersaal. Der Freiverkauf. Oper von Carl Maria von Weber. Подразумевается опера *Freischütz* (Вольный стрелок). Название оперы ситуационно замещено словом, начинающимся на эту морфему — *frei*-, *Freiverkauf*- «билеты продаются». Паронимия на основе фонетического сходства охватывает и устойчивые словосочетания: Der vielbewunderte Dickhäuter nämlich zerstörte nicht nur den Stall, in dem die Tierschau vonstatten gegangen war, er tat sich obendrein auch noch an fremden Runkelrüben göltig. Здесь вместо слова *gütig* («добрый, любезный») должно было быть *gütlich* в соответствии с устойчивым словосочетанием *sich an etwas götlich tun* (лакомиться). Jeder kann sich das an seinen zwölf Fingern abzählen. Автоматизированный характер устойчивых словосочетаний способствует возникновению паронимии.

Мы рассмотрели паронимическое замещение на основе фонетического сходства. Что касается характера семантической близости, то она, в принципе, не отличается от семантических отношений типа расширения и смещения понятий. Приведем несколько примеров. Взаимозамещаются слова *Flora* и *Fauna*, напр., Sie können das Blühen der Fauna beobachten (ср. в русском языке: «Выросший в пустыне и влюбленный в мир, зранию кричу всей *фауне* зеленой»). В конце месяца тренер включает в сборную по классической борьбе спортсменов в возрасте 18—20 лет. Приедут 5 сильных боксеров» (вместо «борцов»)*. Die Geschwindigkeit ist der Devident (вместо Quotient) aus Entfernung und Zeit. В этих случаях между паронимами отношения соподчинения. Für *astrologisch* interessierte Kollegen — здесь имеется в виду *astronomisch*. Слово «семантика» даже в научных работах может замещать слово «семиотика». Здесь замещение произошло на основе общей архисемы.

В паронимические отношения могут вступать и антонимы: *ermutig* вместо *entmutigen*. Нередко замещаются слова, выражающие географические понятия: Gut und Fuß ist der Brite Sebastian Shnow, der sich eine 3500 Kilometer lange «Wanderung» quer durch *Südafrika* vorgenommen hat. Am Wochenende brach der Wanderfanatiker in der *südperuanischen Stadt* Mollende auf, und in sechs bis neuen Monaten will er in Rio de Janeiro eintreffen. В этом примере *Südamerika* употреблено *Südafrika*. Здесь трудно предположить незнание географических фактов.

Паронимическое замещение на основе фонетического и семантического сходства является не результатом несоответствия в выборе уровней, а в отличие от ошибок расширения и смещения значения слова, — происходит внутри одного уровня, когда требуемая узкая семантическая область уже определена и идет изменение слова.

Выше рассматривалось паронимическое замещение, возникающее в результате несовершенства работы механизма выбора языковых

* Большинство приводимых примеров из русской речи взято из статей в «Литературной газете», посвященных языковой критике.

единиц: говорящий знает значение данного слова и умеет употреблять его в речи, однако в данном конкретном случае это ему не удается из-за случайных сбоев в процессе выбора. В этих случаях допустивший ошибку, как правило, может исправить ее, если ему указать на нее. Необходимо отметить, что паронимическое замещение нередко является результатом внутриязыковой интерференции единиц, хранящихся в долговременной памяти человека, и может быть связано с недостаточно хорошим владением различными аспектами слова. В этих случаях мы имеем дело с несоответствием языковой компетенции индивидуума норме. Говорящий далеко не всегда может исправить ошибку, даже если ему указать на нее. Типичные паронимические ряды фиксируются в стилистических и ортологических словарях [6; 9; 10; 11].

Разграничение окказиональных паронимов и «паронимов компетенции» не всегда возможно, напр.: Brausebäder können von Montag bis Freitag in der Zeit von 15.00 bis 19.00 Uhr *eingenommen* werden. Здесь неясно, употреблен ли глагол *eingenommen* вместо *angenommen* случайно, или же автор ввиду семантического побледнения глаголов преобразовал данное словосочетание и постоянно употребляет его в таком виде. Приведем еще пример: Eine Protestdemonstration Tausender Einwohner der *liberianischen Hauptstadt Lagos* gegen drastische Preiserhöhungen für das Hauptnahrungs — mittel Reis am 14. April. Слово *nigerianischen* замещено *liberianischen*: Лорос — столица Нигерии, а не Либерии. Здесь можно предположить и недостаток знаний, тем более что интерференция сходных фактов часто регистрируется в журналах и газетах в разделах, посвященных проблемам культуры речи: Aus den Memoiren des Herrn *Schnabelwapski* (G. Weerth). Это произведение принадлежит Г. Гейне. А у Г. Веерта имеется произведение с сходным названием «Aus den Memoiren von Schnapphanski». «Антей» (вместо Атлант), который держит на «плече небо» [4, с. 135]. Интересно отметить что интерференция действует не только на вербальном уровне, но обнаруживается также в смещении фактов, близких в каких-либо отношениях, напр., в одном очерке утверждается, что один из героев в отличие от Петрарки никогда не видел свою Беатриче. Здесь смещение: у Петрарки была Лаура, у Данте — Беатриче. В статье «Дорогами поэта» Овидий считается греческим, а не римским поэтом; в другой статье утверждается, что Гомер был не греческим, а древнеримским поэтом. М. Бирвиш приводит примеры замещения действий: вместо того, чтобы искать ключ для того, чтобы открыть дверь, А обнаруживает, что он открывает свой кошелек и перебирает монеты; для того, чтобы сбить пепел сигареты Б тянется к сахарнице, вместо того, чтобы протянуть руку к пепельнице, стоящей рядом с сахарницей. По мнению автора, ошибки в практическом поведении человека и речевые ошибки имеют единую психологическую преграду и должны в дальнейшем рассматриваться с единых позиций. Возникновение известного психологического феномена — константности восприятия при измененных условиях. Поскольку говорящий действует в соответствии с уже известным ему замыслом, то многое ему должно казаться очевидным, и действие указанного феномена

может даже сказаться при порождении речи больше, чем при восприятии. С другой стороны, говорящий на основе практики речевого общения бессознательно учитывает способность реципиента правильно определять смысл предложения в дефектных высказываниях, и это может в определенных случаях снизить требования к блоку сличения со стороны мотивационного механизма.

Надо отметить, что блок сличения в конкретных случаях работает лабильно: 67. INTERPLANETARISCHE KONFERENZ IN BERLIN 1980. Zur 67. Interparlamentarischen Konferenz in Berlin, der Hauptstadt der DDR, gibt das Ministerium für Post — und Fernmeldewesen. Здесь слово *interparlamentarisch* употреблено неправильно в первом случае, и правильно во втором. Если блок сличения работает исправно, то обнаружив в определенных участках речевой цепи несоответствие языковых форм замыслу, он передает в блок коррекции команду произвести языковые трансформации для нормализации смысла.

Список литературы: 1. Бодуэн де Куртене М. А. Введение в языкознание // Избранные труды по общему языкознанию. — М., 1963. — С. 5—19. 2. Величковский Б. М. Современная когнитивная психология. — М., 1982. — 336 с. 3. Вишнякова О. В. Паронимы в русском языке. — М., 1974. — 189 с. 4. Галь Н. Я. Слово живое и мертвое. — М., 1979. — 208 с. 5. Зайдель Э. Лексическая организация и правое полушарие // Нейропсихология: Тексты. — М., 1984. — С. 137—142. 6. Колесников Н. П. Словарь терминов. — Тбилиси, 1971. — 368 с. 7. Юханова А. В. О разграничении паронимии и смежных явлений в современном немецком языке // Актуальные проблемы лексики. — Калинин, 1982. — С. 154—167. 8. Bierwisch M. Strukturen und Prozesse im Sprachverhalten // Psychologische Effekte sprachlicher Strukturkomponenten. — Berlin, 1979. — 489 S. 9. Duden-Taschenbücher: Leicht verwechselbare Wörter. — Mannheim, 1973. — Band 17. — 134 S. 10. Der große Duden: Wörterbuch der Hauptschwierigkeiten. — Mannheim, 1965. — Band 9. — 524 S. 11. Wörterbuch der Sprachschwierigkeiten. — Leipzig, 1984. — 543 S.

Поступила в редколлегию 16.10.85

О. И. ДЕНИСОВ

Харьков

НЕКОТОРЫЕ СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АТРИБУТИВНЫХ ГРУПП В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Препозитивные атрибутивные группы синтаксической модели Adj₁Adj₂...N (large new English tents, tiny oval red spots) могут классифицироваться как переменные, устойчивые и фразеологические. По-видимому, нет смысла доказывать, что характер сцепления прилагательного и существительного в словосочетаниях Adj N фразеологического плана (a black look — хмурый взгляд, a dark horse — темная лошадка) настолько силен, что между ними практически не может «вклиниться» никакое другое прилагательное.

Подобный строгий порядок отмечается и в адъективных словосочетаниях, относимых к разряду клише, составных терминов, состав-

ных наименований, т. е. устойчивых словосочетаний нефразеологического характера.

«Now I want to try to get a *European brown bear*» (Lyall).

В этом примере прилагательное *European* занимает крайнюю левую позицию только потому, что *brown bear* — зоологический термин.

Иллюстрацией клише может послужить следующий отрывок: «Let me tell you something, son», he said. «Making a lot of money is no fun... So it's lonely being a *rich old man*». I said, «*Poor old rich men* are something of a *clice*...» (Deighton).

Здесь мы ясно видим, что во втором случае позиции прилагательных *rich* и *old* изменены, так как словосочетание *poor old rich men* является устойчивым.

В большинстве случаев прилагательное, занимающее крайнюю левую от существительного-ядра позицию, относится не только к этому существительному, но и ко всему стоящему справа сочетанию. Например: *fine old grey houses old grey houses which are fine*.

Обратимся к следующим примерам: 1) «You'll need a *complete new identity*» (Forsyth); 2) «We had a *real good time*» (Wilder).

В выделенных словосочетаниях прилагательные *complete* и *real* фактически выполняют функцию наречия и определяют следующие за ними прилагательные *new* и *good*, а не сочетание Adjп (что особенно наглядно проявляется при наличии развернутого контекста): 1) *an identity which is completely new*; 2) *time which was really good*.

Не являются определениями ядра также прилагательные *raw*, *dark*, *light*, если занимают в атрибутивных словосочетаниях позицию слева от прилагательного цвета. Например: *Gabrielle Pugg ...stood in the middle of the front row, her red hair, green eyes, and raw pink nose all aflame* (Read); «She had...very *light blue eyes*, and *whispy half-long golden hair*» (Murdoch).

Рассмотрим теперь переменные многокомпонентные атрибутивные словосочетания. Линейное расположение компонентов этих групп также подчинено строгому порядку: 1) *Determiners*, 2) *ordinals*, 3) *enumerators*, 4) *epithets*, 5) *age*, 6) *shape*, 7) *colour*, 8) *origin*, 9) *substance* [1, с. 10].

Конечно же, не все английские прилагательные попадают в указанные здесь группы № 4—9, однако и эта схема достаточна для целей данного исследования. Например: *His face was *sallow and brilliantly* alive, with a *cynical* (4) *narrow* (6) *French* (9) *mouth*...* (Shaw).

Как видно из примера, прилагательные в переменных атрибутивных цепочках располагаются в порядке, указанном в приведенной схеме, т. е. согласно принадлежности к определенным семантическим группам. Д. А. Квеселевич отмечает в данной связи, что «...чем вещественнее значение компонента в атрибутивной группе, т. е. чем сильнее он тяготеет к вовлечению в объем сигнификата, тем ближе он находится к определяемому существительному» [там же, с. 11].

Кратко суммируя вышесказанное, можно отметить, что основным критерием, влияющим на позиции прилагательных в многокомпонент-

ной атрибутивной цепи, является семантический. Он «не срабатывает», если мы имеем дело с фразеологическим словосочетанием, устойчивым словосочетанием нефразеологического характера или явлением транспозиции. Но значит ли это, что в силу других причин перестановка прилагательных в таких группах невозможна?

На подобный вопрос следует ответить отрицательно, так как отношения между компонентами словосочетания и словосочетания в целом можно рассматривать и с позиций прагматики. Как отмечает Э. М. Медникова, «смысл высказываний складывается сразу из трех компонентов — синтаксического, семантического и прагматического — различающихся и одновременно взаимодействующих в нем» [3, с. 78]. Смысл высказывания реализуется не только через значения языковых единиц, находящихся в определенных отношениях, но и через конкретную ситуацию и интенцию говорящего.

Проиллюстрируем приведенное выше положение примерами из книги И. Во «The Ordeal of Gilbert Pinfold»: «One figure alone remained aloof from the general conviviality, the *dark little man*, whom Mr Pinfold had noticed dining alone». «As Mr Pinfold rose, he gazed towards the *little dark man* at his solitary table».

Как видим, речь идет об одном и том же человеке. Для определения ядра употребляются идентичные атрибуты, однако порядок их следования различен. Точнее, в первом из приведенных здесь предложений порядок прилагательных *little* и *dark*, стоящих в препозиции к существительному, необычен. Необычность такого расположения прилагательных размера и цвета подтверждается всеми без исключения исследователями атрибутивных групп, а также нашими наблюдениями. Обратимся к контексту, из которого следует, что главный герой повествования, м-р Пинфолд, уже ранее видел этого маленького (малорослого) человека, который произвел на него известное впечатление и запомнился. В данной ситуации м-р Пинфолд встречается с ним вновь, и при описании этой второй встречи автор отходит от традиционной аранжировки атрибутов, от нейтрального описания объекта и при помощи изменения типичных позиций препозитивных прилагательных размера и цвета достигает определенного эмоционального эффекта. В данном случае имеет место коммуникативно обусловленная прагматическая актуализация словосочетания.

Другим примером индивидуального отношения автора к объекту наименования, его эмоциональной оценки этого объекта может послужить следующее предложение: Then the door opened, and there, with the red, white-shadowy room behind her, wearing a pale-blue, cool-crisp linen dress, her bare(4) white(8) long(6) small(5) arms hanging..., was Anne Stanton... (R. P. Warren).

Прагматическая актуализация словосочетания может также привести к появлению у словосочетания так называемого окказионального смысла. З. Вендлер приводит такой пример: She took her Italian long dress [5, с. 130]. Словосочетание *her Italian long dress* означает, что это было не просто длинное итальянское платье, а итальянское из тех длинных платьев, которыми она располагает.

Прагматической актуализации подвержены не только переменные атрибутивные словосочетания. В словаре А. В. Кунина зафиксировано фразеологическое словосочетание «an iron fist (hand) in a velvet glove» [2, с. 316]. Но в определенной ситуации общения словосочетание может получить следующую форму выражения: He ruled with an iron hand in a velvet political glove (M. Puzo).

Дж. Тессьер, рассматривая словосочетание a handsome young man, указывает, что перестановка атрибутивных компонентов возможна и здесь. Тогда смысловое ударение, которое до этого падало на the handsomeness of the young man, будет более равномерно распределено между атрибутами young и handsome [4, с. 239—240].

Итак, был рассмотрен механизм функционирования компонентов в препозитивной атрибутивной группе синтаксической модели Adj₁Adj₂...N. Основными критериями, влияющими на расстановку компонентов в такой цепи, являются синтаксический, семантический и прагматический, которые находятся в состоянии диалектического взаимодействия.

Следует также отметить, что прагматическая информация всегда основывается на семантике компонентов словосочетания и часто включает в себя стилистические (оценочные) семы или приобретает статус контекстуального значения или окказионального смысла. Прагматика обуславливает порядок позиций адъективных компонентов с учетом мотива и целевой установки говорящего / пишущего. Правильное же понимание высказывания слушающим / читающим основывается на знании (может быть, и интуитивном) правил расположения компонентов адъективной группы и значимости отклонений от этих правил.

Список литературы: 1. Квеселевич Д. И. Интеграция словосочетания в современном английском языке. — К., 1983. — 84 с. 2. Кунин А. В. Англо-русский фразеологический словарь. — М., 1984. — 942 с. 3. Медникова Э. М. Прагматика и семантика коммуникативных единиц // Всесоюз. науч. конф. «Коммуникативные единицы языка». — М., 1984. — С. 78—79. 4. Teysier J. Notes on the Syntax of the adjective in Modern English. — *Lingua*, 1968. — V. 20. — № 3. — P. 225—249. 5. Vendler Z. Adjectives and Nominalizations. — Mouton, 1968. — 134 p.

Поступила в редколлегию 19.09.85

В. И. ОДИНОКОВА

Харьков

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ МЕТАФОРИЧЕСКОЙ ВАЛЕНТНОСТИ В БИНАРНОЙ МЕТАФОРИЧЕСКОЙ КОНСТРУКЦИИ $N_1 + de + N_2$

Исследуемая метафорическая бинарма $N_1 + de + N_2$ является результатом лексико-синтаксического комбинирования двух номинативных единиц и представляет собой минимальный контекст, способный передавать логически завершенное понятие. Причем, это понятие

связано с ассоциативным мыслительным актом, когда в пределах минимального контекста — двучленного словосочетания — отмечается эксплицитная, явная ассоциация двух предметов или понятий. При этом в бинарме, как правило, выделяется инвариант и вариант.

Инвариант — это компонент метафорического словосочетания, выполняющий денотативную функцию, выступающий в качестве ключевого слова, у которого в пределах словосочетания реализуется основное предметно-логическое нейтральное значение, не содержащее дополнительных экспрессивных или стилистических оттенков.

Вариант — семантически осложненный компонент, который на основании различных ассоциаций семантически транспонируется, в результате чего вступает в валентные связи с ключевым словом, выполняя при нем роль характеризатора. При этом нарушается его лексическая сочетаемость, определяемая его прямым номинативным значением, что является отступлением от языковой нормы. С другой стороны, нарушение лексической сочетаемости ставит вариант «в такие условия, которые снимают с него необходимость передавать предметную информацию и тем самым дают возможность реализовать его характеризующую функцию» [1, с. 116].

Метафорическая бинарма $N_1 + de + N_2$ представляет собой словосочетание, отмеченное «ненормативным типом лексической сочетаемости» [4, с. 83], нарушением привычных лексических связей. Но нарушение это является лишь видимостью, и наши метафорические словосочетания выступают как отражение в языке многообразия связей и представлений объективного мира, как одно из проявлений его диалектической сущности, многообразия переходных моментов, отсутствия в нем жестких границ.

Если принять в качестве условия возможность разграничения языковой и речевой валентности, с точки зрения языковой валентности в бинармах *poudre d'étoiles*, *miette de gloire*, *fantômes d'arbres* наличествуют «невалентные отношения»*, когда номинативные единицы *poudre* и *etoiles*, *miette* и *gloire*, *fantômes* и *arbres* и т. д. вопреки всем языковым нормам сталкиваются в синтагматической цепи в пределах минимальной бинарной структуры и выражают логически завершенное понятие.

Семантические отношения, наблюдаемые в этих бинармах, являются нормативными с точки зрения речевой валентности, на основе которой формируется метафорическая валентность. Метафорическая валентность сходна с языковой своим синтагматическим характером, но отличается от нее своей окказиональностью, индивидуальностью [2, с. 11]. Для того, чтобы два компонента вступили в валентные отношения, необходимо, чтобы между ними имелись точки соприкосновения — общие семы, благодаря которым компоненты семантически сближаются [1, с. 119].

* Невалентные отношения — это «необычная сочетаемость слов в языке писателя для указания на один из признаков понятия, который в образном контексте совмещается с другими признаками, выраженными другими словами» [5, с. 26].

В бинарме *rideau de larmes* компонент N_2 является семантически ключевым словом, инвариантом, а компонент N_1 — семантически зависимым, вариантом. В семантической структуре компонента N_1 *rideau* имеются семы квалитативного свойства — *chose pouvant intercepter la vue, la lumière, à cacher, abriter qqch*, которые приписываются второму компоненту бинармы, в результате чего невалентные отношения между лексемами *rideau* и *larmes* с точки зрения языковой валентности превратились в валентные в речевом их использовании, им присуща метафорическая валентность.

В метафорической бинарме *haillons du ciel* две номинативные единицы объединяются в минимальной синтагме благодаря наличию в семантической структуре компонента N_1 *haillons* квалитативной семы *disparate, comme le vieux lambeau d'étoffe*, которая становится дифференциальной и атрибутируется компоненту N_2 *ciel*, не учитываемому языковой валентностью существительного *haillons*. Вариативность семантики компонентов *haillons* и *rideau*, их семантическая транспозиция основана на нарушении их языковой валентности и формировании речевой, метафорической валентности, что обусловлено созданием дополнительных семантических связей между компонентами N_1 и N_2 .

Таким образом, в бинарной метафорической структуре $N_1 + de + N_2$ один из компонентов, инвариант, сохраняет свои номинативные свойства, продолжает функционировать как имя существительное, является стабильным в лексико-семантическом плане, в то время как второй компонент — вариант — семантически транспонируется, функционально превращаясь из номинативной единицы в адъективную, призванную нести характеризующую функцию. Базой, на основании которой формируется новое значение у семантически вариативного компонента N_1 , является категория предметности, из которой вычленяется признаковое содержание, а поскольку признак не может существовать сам по себе, без его носителя, этот признак приписывается номинативному партнеру в синтагме — в результате чего бинарное метафорическое высказывание обретает статус логически завершенной структуры, где признаковые элементы семантически транспонированного компонента входят в качестве составного звена в семантику определяемого инварианта. Таким образом, можно утверждать, что в глубинной структуре семантически вариативного компонента отмечается движение от конкретной денотативной соотносительности в сторону абстрактности, поскольку их сферой применения может стать практически весь круг денотатов, обладающих соответствующими признаками.

Secoués par le vent, les arbres se sont débarrassés de leur manteau de neige, et, grâce à cela, on les distingue bien [6, p. 39].

Un manteau d'étoiles resplendit sur eux tandis qu'ils s'acheminaient lentement, la main dans la main [8, p. 29].

Une clarté assez vive s'attardant sur le ressaut de colline qui crevait le manteau de brumes [7, p. 163].

Et vous lancer la mode

sans même vous en douter
Un manteau de fou rire
sur vos robes imprimées [9, p. 197].

В выделенных метафорических словосочетаниях имеется общий компонент N_1 *manteau*, в семантической структуре которого в пределах цитируемых бинарм актуализируется потенциальная сема с признаковым содержанием — «укрывающий, покрывающий», которая атрибутируется именам существительным различным не только по своим семантическим свойствам, но и по категориальным характеристикам: *neige*, *étoiles*, *brumes* — существительные конкретные; (*fou*) *rire* — существительное абстрактное. Ненормативные выражения, с точки зрения отработанной и принятой в языке нормы связей между понятиями, является нормативными при функциональном использовании, поскольку в них сохраняются логические закономерности сцепления смыслов. Таким образом, в метафорических бинармах имеет место «расширение» допусков «сочетаемости» [4, с. 96].

Какие же стадии проходит процесс формирования метафорической валентности в бинарной структуре $N_1 + de + N_2$, где компонент N_1 — семантически вариативен, а компонент N_2 является инвариантом, семантически стабилен?

Beaux navires chargés de manne par les anges! est-ce vrai
Que tous, tous vous avez cessé de m'aimer
que jamais, jamais je ne vous verrai plus
a travers le cristal de l'enfance [10, p. 319].

В бинарном метафорическом словосочетании *cristal de l'enfance* компонент N_1 *cristal* — семантически вариативен, а компонент N_2 *enfance* — семантически константен. Поскольку метафорическая валентность базируется на языковой, то при воспроизведении первого компонента слова *cristal* в сознании непременно возникает представление о предмете, входящем с ним в одну лексико-семантическую группу, например, *neige*, *glace*, *minéral...* (ср. словосочетания: *cristal de neige*, *cristal de glace...*), и этот воображаемый компонент как бы иррадируется вариативным компонентом N_1 , воспринимаемым вначале в прямом номинативном значении и которому соответствует его основной ЛСВ. Но поскольку в пределах синтагмы нарушается вероятность появления этого заранее «запланированного» компонента, то несмотря на присутствие в бинарме компонента N_2 , не входящего в одну лексико-семантическую группу с компонентом N_1 , в сознании постоянно присутствует этот воображаемый третий компонент N_3 , который мы квалифицируем как «модуль бинармы».

«Модуль бинармы» — это дополнительный имплицитный компонент, обусловленный валентностными особенностями семантически вариативного компонента N_1 , входящий с ним в одну лексико-семантическую группу и не имеющий четких семантических параметров.

С другой стороны, поскольку компонент N_2 *enfance* является семантическим ядром бинармы и диктует свои семантические условия компоненту N_1 , последний, в свою очередь, вынужден приспособля-

вать свою семантику к компоненту N_2 , видоизменять ее, в результате чего он обретает вторичные семантические свойства.

Таким образом, формирование метафорической валентности в бинарме включает в себя несколько этапов: 1) при воспроизведении компонента N_1 в сознании возникает прежде всего его прямое номинативное значение; 2) валентностные свойства компонента N_1 в его прямом номинативном значении диктуют необходимость его сочетания в синтагме с лексической единицей, входящей с ним в одну лексико-семантическую группу, в результате чего возникает дополнительный имплицитный компонент N_3 , который постоянно присутствует в сознании; 3) поскольку в пределах бинармы имеет место нарушение валентностных связей компонентов на языковом уровне — нарушение вероятности появления следующего компонента после N_1 , компонент N_2 мысленно соотносится, ассоциируется с компонентом N_3 , «модулем бинармы»; 4) семантическая двуплановость компонента N_2 возникает в силу его ассоциативной соотнесенности с имплицитным компонентом N_3 , таким образом, она *внешне (валентностно) обусловлена*; 5) являясь семантически ведущим в бинарме, компонент N_2 диктует, в свою очередь, семантические условия компоненту N_1 ; 6) под воздействием компонента N_2 компонент N_1 вынужден видоизменять свою семантику для сохранения семантического баланса в синтагме; 7) в результате сдвигов, происходящих в семантической структуре компонента N_1 , последний семантически транспонируется, но в сознании при этом по-прежнему присутствует его основной ЛСВ с прямым номинативным значением. Таким образом, компонент N_1 обретает семантическую двуплановость, которая реализуется в рамках его собственной семантической структуры, т. е. вторичные семантические свойства компонента N_1 являются *внутренне (семантически) обусловленными*.

Итак, семантическое влияние компонентов в метафорической бинарме является двусторонним, но качественно различным, а представление об одностороннем семантическом воздействии одного из компонентов является иллюзорным.

Список литературы: 1. Агамджанова В. И. Контекстуальная избыточность лексического значения слова. На материале английского языка. — Рига, 1977. — 189 с. 2. Засилая Н. А. Семасиологический анализ бинарных метафорических словосочетаний: Автореф. дис.... канд. филол. наук. — Тбилиси 1971. — 24 с. 3. Гак В. Г. К проблеме семантической синтагматики. — Проблемы структурной лингвистики. — М., 1972. — 375 с. 4. Никитин М. В. Лексическое значение слова / структура и комбинаторика / . — М., 1983. — 127 с. 5. Федоров А. И. Семантическая основа образных средств языка. — Новосибирск, 1969. — 286 с. 6. Charrière H. Papillon. — P., 1969. — 528 p. 7. Graco G. Le rivage des Syrtes. — P., 1951. — 327 p. 8. Lainé P. La Dentellère. — P., 1974. — 243 p. 9. Prévert J. Histoires. — P., 1963. — 241 p. 10. Seghers P. Le Livre d'Or de la poésie française. Des origines à 1940. — P., 1976. — 479 p.

Поступила в редколлегию 18.10.85

ОСНОВНЫЕ ТИПЫ СМЫСЛОВ ГЛАГОЛОВ
STAND, SIT, LIE

В лингвистике широко распространено мнение о многозначности большинства языковых единиц, включая статические глаголы английского языка. Анализ фактического материала показывает, что слова в речи действительно могут иметь десятки и даже сотни семантических вариантов. Но как же в таком случае осуществляется процесс коммуникации? Возможно ли запомнить десятки и сотни значений многих тысяч слов, из которых состоит каждый язык?

Сопоставление содержания глаголов *stand*, *sit*, *lie* в оппозициях, имеющих тождественную семантическую основу, позволило установить, что в парадигматическом плане каждый из них является монозначным и характеризуется инвариантным значением, состоящим из ограниченного набора элементарных абстрагированных коммуникативно-релевантных признаков — сем, используемых в речи в качестве семантических дифференциальных признаков (СДП). В оппозиции с глаголами движения у данных глаголов выявлена общая, интегральная сема «относительная неизменность положения в пространстве или состояния во времени». Методом семантических оппозиций в ходе анализа словарных статей и фактического материала из художественных произведений определены дифференциальные семы «вертикальность», «заметность», «стойкость» у глагола *stand*; «сидячесть» («согнутость под углом»), «прочность» у глагола *sit*; «горизонтальность», «незаметность», «податливость» у глагола *lie*. Все три глагола имеют сему «бездеятельность» [3, с. 47—52].

Те семантические варианты содержания глагола, которые встречаются в речи и традиционно рассматриваются в словарях как разные значения, представляют собой речевые смыслы, возникающие при соединении сем инвариантного значения данного слова с переменными семантическими компонентами высказывания в синтагматическом плане. Смыслы порождаются автором речи в соответствии с его коммуникативными целями путем комбинирования языковых единиц с определенным семантическим содержанием. Основой порождения глагольных смыслов является способ существования во времени определенного субъекта / объекта действия, обозначенного глаголом.

Разные смыслы одного и того же статического глагола возникают при использовании в высказывании слов, обозначающих глагольные субъекты разного типа. Возьмем, например, предложения *He sat quite still* (Maugham). *The food just sits there and gets cold* (Ellington). В силу своего различия грамматические субъекты глагола *sit* по-разному занимают определенное неизменное положение в пространстве (субъект во втором предложении не характеризуется признаком «согнутость под углом»), поэтому и глагольные смыслы здесь значительно отличаются друг от друга.

Разные смыслы также рождаются, если в высказывании сообщается о результате изменения антериорного положения / состояния субъекта. Сочетание слов *He stood* интерпретируется реципиентом речи по-разному в зависимости от предшествующего положения / состояния субъекта. Если до этого времени он сидел или лежал, образуется смысл «встал»; если шел, воспринимается смысл «стал»; если же его положение не менялось, передается смысл «стоял».

Смысл глагольной конструкции зависит от наличия / отсутствия в ней объектных и (в меньшей степени) адвербиальных компонентов. Ср.: *He sat for some time... He carried her to the bed and sat her down upon it (Maugham). He sat back comfortably (Hemingway).*

При использовании в предложениях слов, обозначающих грамматические субъекты одного типа, разные смыслы могут порождаться автором речи путем создания такого контекста, в котором происходит актуализация или нейтрализация того или иного СДП. Так, если субъектом процесса, выраженного глаголом *stand*, является существо, которому при определенных условиях свойственно занимать относительно неизменное вертикальное положение, быть заметным, проявлять стойкость, бездействовать (*man, woman, etc.*), то могут актуализироваться любые семы инвариантного значения данного глагола в различных комбинациях, вследствие чего создается нужный автору речи смысл.

Все смыслы глаголов *stand, sit, lie* можно разделить на две большие группы: статические и динамико-результативные (или результативно-статические). Статические смыслы отражают положение / состояние субъекта / объекта безотносительно к предшествующей ситуации, а динамико-результативные представляют данное положение / состояние как результат изменения антериорного положения / состояния. Наличие этих типов смыслов объясняется спецификой семантики данных глаголов, которые не обозначают абсолютную неизменность положения / состояния предметов. Ф. Энгельс подчеркивал, что в природе нет ничего совершенно застывшего, «...вся природа... находится в вечном возникновении и исчезновении, в непрерывном течении, в неустанном движении и изменении» [1, с. 354]. По сути существование любого предмета во времени предполагает какие-либо изменения, процессы, хотя в данный период или момент его положение в пространстве характеризуется относительно неизменностью. Семантика статических глаголов может служить примером диалектического единства противоположностей. С одной стороны, составляя неотъемлемую часть глагольной системы, эти глаголы имеют категориальное значение процесса, а для всякого процесса характерны изменения, динамика, что особенно ярко проявляется в формах длительного вида. С другой — они выражают статичность различных предметов. Таким образом, в их содержании отражается статика особого рода, которую можно было бы назвать динамической статикой, т. е. статикой, представленной как процесс, развертывающийся во времени, но ограниченный определенной относительно неизменной позицией в пространстве и/или относительно неизменным состоянием во времени.

Рассмотрим кратко образование основных смыслов глаголов *stand*, *sit*, *lie*, при котором происходит актуализация / нейтрализация СДП (интегральная сема в свободных сочетаниях слов актуализируется всегда).

Статические смыслы глагола *stand* можно проиллюстрировать следующими примерами: *He stood very still* (Maugham). *Between them sat el Presidente, dressed in a simple khaki uniform, its very simplicity making him stand out from the others* (Robbins). «*And if I can stand it for seven weeks, I can stand it for seve more*» (Wilson). «*You can't stand still in a job like this*» (Chase). Грамматические субъекты здесь однотипны, но в зависимости от коммуникативных задач автора смыслы передаются разные. В 1-м предложении актуализируются семы «неизменность положения» и «вертикальность». Смысл — «стоял». Во 2-м предложении наблюдается актуализация семы «заметность», сема «вертикальность» нейтрализуется (субъект не стоял, а сидел). Смысл — «отличаться» («выделяться»). В 3-м предложении актуализируется сема «стойкость». Смысл — «выдержать». В 4-м предложении осуществляется актуализация семы «бездеятельность». Смысл — «бездействовать».

При образовании статических смыслов глагола *sit* актуализируется, кроме интегральной семы, один из СДП: «сидячесть», «прочность», «бездеятельность». Признак «сидячесть» может характеризовать людей и животных: *Kitty sat for a while* (Maugham). Если глагол сочетается со словами в функции подлежащего, выражающими неодушевленные предметы или абстрактные понятия, обычно нейтрализуется СДП «сидячесть» и актуализируется сема «прочность»: *Horror sat on my shoulder* (Chase). При актуализации СДП «бездеятельность» выражает пассивность, бездействие субъекта: *The whole thing added about ten years to the life of a man who was just sitting out in Los Angeles waiting for his number to be called* (Ellington).

Примерами основных статических смыслов глагола *lie* «лежать», «скрываться», «проявлять покорность», «бездействовать» могут служить следующие предложения: *She lay on the sofa* (Maugham). *If only she could find what lay behind the moodiness that settled over him* (Cusack). *She would not lie down under this accusation* (Galsworthy). «*I can't leave a lot of money like that lying about*» (Maugham).

В случае нейтрализации всех СДП статические глаголы передают смыслы «быть», «оставаться», «находиться»: *We needn't change those words: let them stand. The decision lies with you* (Longman). *We're literally sitting in a very low pressure area* (Murray).

Основные результиивно-статические смыслы глагола *stand* «встать», «остановиться», «стать в другом месте», «поставить» образуются, если надо передать а) переход субъекта из сидячего положения в стоячее: *As they approached his table he quickly stood...* (Collins); б) прекращение движения субъекта: *She walked... and stood by a column watching...* (Chase); в) незначительное перемещение субъекта, выражающееся путем сочетания глагола с наречием или релятивом [2, с. 74]: *He stood aside to let her in* (Chase); г) занятие

объектом вертикального положения вследствие воздействия на него субъекта: I stood the bottle on an end...(Chandler).

Глагол sit передает смысл «сесть», если субъект переходит из стоячего или лежащего положения в сидячее: He stood — He sat (down); He lay — He sat (up). В сочетании с наречиями или релятивами рождается ряд смыслов, уточняющих сидячее положение субъекта («откинуться назад», «податься вперед», «выпрямиться»): Sit up straight, son! (Longman). Если реализуется объектная валентность глагола, обычно возникает смысл «посадить»: She sat the baby (down) on the grass (Longman).

Главные результативно-статические смыслы глагола lie — «ложиться», «лечь»: I'm tired; I must lie down (Longman). Они значительно уступают по частотности статическим смыслам данного глагола (почти в 11 раз).

Изложенное выше позволяет сделать следующие выводы:

1. Творческий акт мышления автора высказывания приводит к объединению двух разноплановых семантических компонентов: относительно постоянного компонента (или компонентов) парадигматического значения данного слова в качестве СДП и переменного маркированного члена семантической оппозиции из синтетического плана, в результате чего порождается определенный речевой смысл.

2. В порождении того или иного смысла решающую роль играют основа семантической оппозиции и актуализация и нейтрализация сем в соответствии с коммуникативными целями высказывания.

3. Конкретные смыслы глаголов определяются спецификой субъекта / объекта и / или его антериорного положения / состояния. Глагольные смыслы можно обобщить и объединить в два основных типа: статические и результативно-статические смыслы. Первые отражают неизменность положения субъекта или его состояния во времени. Вторые — положение / состояние, которое занимает субъект / объект в результате изменения его антериорного положения / состояния, например: сидел — встал, шел — стал, стоял — лег и т. п.

Список литературы: 1. Энгельс Ф. Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд.— Т. 20.— 626 с. 2. Гурский С. Е. Глагольные сочетания типа go out, meltaway в современном английском языке.— Львов, 1975.— 182 с. 3. Зиновьева В. Л. Семантическая структура глаголов stand, sit, lie // Вестн. Харьк. ун-та.— 1984.— № 258.— С. 47—52.

Поступила в редколлегию 08.10.85

П. Н. ДОНЕЦ

Харьков

ВТОРИЧНЫЕ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ НАИМЕНОВАНИЯ В НЕМЕЦКИХ ТЕКСТАХ

Проблема отражения в языке специфики обслуживаемой им национальной культуры привлекает внимание лингвистов. Это обусловлено двумя причинами: во-первых, языковые средства с национально-

культурной семантикой представляют собой один из факторов, затрудняющих межкультурную (международную) коммуникацию, объем которой в последние годы неуклонно увеличивается, и, во-вторых, в силу своей соотнесенности с национально-специфическими фактами и явлениями, такие единицы могут находить широкое применение в преподавании иностранных языков в качестве дополнительного источника страноведческих знаний [1]. Ориентация на первый аспект описываемого явления характерна, например, для исследований по теории перевода, а на второй — для лингвострановедения и страноведчески ориентированной лингвистики.

В многочисленных исследованиях, посвященных указанной проблематике, лексические средства с национально-культурной семантикой обозначаются по-разному: реалии (слова-реалии, имена реалий), безэквивалентная лексика, лакуны, экзотизмы и т. д. Нет также единого мнения относительно объема этих понятий [2].

В нашей работе используем термин «национально-культурное наименование», который, на наш взгляд, обладает определенными преимуществами по сравнению с приведенными выше, прежде всего, благодаря тому, что позволяет привлечь к исследованиям в этой области обширный понятийный аппарат интенсивно развивающейся в последнее время теории языковой номинации. В частности, весьма перспективным в этой связи представляется — наряду с традиционными исследованиями единиц прямой национально-культурной номинации (имен реалий) — изучение других ее видов: вторичной (метонимической, метафорической и словообразовательной), окказиональной, пропозициональной, текстовой и имплицитной номинаций.

Настоящая статья посвящена, в основном, изучению действия механизма вторичной номинации, под которым мы вслед за В. Н. Телия понимаем «использование уже имеющихся в языке номинативных средств в новой для них функции наречения» [8, с. 118], в ее национально-культурном аспекте, т. е. номинации национально-специфических или частично национально-специфических референтов в действительности страны сопоставляемого языка лексическими и иными средствами, которым эта функция не принадлежит изначально.

В общей классификации типов национально-культурной номинации, предложенной А. Д. Райхштейном, с разделением последних на: узуюльно-понятийную, окказионально-понятийную, узуюльно-фоновую и окказионально-фоновую [7, с. 104], интерес для нас представляют фоновые механизмы номинаций, так как именно они чаще всего задействованы при образовании вторичных национально-культурных наименований.

Фоновая номинация основывается на семантическом явлении, не получившем пока однозначного определения среди лингвистов. По мнению некоторых ученых, суть этого явления заключается в том, что план содержания слова в принципе разложим на два компонента: более или менее четко фиксированное ядро значения и сопутствующие ему второстепенные признаки ассоциативного характера, причем грань между этими компонентами нередко довольно трудно провести.

Так, М. В. Никитин пишет по этому поводу: «В совокупном содержании лексического значения различаются две части: содержательное ядро лексического значения, его интенционал, и периферия семантических признаков, окружающих это ядро, его импликационал» [6, с. 24]. Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров выделяют в означаемом слова лексическое понятие и лексический фон, который определяется как «вся совокупность непонятных семантических долей, относящихся к слову», как «ореол всевозможных сведений» вокруг слова [1, с. 55—57], а в В. Г. Гак предпочитает говорить о семантеме как ядре значения слова и о потенциальных семах, которые «отражают различные второстепенные, иногда не обязательные признаки предмета, различные ассоциации, с которыми данный элемент действительности связывается в сознании говорящих» [3, с. 13—15]. Д. Н. Шмелев упоминает об ассоциативном признаке, «как бы только потенциально сопутствующем слову в его основном значении» [9, с. 227]. Если отвлечься от различий в терминологии, не трудно установить, что речь в сущности идет об одном и том же явлении.

В работах, посвященных лингвострановедческой проблематике, используется главным образом термин «лексический фон», поэтому мы также остановимся на этом термине, несколько модифицировав его. Если судить по примерам, приведенным Е. М. Верещагиным и В. Г. Костомаровым, то складывается впечатление, что во главу угла при определении статуса лексического фона ими ставится подход «от наименования к значению», т. е. подход семасиологический: так, лексический фон слова «книга» составляют крылатые выражения, пословицы и загадки, связанные с книгой, сведения о том, как издается книга, где ее можно купить, взять почитать и т. д. [1, с. 57]. В интересующем же нас аспекте важен противоположный подход, ономасиологический, — «от значения к наименованию».

Проиллюстрируем сказанное на примере немецкого фонового наименования *blauer Brief* (письмо с уведомлением об увольнении — ФРГ). Прийти к этому наименованию можно двояким путем: либо отталкиваясь от лексемы *Brief* — *eingeschriebener Brief*, *postlagernder Brief*, *Eilbrief* ... *blauer Brief* (семасиологический подход), либо рассматривая его как узуально-фоновую номинацию референта «увольнение» в высказываниях типа: *Viele haben jetzt Angst, mal einen blauen Brief zu bekommen* (ономасиологический подход). Исходя из вышеизложенного, мы предпочитаем говорить не о лексическом, а о семантическом фоне некоторого концепта (сигнификата) и, соответственно, при национально-культурно обусловленном несовпадении фонов сопоставляемых единиц — о национально-культурном семантическом фоне. В ономасиологическом ракурсе семантический фон представляет собой совокупность отражаемых периферийных признаков явления (предмета или идеального объекта), тот или иной из которых выдвигается на передний план в процессе вторичной номинации. Чаще всего актуализация таких признаков происходит в виде кореферентных замен в тексте (повторная номинация), но в дальнейшем может также принимать узуальный характер и входить в систему языка.

Концепт, который подвергается вторичной номинации, мы будем называть обозначаемым концептом (ОК), его актуализирующийся второстепенный признак — фоновым признаком (ФП), а результат номинации этого типа — вторичным наименованием (ВН). В случае, если ВН образуется путем сопоставления двух концептов, имеющих общий ФП (метафора), то второй концепт будет обозначаться как сравниваемый концепт (СК). Еще раз подчеркнем, что в данной работе нас интересует прежде всего национально-культурный аспект явления, т. е. актуализация ФП национально-культурного характера.

Механизм различных типов фоновой номинации достаточно подробно освещался в многочисленных исследованиях, посвященных проблеме переноса значения, большинство из которых, правда, также базировалось на семасиологическом подходе. Остановимся на некоторых из них, в сфере действия которых можно ожидать повышенной встречаемости национально-культурных наименований.

«человек» — «предмет одежды»

ВН — Blauhemd. ОК — член ССНМ. ФП — голубая рубашка как элемент формы членов организации.

Оригинальный пример данного типа номинации находим в юмористическом афоризме:

Weisse Mäuse riechen den Kater auch gegen
den stärksten Fahrtwind (G. Heyse).

ВН — weisse Maus, ОК — регулировщик уличного движения. ФП — просторный белый плащ, который обычно надевают регулировщики, по форме напоминающий мышь (СК).

«следствие из события» — «топоним»

ВН — Ab nach Kassel! ОК — Убирайся! В Касселе в свое время находился сборный пункт рекрутов, завербованных для участия в Североамериканских войнах за независимость. ФП — убывание на долгий срок, возможно, навсегда.

«событие» — «дата»

В качестве иллюстрации к этому виду ВН приведем пример Г. Зубарева: Das würde aber bedeuten, daß der Zusammenbruch des Hitlerregimes sich in ein zweites politisches 1918 verwandelt, dem ein zweites politisches 1933 folgen müsste [4, с. 69].

ВН — 1918. ОК — незавершенный разгром реакционных сил, оставляющий возможность реставрации. ФП — дата подобного разгрома в прошлом. СК — гипотетическая ситуация, которая могла бы последовать за крушением гитлеровского рейха.

ВН — 1933. ОК — приход к власти реакционных сил. ФП и СК как в примере выше.

«черта характера» — «конкретное лицо»

Bettinen und Anetten gibt es nicht mehr,
sagt er, solltest du das nicht wissen? (Chr. Wolf).

ВН — Bettinen und Anetten. ОК — романтически настроенная, ве-

рящая в высокие идеалы женщина. ФП — наличие подобных качеств у Беттины фон Арним и Аннеты фон Дросте-Хюльсхоф, известных немецких писательниц начала-середины XIX века (СК).

«оценка» — «цифра»

In der letzten Prüfung bekam er eine Zwei.
ВН — eine Zwei. ОК — хорошая оценка знаний. ФП — система числовых соответствий оценкам, принятая в данной стране.

Рассмотреть все механизмы функционирования фоновой национально-культурной номинации в одной статье не представляется возможным. Кроме того, как показывает анализ употребления национально-культурных наименований в текстах, многие из них являются единственными в своем роде, не допускающими какой-либо типизации — ср., например, референцию лексемы *Preussen* в следующем высказывании: *Du hast zu den Preussen gemusst, bist in Krieg gewesen* (А. Döblin). ВН — *Preussen*. ОК — кайзеровская армия. ФП — главенствующее положение прусского офицерства в армии старой Германии и насаждение ими там прусских порядков.

Поистине уникальный пример ВН приводит Н. Г. Комлева [5, с. 75]: ВН — *Erlkönig* (жаргон автомобилестроителей ФРГ). ОК — новая, засекреченная модель автомобиля. СК — персонаж известного стихотворения И. В. Гёте. ФП — условия передвижения, локализованные в первой строчке произведения: *Wer reitet so spät durch Nacht und Wind ...*

Таким образом, в семантической структуре вторичных наименований могут отражаться многие национально-специфические признаки обозначаемых ими объектов. Включение номинативных единиц этого типа в лингвострановедческий учебный материал позволяет существенно обогатить его.

Список литературы: 1. *Вережагин Е. М., Костомаров В. Г.* Язык и культура. М., 1983. — 142 с. 2. *Влахос С., Флорин С.* Непереводимое в переводе. — М., 1980. — 189 с. 3. *Гак В. Г.* Сопоставительная лексикология. — М., 1977. — 218 с. 4. *Зубарев Г. П.* Метонимические отношения в лексике современного немецкого языка: Дис. ... канд. филол. наук. — М., 1978. — 168 с. — Машинопись. 5. *Комлева Н. Г.* Лексические инновации метафорического типа в современном немецком языке: Дис. ... канд. филол. наук. — Калинин, 1981. — 184 с. — Машинопись. 6. *Никитин М. В.* Лексическое значение слова. — М., 1983. — 136 с. 7. *Райхштейн А. Д.* Национально-культурный аспект коммуникативных единиц языка // Всесоюз. науч. конф. «Коммуникативные единицы языка». Тезисы докл. — М., 1984. — С. 102—105. 8. *Телия В. Н.* Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке. — М., 1981. — 149 с. 9. *Шмелев Д. Н.* Современный русский язык. Лексика. — М., 1977. — 249 с.

Поступила в редколлегию 18.10.85

**РОЛЬ МЕТАФОРИЗАЦИИ В ПОПОЛНЕНИИ
ВОЕННОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ**

Известно, что лексика общеупотребительного языка и специальная лексика находится в постоянном взаимодействии. Одним из участков этого взаимодействия нами рассматривается пласт профессиональных слов, входящий помимо номенклатурной терминологии и жаргонизмов в состав специальной военной лексики [2, с. 83].

Под профессионализмами мы понимаем языковые средства общения профессиональных групп (в данном случае военных) преимущественно в устной форме языка и рассматриваем их как естественное следствие знакового характера слова — единицы с неоднородным содержанием во взаимодействии с функциями высказывания, в котором они используются в речи.

На материале военной оперативно-тактической терминологии ФРГ покажем процесс метафоризации как одну из разновидностей семантической трансформации общеупотребительных слов сначала в профессионализмы, а затем в военные термины.

Использование термина и образное словоупотребление, представляя собой два семантических полюса функционирования лексических ресурсов языка в научной речи, в то же самое время являются синтезом двух противоположных тенденций, служащих в языке науки отражению истинных отношений между явлениями объективной действительности путем создания адекватного метафорического термина [7, с. 203].

Еще недавно высказывались серьезные сомнения в эффективности использования метафоры как вполне определенного средства выражения научного знания. Однако анализ немецкой военной лексики доказывает обратное. Возникающая в результате метафоризации многозначность лексики скрывает в себе усилия человеческого мышления в поисках все новых и новых форм познания [1, с. 40]. В языке она выступает одной из форм экономии языковых средств, так как ни один язык не был бы в состоянии выразить каждую конкретную идею самостоятельным словом или корневым элементом. Конкретность опыта безгранична, ресурсы самого богатого языка строго ограничены [3, с. 18].

Метафоризация как один из видов семантического словообразования характерна преимущественно для профессиональных слов, служащих связующим звеном между общеупотребительной лексикой и номенклатурными терминами. Принцип, по которому осуществляется семантическая трансформация общеупотребительных слов в военные термины, базируется на различных видах аналогии. Для этого в словах общего языка проходит процесс переосмысления путем движения в их семантической структуре на первый план важных в военном отношении значений. Метафоризация возможна только на базе общеупотребительных слов, так как сами термины в пределах

терминсистемы лишены возможности развития значения путем метафорического переноса [4, с. 66].

Широкое использование метафор в военной лексике обусловливается местом военного дела в жизни общества. В силу необходимости знакомства с военным делом всего мужского населения страны на всех этапах его развития военная лексика наименее отграничена от общего языка и в большей степени, чем какая-либо другая (скажем, узкоспециальная) взаимодействует с общеупотребительной лексикой [8, с. 310]. Это находит свое выражение в том, что значение тактического или оперативного термина бундесвера часто мотивируется значением бытового слова, на базе которого данный термин был создан [9, с. 183].

Человек в процессе своей познавательной деятельности приспосабливал для наименования военных понятий общеупотребительные слова, образуя новые, специальные значения привычных ему слов на основе сходства предметов, явлений и процессов. По мере развития военной науки и усложнения ее понятий специальная лексика используется в качестве составных компонентов сложных терминов и терминологических словосочетаний. Так, в составе современной военной терминологии ФРГ функционируют термины, перешедшие в терминсистему из профессионализмов. Сохраняя свою изначальную материальную форму, они приобрели новый объем значения, соответствующий современному уровню развития оперативно-тактического искусства:

- Flügel — крыло (оперативного построения войск);
фланг (боевого порядка)
- Igel — еж (заграждение); опорный пункт (отделения, взвода), оборудованный для круговой обороны; круговое охранение (отделения, взвода)
- Kessel — «котел», кольцо окружения
- Riegel — отсечная позиция; (траншея); временный оборонительный рубеж (батальона)
- Rücken — тактический тыл
- Spitze — голова, головное подразделение (на марше); головная походная застава

Кроме существительных в составе оперативно-тактической терминологии терминируются бинарные адъективные (причастные) словосочетания-метафоры, отличающиеся тесной лексической спаянностью компонентов:

- blinder Bombenwurf — бомбометание вне видимости
наземных объектов
- blindes Feuer — огонь холостыми боеприпасами
- bestrichener Raum — поражаемое пространство
- geballte Kräfte — сосредоточенные силы
- toter Raum — непростреливаемое, непоражаемое пространство

Семантический способ терминообразования предполагает наличие у терминированной лексики «генетической образности», вызываемой лексическим значением и остаточным лексическим фоном термина [5, с. 31]. Переход профессионализма в разряд терминов сопровож-

дается постепенной утратой эмоционально-экспрессивной окрашенности.

Возникновение и функционирование терминированных метафор обуславливается не только экстралингвистическими факторами (появлением нового понятия, различного рода аналогий с уже существующими понятиями), но и имманентным законом «экономии языковых средств» и «принципом наименьшего речевого усилия», с одной стороны, и тенденцией к повышению коммуникативной функции языка, с другой. Как показывают наблюдения, метафорический термин обладает большей разрешающей способностью по сравнению с нейтральными терминами и терминологическими словосочетаниями. Терминированная метафора заключает в себе более высокий терминологический потенциал, позволяющий выразить экономными языковыми средствами более широкий объем содержания. Рассмотрим это на примере глаголов:

- einfädeln — sich zur Marschkolonne auseinanderziehen
- einkesseln — den Feind von allen Seiten einschließen
- einsickern — unerkannt durch feindliche Stellung
in die Tiefe dringen
- fesseln — durch Vortäuschen eines Angriffs den Feind
binden, um an anderer Stelle diese Gebundenheit des Feindes zu nutzen
- spähen — durch Spähtrupps die Aufklärung führen

Практика показывает, что процесс метафоризации сводится не только к простому перенесению свойств, признаков одного объекта на другой. Терминированная метафора, кроме того, еще несет и дополнительную информацию в форме гипотетического предположения, экстралингвистических знаний, эмоций, научного и обыденного опыта носителей языка. Подвергаемый метафоризации объект включает в себя две составляющие: выражаемую первоначальную основополагающую идею в форме сравнения, установления аналогий и предполагаемую идею с точки зрения содержания научного знания, конечным результатом которой является образование нового понятия [6. с. 82].

Так, применительно к термину бундесвера *Bombenteppich* «ковровое бомбометание» основной являлась идея площадности, пространства, ограниченного небольшими размерами. Таким и было имитационное устройство для обучения бомбометанию, называемое миниатюр-полигоном. Предполагаемой идеей была идея возможности бесприцельного метода бомбометания по всем объектам на намеченной площади. Этот метод впоследствии применялся стратегической авиацией США во время второй мировой войны. Таким образом слово *Teppich* в тактике действий авиации рассматривается как метафора, поскольку оно перестало обозначать идею малоразмерности площади, ограниченной стенами учебного помещения, и включило в себя идею масштабности, реальности применения предполагаемого метода масштабированного удара авиации. То же самое можно сказать и о терминах *Kriegsschauplatz* «театр военных действий», *vertikale Umfassung* «вертикальный охват» и др.

Наиболее ярко выраженной способностью терминологизации в языке военной науки обладает простая метафора. Развернутая метафора чаще используется как стилистический прием в жанре научно-популярного изложения и публицистики.

Таким образом, в языке военной науки в целях создания адекватного термина широкое применение находит простая метафора с ее эмоционально-оценочной окраской; вступая в конфликт с нейтральными терминами, лишенными эмоционально-оценочной окраски, она, частично нейтрализуясь, становится терминированной, однозначной, узконаправленной и употребляется для характеристики самого предмета исследования и исследования его свойств; метафора-термин позволяет сократить линейную протяженность обычного терминологического словосочетания без ущерба выражению содержания, т. е. является более емкой; терминированная метафора, как правило, используется для образования профессионализмов (разговорных аналогов отдельных терминов), обладающих потенциальной возможностью трансформирования в номенклатурные термины.

Список литературы: 1. Абаев В. И. О подаче омонимов в слове // ВЯ. — 1977. — № 3. — С. 31—43. 2. Бондалетов В. Д., Гванищев С. Г. Перерождения профессиональной лексики в терминологию // Научно-технический прогресс и мова. — К., 1978. — С. 78—90. 3. Виноградов В. В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. — М., 1972. — 614 с. 4. Даниленко В. П. Русская терминология: Опыт лингвистического описания. — М., 1977. — 246 с. 5. Митрофанова О. Д. Научный стиль речи: проблемы обучения. — М., 1977. — 199 с. 6. Петров В. В. Семантика научных терминов. — Новосибирск, 1982. — 82 с. 7. Разинкина Н. М. О некоторых специфических чертах метафорической образности в системе современной английской научной прозы // Научно-техническая революция и функционирование языков мира. — М., 1977. — С. 198—205. 8. Сорокалетов Ф. П. История военной лексики. — Л., 1970. — 383 с. 9. Pohla E. Terminologie-Normung in der Bundeswehr // Truppenpraxis, 1978. — Н. 3. — S. 179—184.

Поступила в редколлегию 19.10.85

Е. М. РОЗЕНБАУМ, д-р пед. наук

Запорожье

ЯЗЫКОВЫЕ КОМПОНЕНТЫ ОБУЧЕНИЯ ДИАЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ

Выявление ситуативно-смысловых компонентов обучения диалогической речи позволило определить ситуацию общения как основу возникновения смысловых связей высказываний партнеров в естественном диалоге [6]. Определение этих языковых средств, позволяющее установить естественную взаимосвязь «ситуация — смысл — язык», методически значимо. Оно представляет возможность дать методическую интерпретацию языковым явлениям и этим определить языковые компоненты обучения диалогической речи — одну из основ обучения этой форме речи.

Устная и, в частности, диалогическая речь реализуется в специфических условиях — в определенной ситуации общения, в которой возникает та или иная тема — предмет речи, тема разговора. Это и откладывает свой отпечаток на выбор языковых средств говорящими партнерами, что в итоге придает диалогической речи определенный стилистовый оттенок.

Так как лексика и структура диалогической речи зависит от социальной сферы общения, то она должна рассматриваться в аспекте какого-то функционального стиля. Кроме того, следует учитывать и то, что ее синтаксические средства, лексика и фонетика ограничены коммуникативно [2].

Признается большая естественность диалогического аспекта речи для разговорного стиля [7]. Последний характеризуется преобладанием нейтральных, не маркированных стилем средств выражения, составляющих фундамент разговорной речи. На этом фоне выделяется ограниченное число чисто разговорных особенностей, что позволяет квалифицировать разговорную речь в ее оппозиции к книжной как стилевую разновидность литературного языка.

Это позволяет сделать два методически значимых вывода:

- а) разговорный стиль диалогической речи должен получить свое отражение в обучении в виде ограниченного числа чисто разговорных особенностей;
- б) материалом для отбора должны служить речевые произведения, отражающие разговорный стиль диалогической речи.

Для языкового материала* мы выбрали пьесы современных французских авторов, построенные в основном на интеллектуально-бытовых диалогах**. В качестве контрольных использовались магнитофонные записи бесед информантов-французов.

Поскольку специфика речевого стиля больше всего проявляется в синтаксисе, мы уделили особое внимание синтаксическим характеристикам диалогической речи. Это соответствовало исходной установке на взаимосвязь «ситуация — смысл — язык» и позволило определить, какими средствами устанавливается смысловая нить между предложениями, выражающими основную мысль каждой из реплик партнеров диалога [6].

Статистический анализ производился на материале 10-ти выборок по 1000 предложений каждая.

В итоге оказалось, что, если рассматривать предложения независимо от их функции в речи, то смысловые взаимосвязи между репликами осуществляются в основном простыми предложениями (703—716 на каждую тысячу). Подавляющее большинство из них — это распространенные предложения (438—453). Среди сложных наиболее употребляемыми оказываются сложноподчиненные предложения (135—144), а среди последних — с придаточным предложением дополнительным (55—67).

Анализ состава простого распространенного предложения показал, что наиболее употребительны среди них предложения с одним второстепенным членом и при этом — прямым дополнением или обстоятельством. В этом случае мы имели дело с повествовательными предложениями. Если же единственным второстепенным членом являлось косвенное дополнение, то это были в основном вопросительные предложения. Повествовательными оказались все простые распространенные предложения, имеющие по два второстепенных члена. Это было «прямое дополнение — обстоятельство» или «прямое дополнение — косвенное дополнение».

Анализ предложений с точки зрения их функции в диалогической речи производился с использованием метода структурно-вероятностного анализа [1]. В предложениях, являющихся побуждениями к репликам партнера, вопросительные конструкции встречаются в два раза чаще, чем повествовательные, что и естественно в диалоге. Примечательно, что побудительные предложения-реплики составляют лишь пятую часть.

Реакции на предыдущие побудительные реплики партнеров — это в основном простые повествовательные предложения. Повествовательны и сложные предложения-реакции. Вместе с тем встречаются очень распространенные сложные предложения-реакции, что свидетельствует о многообразных смысловых взаимосвязях, внешнее выражение которых очень сложно для обучаемых [5].

На этой основе определены следующие типичные для разговорного стиля диалогической речи и предназначенные для обучения конструкции:

* Исследование проводилось на материале французского языка.

** Произведения А. Ашара, А. Адамова, Ж. Одиберти, С. Бекета, П. Клоделя, Ж. Кокто, П. Куртада, М. Паньеля, А. Салакру, М. Эйме.

Простые повествовательные предложения

А. Повествовательные Б. Вопросительные В. Побудительные;

Нераспространенные:

Интонационные:

1. S—Pv

(см. п. А, 1—6)

1. Pv—Cd—Ci

S—Pn

Pn—Cd—Ci

Распространенные:

C est-ce que

2. S—Pv—Cd

(см. п. А, 1—6)

2. Pv—Cc

S—Pn—Cd

C est-ce que

Pn—Cc

3. S—Pv—Ci

с вопр. словом

S—Pn—Ci

4. S—Pv—Cc

(см. п. А, 1—6)

S—Pn—Cc

С инверсией:

5. S—Pv—Cd—Ci

Mi—Pv—S; Mi—Pn—S

S—Pn—Cd—Ci

Mi—Pv—S—Cd, Mi—Pn—

6. S—Pv—Cd—Ci—Cc

S—Cd

S—Pn—Cd—Ci—Cc

Mi—Pv—S—Ci

Сложные предложения*

Сложноподчиненные:

Сложносочиненные союзы:

1. PrP—SuC

1. Co + et + Co

2. PrP—SuR

2. Co + mais + Co

3. PrP—SuT

4. PrP—SuM

5. PrP—SuL

Рекомендуя перечисленные конструкции студентам для их использования в школьном обучении, можно предложить следующую последовательность их введения. Группы повествовательных и вопросительных предложений вводятся параллельно в указанной последовательности. Среди сложных предложений в первую очередь вводятся сложносочиненные, а затем — сложноподчиненные в указанной последовательности.

Первоочередное введение вопросительных конструкций объясняется порядком слов в них, т. е. как лингвистическими, так и методическими соображениями. В анализируемом языковом материале соотношение употребительности конструкций с прямым и обратным порядком слов составляет соответственно 5 к 1. Поэтому первоочередность вопросительных конструкций с прямым порядком слов по аналогии с порядком слов повествовательных предложений активизирует речь учащихся.

Половина всех предложений в анализируемых произведениях употребляется в *prés. de l'ind.*, затем идет *impératif* (примерно в 4 раза меньше). Далее следует *passé composé*, а за ним — *imparfait de l'ind.* Только потом следует *futur Simple*; *passé simple* и *passé ant.* вообще не встречаются. В то же время контрольные магнитофонные записи речи информантов показывают широкое употребление *futur immédiat*, в том числе вместо *futur simple*. Это значит, что это время должно использоваться в обучении диалогической речи.

«Лексико-синтаксическими единицами» мы условно назвали типичные для диалогической речи краткие предложения, включив в них и слова-предложения. При отборе использовалась известная методика [4]. В основу положено 10000 случайных предложений-употреблений, состоящих не более, чем из 7 слов. Выбор такой верхней границы подсказал опыт исследований на материале других языков. В итоге проведения трех этапов отбора в нашем распоряжении оказалось 66 лексико-синтаксических единиц, частота повторяемости которых составила от 4 до 175 во всем объеме исследуемого материала. Коэффициент общности составил от 2 до 9. Среди отобранных лексико-синтаксических единиц не оказалось ни одной, состоящей более чем из 5 слов. По своему функциональ-

* Здесь и выше условные обозначения: S — sujet; Pv — pr. verb; Pn — pr. nom; Cd — Compl du v. dir; Ci — compl. du v. ind; Cc — compl. circ; Prp — prop. princ; Su — subord; SuC — sub. compl; SuR — relat; SuT — de temps; SuM — de man; SuL — de lieu; Co — coorl. Mi — mot d'interrogation.

ному значению они выражают обращения, формулы вежливости, побуждения к действиям или к прекращению действий, требования сведений о лицах, предметах, месте, времени, причине и образе действий, сообщения сведений или констатацию фактов, согласие или несогласие, эмоциональное отношение говорящего к предмету речи.

Ниже приводится список отобранных лексико-синтаксических единиц, предназначенных для обучения.

1. Ah!	13. Madame!	25. Parfait!
2. Allons!	14. Moi?	26. Peut-être.
3. Allez!	15. Merci.	27. Quoi?
4. Alors!	16. Monsieur.	28. Qui?
5. Allez-vous-en!	17. Moi.	29. Rien.
6. Ah?	18. Naturellement.	30. Si!
7. Bien.	19. Non!	33. Soit!
8. Bon.	20. Oh!	32. Tiens!
9. Comment?	21. Oui.	33. Tais-toi!
10. Chut!	22. Où?	34. Vite!
11. Inutile!	23. Pardon.	35. Va!
12. Jamais!	24. Pourquoi?	36. Voilà!
37. Au secours!	43. Et après?	
38. Au revoir.	44. Et bien?	
39. Allons donc!	45. Je sais.	
40. Ça va!	46. Je vois.	
41. De quoi?	47. Mais non!	
42. Et alors?	48. Moi non plus!	
49. Mais oui.	55. C'est bon.	61. Où est-il(elle)?
50. Moi aussi.	56. C'est vrai.	62. Où allez-vous?
51. Non, Madame.	57. Je ne sais pas.	63. Pas du tout.
52. Oui, Monsieur.	58. Je sais bien.	64. Ce n'est pas vrai.
53. C'est moi.	59. N'est-ce pas?	65. Je t'en prie.
54. C'est bien.	60. Bien sûr.	66. Nous allons avec vous.

Интонация — особый признак диалогической речи. Оказывается возможным использовать в обучении полученные лингвистикой данные [3]. Имеется в виду в первую очередь абсолютно необходимые для обучения двучленные диалогические комплексы «общий вопрос — ответ» и «специальный вопрос — ответ». Перспективные различительные признаки интонации вопроса и наиболее типичного ответа таковы: высотный уровень, направление движения основного тона (главным образом на ударном слове). При этом отмечается, что такие интонационные признаки на уровне восприятия, как громкость, темп, направление движения основного тона на предупредительной структуре фразы не имеют значения для распознавания вопроса и ответа [3].

Отработка отобранного для обучения языкового материала, типичного для разговорного стиля диалогической речи, проводится при соблюдении определенных условий. Прежде всего речевые задания подаются в форме диалогов. Кроме того, они должны отражать две стороны речевого процесса — восприятие и воспроизведение. Наконец, всю работу надо строить на основе отобранных синтаксических конструкций.

Список литературы: 1. Андреев Н. Д. Статистико-комбинаторные методы в теоретическом и прикладном языковедении. — Л., 1967. — 403 с. 2. Артемов В. А. Основные проблемы современной психологии обучения иностранным языкам // ИЯШ. — 1967. — С. 31—34. 3. Китайгородская Т. А. Интонация вопросо-ответного единства в современном французском языке: Дис. ... канд. фил. наук. — М., 1967. — 150 с. — Машинопись. 4. Леонова Л. А., Шубин Э. П. «Готовые» предложения в современном английском бытовом диалоге // ИЯШ. — 1970. — № 3. — С. 25—29. 5. Розенбаум Е. М. Основы обучения диалогической речи на языковом факультете педагогических вузов. — ИМ., 1975. — 126 с. 6. Ро-

М. М. ГОХЛЕРНЕР, канд. психол. наук,
А. П. КОВАЛЕВА, канд. филол. наук

Харьков

О НЕКОТОРЫХ ЭЛЕМЕНТАХ ДЕЛОВЫХ ИГР

В нашей стране метод деловых игр применялся еще в 30-е годы прежде всего для оптимизации экономических процессов [1]. Начиная с 70-х годов деловые игры все больше привлекают к себе внимание как очень важный рычаг активизации учебного процесса. Появляются статьи, сборники статей, монографии, посвященные разработке методики деловых игр [2].

К числу достоинств деловых игр исследователи относят такие качества: максимальное приближение обучения к реальным производственным условиям; широкая самостоятельность участников игры; принятие решений в условиях соревнования и др. [4; 6].

Следует отметить, что разработка и применение методики деловых игр в обучении студентов иностранному языку в неязыковом вузе еще не явились предметом систематического исследования. Необходимо четко разграничить игру и деловую игру. Дело в том, что отдельные игровые элементы всегда успешно применялись в процессе обучения иностранному языку прежде всего в плане развития устной речи (разговорные ситуации, ролевые игры). Имеется богатая методическая литература, в которой такой ситуативный или коммуникативный подход является принципом обучения.

В условиях неязыкового вуза существуют некоторые ограничения. Основное время, предусмотренное учебным планом на изучение иностранного языка, выделено на первом и втором году обучения, когда профессиональные знания студентов еще недостаточны и не могут быть предметом беседы. Предусмотренные же в учебниках ролевые ситуации, как правило, ограничиваются рамками быта, учебы, досуга студентов. Специфика их будущей специальности в них еще почти не затрагивается.

Исходя из этого представляется небесполезным применение на занятиях по иностранному языку отдельных элементов деловых игр, построенных с учетом будущей специальности студентов. Безусловно, в данном случае не может идти речь о большей игре-проблеме, рассчитанной на многие дни и месяцы, как это делается применительно к сфере управления. В процессе обучения иностранному языку могут применяться лишь отдельные элементы деловых игр — ситуации-иллюстрации на конкретном материале (демонстрация способов принятия хозяйственного решения); ситуации-проблемы (излагается ситуация, принятое решение и предлагается оценить его рациональ-

ность). На наш взгляд, применение элементов деловых игр особенно способствует развитию коллективных, групповых форм обучения, когда задания выдаются не каждому отдельному учащемуся, в соответствии с его ролью, а бригаде 5—6 чел. Они сами распределяют между собой роли, меняются ими, помогают друг другу в решении проблемы.

В условиях сельскохозяйственного вуза, готовящего руководителей сельского хозяйства различных масштабов, мы применяем деловые игры двух видов: 1) ситуационные задачи по психологии и этике управления общего плана, связанные с необходимостью решать те или иные производственные и личные конфликты; 2) узкоспециальные задачи, привязанные к профилирующим предметам. Эти игры применяются на 2—4-х курсах и способствуют углублению знаний языка и профессиональной направленности обучения.

Поскольку деловая игра предполагает и обязательную языковую игру в виде переспроса, использования ключевых слов в различных контекстах, их толкование вызывает интерес с различных точек зрения. Целесообразно включить в такие ситуационные игры и роль гостя — носителя языка.

Решение задачи-проблемы должно носить творческий характер. Преподаватель и студенты лишь располагают определенным сценарием деловой игры, который в какой-то мере намечает ход решения, но не предписывает его результат.

В игре участвует гость из ГДР, поэтому можно ввести вопрос с обращением к нему о жизни этой страны. Иногда вводится роль переводчика, уточняющего с одной стороны гостю, а с другой, участникам дискуссии сущность спора.

Такое занятие строится в виде игры, в которой участвуют соревнующиеся бригады. В этом случае каждое их предлагаемых решений оценивается по пятибалльной системе. Самое правильное решение оценивается в 5 баллов, остальные — альтернативы от 4 до 1, в меру приближения к правильному решению.

При этом учитывается не только степень правильности оценки, но и доказательность аргументации.

Общее количество баллов суммируется для всей бригады, а участие в дискуссии каждый из членов бригады получает по одному баллу.

Кроме отметки за содержание ответа выставляются оценки за правильность и выразительность языка и это учитывается при подведении итогов. Если игра проводится в студенческой группе, арбитрами выступают преподаватель и два студента (три эксперта), каждый из которых выставляет свою оценку.

Две подгруппы могут проводить эту игру совместно. В этом случае экспертами являются два преподавателя и по два студента из каждой подгруппы.

Игровой характер занятия способствует непринужденности обстановки, стимулирует активность участников.

Сначала студенты знакомятся с ориентировочным словарем к задаче, который включает основные слова ситуации, прежде всего тер-

мины. Затем следует изложение задачи на иностранном языке, даются предполагаемые ответы и проверка решений.

Приводим пример описания одной из ситуаций на материале немецкого языка [3].

Worliste

Feldwirtschaft (f)	— полеводство
beachten	— обратить внимание
Saatfolge, Fruchtfolge	— севооборот
das Telephon klingelt an	— звонит телефон
um Verzeihung bitten	— просить прощения
Landwirt (m)	— сельский хозяин
Verwaltungsgebäude (n)	— здание правления
des Gespräch unterbrechen	— прерывать разговор
Anweisungen geben	— давать указания
höflich	— вежливо
Ferngespräch (n)	— разговор по телефону

Situation

Sie sind der Vorsitzende eines Kolchose. In Ihrem Betrieb sind zur einige Landwirte aus der DDR zu Gast. Sie sitzen alle im Verwaltungsgebäude und besprechen die Saatfolge. Da klingelt das Telephon an, was zu tun? Die Rollen: der Vorsitzende des Kolchose, 2—3 Gäste aus der DDR, Agronom für Feldwirtschaft, der Sekretär.

Mögliche Varianten der Lösung

1. Ich beachte das Telephon nicht und setze das Gespräch fort.
2. Ich bitte um Verzeihung und spreche telephonisch möglichst kurz.
3. Ich gebe dem Sekretär Anweisungen, diesen Anruf zu beantworten und setze das Gespräch fort.

Prüfung der Lösung

1. Das ist nicht ganz richtig. Sie müssen nicht nur mit den Anwesenden, sondern auch mit allen höflich sein. Man darf das Gespräch nicht unterbrechen und sogleich muss man den Anruf beantworten.
2. Sie haben nicht recht. Es ist unhöflich, ein offizielles Gespräch zu unterbrechen und genauso unhöflich ist es, den Anruf kurz und hastlich zu beantworten.
3. Da haben Sie recht. Man muss Ferngespräche während der Aufnahme der Besucher gewiss meiden. Dabei sind auch Ausnahmen möglich: zum Beispiel der Anruf der Höchsten Instanz. In solchen Fällen muss man sich bemühen, kurz zu sprechen. Wenn der Sekretär nicht imstande ist, alle Fragen zu beantworten, so muss er sie niederschreiben. Später werden Sie diese Fragen persönlich beantworten.

На старших курсах преподаватель после того, как будет принято и оценено решение, может направить разговор в плане сравнения севооборота в данном хозяйстве и в том, откуда прибыли гости — носители языка.

В качестве деловой игры узкоспециального характера приведем деловую игру для студентов землеустроительного факультета по теме «Организация производственных подразделений».

Ориентировочный словарь: 1) производственное подразделение; 2) отраслевой принцип; 3) территориальный принцип; 4) комбинированная структура; 5) комплексная бригада; 6) производственный участок; 7) распределение; 8) населенный пункт; 9) землепользование.

Описание ситуации:

Два студента получили распределение. Один — в крупный колхоз с одним населенным пунктом, компактным землепользованием, углубленной специализацией. Другой — в крупный колхоз, имеющий пять населенных пунктов.

В каждое из названных хозяйств приезжает гость — носитель языка. Беседа ведется в плане выяснения, по какому принципу следует определить организационную и хозяйственную структуру данных колхозов.

Роли: два специалиста-выпускника, гость из ГДР, переводчик. Проверка решений (на иностранном языке):

1. В колхозах, имеющих один населенный пункт, компактное землепользование, углубленную специализацию, рекомендуется организовывать производственные подразделения по отраслевому принципу;

2. При наличии в колхозе нескольких или многих населенных пунктов, как правило, предполагается организация производственных подразделений по территориальному принципу.

Опыт работы с использованием различных ситуаций, характерных для профессионального общения, свидетельствует о следующем:

Серьезно повысился интерес к устной речи; лучше запоминалась лексика, предназначенная для активного употребления; возросла инициативность студентов: внешнеречевое инициативное поведение начало носить устойчивый и целенаправленный характер, что проявилось в предвидении возможных ситуаций [5]. Немаловажным фактором является также то, что на занятиях по иностранному языку решались профессиональные задачи. Это способствовало укреплению межпредметных связей.

Список литературы: 1. Бириштейн М. М. Производственные игры: первые шаги // Экономика и организация промышленного производства. — 1978. — № 6. — С. 48—50. 2. Гидрович С. Р., Сыроежкин И. М. Игровое моделирование экономических процессов (деловые игры). — М., 1976. — 68 с. 3. Гохлернер М. М., Ковалева А. П. Методические указания к работе над управленческими ситуациями на немецком языке. — Х., 1985. — 82 с. 4. Игудесман Я. Е., Иванов Г. И., Короткова Г. Н. и др. Методические принципы деловых игр. // Деловые игры в учебном процессе. — Минск, 1982. — С. 24—27. 5. Попов А. М. Инициатива и общение в творчестве. — Казань, 1963. — 80 с. 6. Психолого-педагогические вопросы проведения деловых игр // Содержание, формы и методы обучения в высшей и средней специальной школе: Обзорная информация. НИИ ПВШ. — М., 1983. — Вып. 10. — С. 40—42.

Поступила в редколлегию 18.10.85

Э. Л. НОСЕНКО, д-р психол. наук,
Н. Д. ГРЕБЕНЮК

Днепропетровск

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ФУНКЦИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННЫХ ГРАММАТИЧЕСКИХ УПРАЖНЕНИЙ

Идеи функционального подхода к обучению иностранному языку, в рамках которого язык рассматривается с точки зрения его использования в конкретных ситуациях речевого общения, находят все более широкое применение в практике

преподавания. На базе этого подхода как в отечественной, так и в зарубежной методике успешно разрабатываются обучающие курсы, способствующие более эффективному овладению грамматическим аспектом иностранного языка [4; 5; 6].

Отличительной особенностью функционально-ориентированных грамматических упражнений, разрабатываемых отечественными исследователями, является опора на психологическую теорию поэтапного формирования умственных действий в процессе становления навыков грамматически правильной иноязычной речи.

Центральным моментом концепции поэтапного формирования умственных действий применительно к обучению иностранному языку является раскрытие значения грамматических категорий иностранного языка с точки зрения особенностей «языкового сознания» его носителей [1]. Как известно, будучи частной формой общественного сознания, языковое сознание у народов, говорящих на разных языках, разное. Пока изучающие иностранный язык не постигнут особенностей языкового сознания носителей этого языка, они допускают в своей иноязычной речи большое количество труднопреодолимых ошибок, так как соотносят формальные средства иностранного языка с внеязыковой действительностью, преломляя их через призму своего родного языкового сознания, во власти которого они остаются. Между тем, как подчеркивает П. Я. Гальперин, «различение и соотнесение внеязыкового содержания и собственно языкового значения каждой языковой формы есть кардинальное условие понимания языка и речи на этом языке» [там же, с. 79].

Задача курса функциональной грамматики в свете вышеизложенного состоит в превращении в управляемый процесс формирования иноязычного сознания и выражения его соответствующими языковыми средствами. Важным звеном при построении такого курса становится определение значения формальных структур языка и формирование у обучающихся такого понимания этих структур, которая предопределяет, какая из них может быть использована в данном речевом сообщении, в данной конкретной коммуникативной ситуации.

Это звено должно, с нашей точки зрения, присутствовать и на этапе контроля уровня владения иностранным языком, что позволит установить, на каком этапе процесса формирования грамматического навыка у обучающихся образовался пробел и как следует скорректировать последующие усилия обучающего.

Поставив перед собой задачу разработать систему таких контрольных упражнений и оценить их эффективность, мы руководствовались следующими основополагающими принципами [2, с. 46]:

1. Необходимо проверить, усвоен ли учащимися алгоритм различения смысла соответствующих грамматических категорий иностранного языка и умеют ли они переосмысливать речевую ситуацию, заданную средствами родного языка.
2. Нужно в рамках контролирующего курса проверить умение обучающего соотносить обобщенные определения значений формальных структур (сформулированных на родном языке) со средствами выражения этих значений, имеющимися в иностранном языке.
3. При проведении контроля степени сформированности грамматического навыка необходимо проверить, насколько оперативно обучающийся осуществляет непосредственное соотнесение самостоятельно вычлененного из коммуникативной ситуации значения с соответствующей ему грамматической формой иностранного языка.

Остановимся коротко на тех ограничениях, которые налагали на построение этих упражнений особенности дидактического программирования, реализованного в автоматизированном контролирующем курсе иностранного языка на базе ЭВМ [3].

В рамках этого курса обучающийся работает без непосредственного контакта с машиной, имея в своем распоряжении комплект контрольных заданий и карточки программированного контроля знаний, в которые заносятся ответы. На каждый вопрос испытуемый может дать до 6 правильных ответов (при выборочном методе формирования ответа) или ответить цепочкой символов, включающей 6 дискретных единиц (при конструируемой или результирующей формах ответа). Поскольку в качестве символов, из числа которых может формиро-

ваться ответ, использованы все буквы русского и латинского алфавитов, а также 9 цифр, имеется возможность формировать ответ в виде целого слова (состоящего, однако, не более чем из шести букв).

Таким образом, возможности дидактического программирования, использованного в рассматриваемом автоматизированном курсе, достаточно широки и позволяют разрабатывать разнообразные виды контрольных грамматических упражнений, включая и так называемый «условный» (частичный) перевод.

Рассмотрим основные виды этих упражнений, часть из которых предъявлялась абитуриентам. В первую группу вошли упражнения, предназначенные для проверки умения экзаменуемого анализировать речевую ситуацию с позиций языкового сознания носителей иностранного языка. В ходе их выполнения испытуемые анализируют задаваемые им средствами родного языка микроконтексты с целью определения значения представленных в них грамматических категорий (в нашем примере — системы видо-временных форм английского глагола) и соотносят выделенные ими грамматические значения с обобщенными формулировками этих значений.

Например:

Микротексты для анализа

1. Не мешай ей! Она переводит статью
2. Она переводит статьи по субботам
3. Когда я пришел, она уже перевела статью

Правильные ответы: 1—А;
2—В; 3—Г.

Обобщенные формулировки значений видо-временных форм

- А. Действие представлено как незаконченное, соотнесенное с конкретным моментом в настоящем
Б. Действие представлено как завершенное, но связанное с настоящим своим результатом, хотя указание на время совершения отсутствует
В. Действие представлено как повторяющееся, обычное, одно из цепи последовательных
Г. Действие представлено как «предпрошедшее», завершенное до другого действия в прошлом

Во вторую группу вошли упражнения, имеющие целью проверить умение экзаменуемого соотносить обобщенные грамматические значения с конкретной системой форм их выражения в иностранном языке.

При их выполнении испытуемым задаются микроконтексты на иностранном языке, которые они по типу тестов совмещения соотносят с обобщенными формулировками представленных в них грамматических значений. Для «снятия» лексических трудностей эти контексты могут предъявляться вначале с параллельными переводами на родной язык, а затем без переводов.

В третью группу включены упражнения на проверку степени осознанности испытуемым обобщенных правил соотнесения иноязычных форм с их лингвистическим значением. При выполнении этих контрольных упражнений внимание фокусируется на грамматической форме (т. е. на плане выражения, а не на плане содержания, как в предыдущих), хотя последний также присутствует как неотъемлемый компонент упражнения.

В упражнениях четвертой группы перед испытуемым ставится более конкретная и сложная задача: соотнести иноязычную грамматическую форму непосредственно с микроконтекстом, заданным средствами родного языка. При этом необходимо самостоятельно вычленить в микроконтексте признаки, дающие основание сформулировать обобщенное лингвистическое значение, которое затем соотносится с соответствующими ему средствами выражения в иностранном языке. Одна из задач — проверка прочности усвоения испытуемыми структурных особенностей иноязычных грамматических форм. Эта задача решается с помощью разнообразных видов контрольных заданий с выборочной и с конструируемой формой ответов [3].

Завершают систему контрольных упражнений задания, выполнение которых предполагает максимальное «свертывание» ориентировочной основы действия, перевод ее во внутренний план. При этом использован принцип «условного» перевода. На его основе разработаны задания с выборочной, конструируемой и результирующей формой ответа. Например, на основе микроконтекста: «Спасибо! Мне не нужна помощь. Я *перевела* статью» экзаменуемому можно предложить: либо выбрать для выражения лингвистического значения подчеркнутого глагола одну из представленных в таблице обобщенных структурных схем (1. is ... ing 2. have... ed; 3.— ...ed; 4. has...ed), в данном случае вторую, либо сконструировать ответ из элементов (1. is; 2. was; 3. has; 4. had; 5. have; 6. translates; 7. translated; 8. translating) — have translated, либо записать второе слово английского перевода подчеркнутого предложения: «HAVE».

Экспериментальной проверке с целью установления валидности были подвергнуты упражнения последних двух групп, которые предъявлялись абитуриентам на вступительном экзамене в вуз.

Вид контрольного задания	Группа из 10 чел.			Уровень значимости качественных различий между группами, оцененной по критерию Стьюдента		
	I	II	III			
	Правильность выполнения заданий абитуриентами, %, ср.			Различия существенны при $p=$		
	93 %	76 %	49 %	I—II	II—III	I—III
Усредненный процент правильных ответов абитуриентов на проверку знаний основ грамматики с помощью ЭВМ	85	79	52	0,001	0,001	0,001
Среднее количество ошибок, допущенное испытуемыми в контрольной работе при постэкзаменационной проверке	11,8	14,9	21,0	0,175	0,002	0,017

Проверка валидности осуществлялась следующим образом. Из общего числа абитуриентов было сформировано три группы, в первую из которых вошли лица, получившие при машинном контроле знаний оценку «отлично», во вторую — «хорошо», в третью «удовлетворительно». После зачисления в вуз им предложили выполнить письменную контрольную работу грамматического характера. Их снова разбили на три группы по среднему количеству ошибок, допущенных при выполнении контрольной работы. Статистическая обработка полученных данных позволила установить надежную корреляцию между результатами машинной и безмашинной проверки знаний.

На этом основании был сделан вывод о валидности автоматизированной системы контроля знаний, которая, не уступая безмашинной в объективности, обладает рядом преимуществ: обеспечивает резкое сокращение времени на проведение контроля; позволяет уменьшить состав приемной комиссии, а также снизить уровень эмоциональной напряженности экзаменуемого в ходе экзамена.

Список литературы: 1. Гальперин П. Я. Новые возможности обучения в частности, иностранным языкам // Вопр. методики преподавания иностр. яз. на неязыковых факультетах ун-тов. — М., 1971. — С. 78—80. 2. Кабанова О. Я. Основные

вопросы методики обучения иностранному языку на основе концепции управления усвоением. — М., 1976. — 156 с. 3. Моссаковский Э. Л. Способ представления оценки знаний иностранного языка в системах контроля с универсальными ЭВМ // Применение ЭВМ в системах анализа, обработки и представления информации. Сб. науч. тр. — К., 1984. — С. 3—11. 4. Резник Р. В., Казарицкая Т. А. Функциональная грамматика в языковом вузе // Сб. науч. тр. МГПИИЯ им. М. Тореца, 1984. — Вып. 170. — С. 89—97. 5. Степкина Т. Н. Практическая грамматика на базе функционально-семантического подхода. — Воронеж, 1984. — 88 с. 6. Leech G., Svartvik J. A Communicative Grammar of English. — Longman, 1975. — P. 324.

Поступила в редколлегию 18.10.85

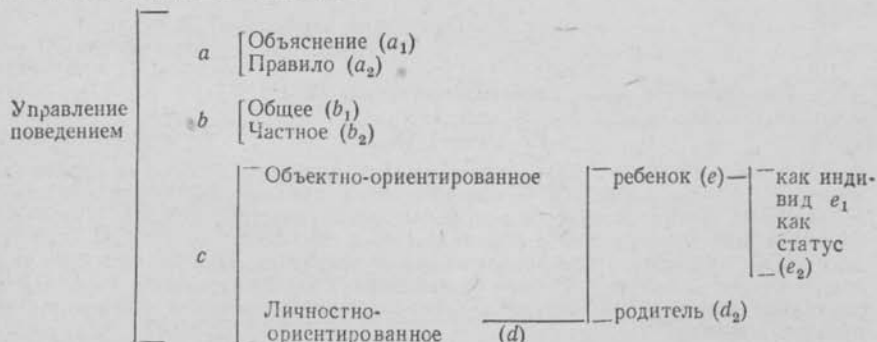
Л. Н. ЧЕРНОВАТЫЙ, канд. пед. наук

Харьков

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СЕТЬ КАК ОСНОВА ПОСТРОЕНИЯ АЛГОРИТМА ОБУЧЕНИЯ

В любой ситуации возможны варианты выбора как на семантическом, так и на грамматическом уровнях*. Например, для воздействия на сына мать может выбрать различные способы управления его поведением, которые колеблются от категоризации в терминах одобрения / неодобрения («I don't like you to do that») до угрозы наказания в случае повторения действия («I'll smack you if you do that again») [4]. Здесь поведение матери описано в плане семантических категорий, но оно может рассматриваться и с точки зрения вариантов их грамматической реализации. Хотя обе системы (семантическая и грамматическая) описывают один и тот же объект, они никак друг с другом не соотносятся. Для их соединения была предложена так называемая «семантическая сеть», т. е. списание поведения в терминах семантических категорий, которые соотносены с ситуацией общения, с одной стороны, и с грамматической системой языка, с другой [там же].

В качестве примера можно использовать фрагмент семантической сети [там же] для категории «управление поведением» в ситуации «мать — ребенок», упоминавшейся выше. Если для достижения поставленной цели мать избрала подкатегорию «объяснение / правило», то дальнейший выбор возможен на основе сочетания следующих факторов:

В данной семантической сети возможны 16 вариантов грамматической реализации семантических выборов (например: $a_1b_1c_1$) — «Playing in that sort of place ruins your clothes»; $a_1b_1d_2$ — «Grown-ups like to be tidy»; $a_1b_1e_2$ —

* Здесь и далее рассматриваются только речевые формы поведения.

«Boys who are well brought up play nice games in the park», т. д.) [там же, с. 32]. Семантическая сеть считается валидной, если все возможные сочетания ее компонентов имеют реальные грамматические реализации в языке.

Информация, содержащаяся в семантических сетях различных коммуникативных категорий, является исключительно ценной для разработки алгоритмов в курсах обучения иностранным языкам с коммуникативной направленностью. Однако, до сих пор семантические сети с подобной целью не строились и в дидактических целях практически не использовались?*

Поэтому представляет несомненный интерес проанализировать возможности использования семантической сети при построении алгоритма для конкретной коммуникативной категории. В качестве материала исследования была выбрана категория «концентрация внимания на различных частях высказывания», которая рассматривалась в ряде работ по функциональной и коммуникативной грамматике [2; 3; 5]. Согласно результатам этих работ, высказывание организуется в соответствии с целями коммуникации. В процессе общения у говорящего возникает потребность сконцентрировать внимание слушающего на определенных частях высказываний. Для этого используются различные языковые средства, включая фонологические, морфологические и синтаксические. Выбор таких средств, в свою очередь, определяется тема-рематическими отношениями, характером компонентов высказывания, на которых необходимо сосредоточить внимание (семантический субъект, семантический объект, действие, т. д.), наличием или отсутствием контраста и др. На основе учета всех этих факторов была предпринята попытка построить семантическую сеть анализируемой категории «Концентрация внимания на различных частях предложения».

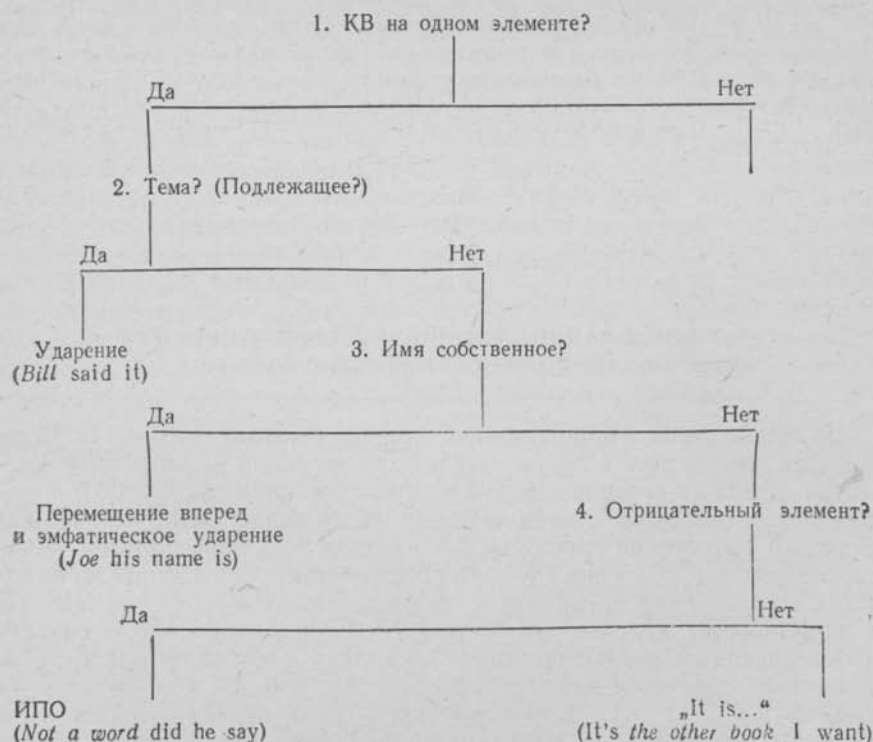

Примечание. KB — концентрация внимания (KB₁ — на одном элементе; KB₂ — на двух); CC — семантический субъект CO — семантический объект; СВС — синтаксическое вспомогательное средство; РК «it» («wh—») — расщепленная конструкция с использованием «it» (слов типа «what», «where», др.); ИПО — инверсия типа «подлежащее — оператор»; ИПГ — инверсия типа «подлежащее — глагол»; И «so» — инверсия с использованием «so»; ПК — пассивная конструкция; отсрочка — перемещение громоздких элементов в конец предложения.

Данная сеть учитывает только основные условия, характерные для выбора средств с целью концентрации внимания в устной речи. При описании таких

* В качестве исключения можно упомянуть работу Д. Уилкинса (см. Wilkins D. A. An Investigation into the Linguistic and Situational Common Core in a Unit/Credit System, — Council of Europe: Strasbourg, 1972).

условий учитывалась в основном их классификация [5]. В анализируемой семантической сети соединены семантические и грамматические признаки. Например, компоненты сети под обозначениями A, b, c, d (частично) и их модификации можно рассматривать как семантические, а остальные — как грамматические. На основе данной семантической сети теоретически возможны следующие варианты сочетаний ее компонентов: 1. (A_1bceh) — «Bill gave it to me»; 2. (A_1bceh_1) — «John told me himself»; 3. (A_1bc_1e, h_2) — «Joe his name is»; 4. ($A_1bc_1e_1gh_3$) — «It's the other book that I want to read»; 5. ($A_1bc_1e_1gh_4$) — «Not a word did he say»; 6. ($A_1b_1c_2h_5$) — «The book was written by Twain»; 7. ($A_1b_1c_2h_6$) — «Here's the milkman»; 8. ($A_1b_1c_2h_7$) — «So did he»; 9. ($A_1b_1c_3dh_8$) — «The job has been done»; 10. ($A_1b_1c_3dh_9$) — «You've spilled coffee on your dress — So I have»; 11. ($A_1b_1c_3dh_{10}$) — «Nick was given a book»; 12. ($A_1b_1c_3dh_{11}$) — «It is unlikely that income tax will be reduced»; 13. ($A_1b_1c_3dh_{12}$) — «All of them were captured except the leader of the gang»; 14. ($A_2b_2h_{13}$) — «His face I am not fond of, but his character I despise»; 15. ($A_2b_2h_{14}$) — «What we need is more time». Так как все гипотетические комбинации компонентов сети имеют реальные грамматические реализации, можно считать, что сеть построена правильно. Это позволяет сконструировать алгоритм действия по выбору грамматических средств для концентрации внимания на различных частях высказывания в устной речи. Для этой цели семантическая сеть очень удобна, так как она сама по себе обладает многими признаками алгоритма. Поэтому при преобразовании семантической сети в алгоритм как тип учебной информации необходима только ее корректировка в плане придания шагам алгоритма инструктивности, а также учет факторов для выбора ряда грамматических форм. При построении алгоритма учитывалась информация [5] и данные, полученные в результате опроса информанта. Условные обозначения алгоритма использованы те же, что и для се-

* Большинство примеров использовано из [5].

мантической сети. В целях экономии места инструкции шагов алгоритма представлены в сокращенном виде. Например, шаг 2 ветви. А реально звучит так: «Определи, должен ли этот (т. е. тот, на котором концентрируется внимание) элемент находиться в начале предложения?». То же касается и других шагов, сохранение полной формулировки которых в рамках данной статьи невозможно, так как полный алгоритм займет слишком много места. В реальном учебном процессе, естественно, рекомендуются полные формулировки шагов алгоритма.

Этот алгоритм является одновременно и средством и программой обучения. Его разделение на четыре большие ветви (А, Б₁, Б₂, В) позволяет организовать обучение таким образом, чтобы обеспечить последовательную отработку ветвей алгоритма. Весь курс обучения целесообразно разделить на пять отрезков, работая в первом из них только с ветвью А, во второй — с ветвями А и Б₁ и т. д., целенаправленно осуществляя усвоение всей информации, содержащейся в алгоритме, и позволяя организовать комплексные упражнения с использованием полного алгоритма на заключительном этапе работы. Естественно, такая организация обучения потребует создания нового комплекса упражнений, так как существующие учебники построены на других принципах и не учитывают дозировку информации в алгоритме. Кажущаяся громоздкость алгоритма не должна пугать, так как опыт [1] показывает, что они быстро и эффективно свертываются в сознании учащихся. Преимущества же применения материализованных типов учебной информации общеизвестны и с большим запасом компенсируют затраты времени на этапе усвоения ориентировочной основы действия.

Список литературы: 1. Черноватый Л. Н., Машенко С. Г. Экспериментальное обучение английскому артиклю на основе алгоритма // Вестн. Харьк. у-та. — 1983. — № 243. — С. 87—92. 2. Duskova L. On some functional and stylistic aspects of the Passive Voice in present day English // *Philologica Pragensia*. — 1971. — V. 14. — № 3. — P. 117—143. 3. Halliday M. A. K. Notes on Transitivity and theme in English // *Journal of Linguistics*. — 1967. — N 3. — P. 37—81. 4. Halliday M. A. K. Towards a sociological semantics // C. J. Brumfit, K. Johnson (eds). *The Communicative Approach to Language Teaching*. — Oxford Univ. Press, 1979. — P. 27—45. 5. Leech G., Svartik J. *A Communicative Grammar of English*. — L., 1975. — 324 p.

Поступила в редколлегию 18.10.85

Е. И. БЕЙДЕР, канд. пед. наук
Харьков

ФУНКЦИОНАЛЬНО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОПИСАНИЯ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

В соответствии с определением, принадлежащим акад. Л. В. Щербе, «вся грамматика в целом, фактически со всеми ее разделами мыслится ... не как «учение о формах», а как сложная система соответствий между смыслами, составляющими содержание речи, и внешними формами выражения этих смыслов, их (смыслов) формальными показателями» [5, с. 69]. Описания этих соответствий, основанные на принципе «от значения (функции) к форме», или, наоборот, от «формы к функции» и, наконец, на синтезе этих принципов следует считать функционально-грамматическими, поскольку в любом из них «... специальным предметом анализа становятся функции грамматических единиц ...» [3, с. 11]. Описания такого рода оказываются по сути своей близкими и приложимыми к описаниям, используемым в курсах обучения иностранному языку, имеющим коммуникативную на-

правленность. Отмеченная близость не случайна, поскольку функциональное направление в лингвистике в значительной мере порождено отношением к языку как к *деятельности*, а не субстанции. Такая концепция закономерно сближает направленность теоретических исследований с нуждами практики обучения языку. Не случайно и то, что лингвисты, являвшиеся сторонниками такого подхода, обращались к проблемам обучения иностранному языку (см., например, по этому поводу [4; 10]).

Вряд ли следует удивляться тому факту, что функциональная грамматика понимается чаще всего как пособие по преподаванию языка [8]. В качестве примера такого практического пособия, в котором содержится солидная теоретическая база, приводится «Функциональная грамматика французского языка» [14].

А. В. Бондарко отмечает практическую направленность функционально-грамматических описаний, основанных преимущественно на принципе «от значения к форме», «от функций к средствам» и их ценность для активного усвоения изучаемого языка [3]. При этом в качестве примера работы, представляющей не только практический, но и теоретический интерес, приводится «Учебник русского языка для иностранных студентов-филологов» [7]. Нельзя не согласиться с А. В. Бондарко, что особый интерес в этом отношении представляет разработка в упомянутом учебнике таких тем, как выражение субъекта, предельности и интенсивности, необходимости, ненужности, гипотетичности, опасения, неуверенности, возможности / невозможности, наличия и отсутствия, принадлежности и т. д. Разработка таких тем, или, точнее, понятийных категорий является по сути попыткой последовательной реализации функционально-грамматического описания, основанного на принципе «от значения к форме». Подобные описания содержатся в заключительной главе книги «Конструкции и обороты современного английского языка», где собраны различные грамматические и лексические способы выражения понятий вероятности, причины, возможности и т. п. [9, с. 4]. Описания такого рода составляют основное содержание пособия «Коммуникативная грамматика английского языка» [13]. Методическая ценность таких работ представляется несомненной. Они могут быть использованы в разных целях, например, в качестве грамматических справочников [15], в качестве учебного материала для проверки заключительных занятий со студентами продвинутого уровня [12], и, наконец, в качестве надежного вспомогательного источника при построении различных курсов обучения иностранному языку, имеющим явно выраженную коммуникативную направленность. Для построения таких курсов необходимо «функциональное расположение и представление материала, отражающее роль разных факторов языка в реальном общении» [6, с. 14], или, иными словами, здесь оказывается необходимой «грамматика функционально-семантических полей и категориальных ситуаций» [3, с. 11]. Однако прямое, непосредственное применение таких описаний в качестве средства семантизации, ведущего к тренировочным и контрольным формам учебной деятельности, представляется методически нецелесообразным в силу того обстоятельства, что они обычно включают *все*

языковые средства передачи некоторого значения, независимо от степени их сложности и употребительности. Примером подобного функционально-грамматического описания, в котором проявляются указанные трудности, может служить работа Хаманна, посвященная представлению времен в английском языке [11]. Таким образом, возникает проблема иерархического расположения языкового материала, подлежащего введению. При этом, если иметь в виду функционально-грамматические описания, то понятийные категории, которым соответствуют усложняющиеся языковые средства, сами должны иметь иерархическую последовательность. Такая «двойная иерархия» была использована нами в процессе обучения иностранному языку по методу языковых задач [1; 2]. Она представляет собой одновременно организацию учебного материала в двух аспектах — языковом и содержательном. Подобное построение материала в разной степени имеет место в разнообразных методических системах, в первую очередь в тех, в которых используются индуктивные методы введения языкового материала. Цель таких функционально-грамматических описаний состоит во введении все более и более сложного языкового материала, а средством для этого является построение параллельной семантической иерархии, состоящей в описании понятий в их постепенно усложняющихся отношениях. Такие описания могут быть применены с первых занятий курса обучения. Например, «ситуация» первой дозы учебного материала состоит в противопоставлении друг другу различных понятий, принадлежащих к одному и тому же классу (например, понятий, принадлежащих к классу плоских геометрических фигур). Это дает возможность ввести структуру двойной номинации. «Ситуацией» второй задачи является противопоставление одной из упомянутых объектов его разновидности (например, противопоставление прямой линии ломаной), что позволяет усложнить первоначальную структуру, введя в нее определение, характеризующее тип линии. В третьей задаче рассматривается отношение части того же объекта ко всему объекту (отрезок как часть линии). Идея притягательности, выраженная таким образом, позволяет ввести ту же структуру с предлогом *of* и т. д.

Таким образом, опыт применения функционально-грамматических описаний приводит нас к выводу, что при соответствующей организации учебного материала в языковом и содержательном аспектах, а также при использовании их в соответствии с конкретными целями и этапами обучения они оказываются достаточно эффективными при обучении иностранному языку.

Список литературы: 1. Бейдер Е. И. Метод языковых задач в системе программированного обучения иностранному языку // Методические зап. по вопр. преподавания иностр. яз. в вузе. — М., 1967. — С. 122—132. 2. Бейдер Е. И. Мотивационный аспект взаимодействия видов речевой деятельности // ИЯВШ. — М., 1981. — С. 19—28. 3. Бондарко А. В. Функциональная грамматика. — М., 1984. — 174 с. 4. Есперсен О. Философия грамматики. — М., 1958. — 386 с. 5. Зиндер Л. Р., Маслов Ю. С. Л. В. Щерба — лингвист-теоретик и педагог. — Л., 1982. — 148 с. 6. Костомарова В. Г., Митрофанова О. Д. Методическое руководство для преподавателей русского языка иностранцам. — М., 1978. — 164 с. 7. Лобанова Н. А., Слесарева И. П. Учебник русского языка для инст-

ранных студентов-филологов: Систематический курс (третий год обучения) / Под ред. В. Г. Гака.— М., 1980.— 204 с. 8. *Слюсарева Н. А.* Проблемы функционального синтаксиса современного английского языка.— М., 1981.— 196 с. 9. *Хорнби А. С.* Конструкции и обороты современного английского языка.— М., 1958.— 285 с. 10. *Щерба А. В.* Языковая система и речевая деятельность.— Л., 1974.— 386 с. 11. *Hamann H.* Die Zeitvorstellung in Englischen, ein Kapitel «funktionaler» Grammatik // Die lebenden Fremdsprachen.— 1951.— Н. 5.— С. 3—18. 12. *Harmer J., Arnold I.* Advanced speaking Skills.— Lnd, 1979.— 343 p. 13. *Leech G., Svartvik I.* A Communicative Grammar of English.— М., 1983.— 378 p. 14. *Martinet A.* Grammaire fonctionnelle du Français.— Paris, 1979.— 273 p. 15. *Roget's Pocket Thesaurus.*— N. Y., 1954.— 427. p.

Поступила в редколлегию 18.10.85

Т. Н. СТЕПКИНА, канд. пед. наук

Воронеж

ДИДАКТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ГРАММАТИЧЕСКОГО АСПЕКТА ИНОЯЗЫЧНОЙ РЕЧИ

Метод моделирования — один из наиболее действенных инструментов современного научного исследования. Оно позволяет осуществить системный подход к описанию любого объекта действительности, раскрыть его структуру, сущность (материальное содержание) и функцию в тесной взаимосвязи. В современной науке под моделями понимаются своеобразные построения, создаваемые для познания разных сторон динамических и статических систем. Так, в языкознании имеются модели, отражающие структуру языковой системы, номенклатуру и семантику составляющих ее микросистем. В психолингвистике смоделированы механизмы построения и восприятия речи. В педагогической психологии представлены модели процесса усвоения, формирования умственных способностей человека. Кибернетика моделирует общие законы процесса управления разнообразными функциональными системами.

Указанные модели имеют непосредственное отношение к предмету нашего исследования — дидактическому моделированию грамматического аспекта иноязычной речи.

При моделировании объекта усвоения нами выделялись две взаимообусловленные стороны: предметно-лингвистическая и деятельность. Первая включала средства функционально-семантической категории аспектуальности, связанные определенной структурой и логикой организации. Вторая была представлена некоторым составом действий и операций по оформлению замысла высказывания средствами избранной языковой микросистемы.

Моделируя предметно-лингвистический объект усвоения, мы исходили из того, что оптимальной можно считать такую модель организации языкового материала, которая бы способствовала практическому овладению необходимыми комплексами языковых средств, семантически и функционально связанных между собой в потоке речи. В нашем случае такой моделью являлась функционально-семантическая модель описания языка. Функционально-семантическая модель

представляет язык как систему комплексов разноуровневых языковых средств (частных подсистем), объединенных общей семантической функцией. При таком подходе языковые средства одноплановой семантики объединяются в функционально-семантическую категорию [3; 2].

Лингвометодическое исследование фактического речевого материала и ознакомление с литературой по аспектологии позволили определить компонентный состав функционально-семантической категории аспектуальности (ФСКА) на материале английского языка. ФСКА включает следующую систему частных категорий и соответствующих им разноуровневых языковых средств и значений:

1. Категория глагольного вида (морфологические средства — формы длительного / недлительного вида; видовые значения — конкретная длительность / отсутствие данного признака у действия [4]);

2. Лексические способы действия (лексические средства — группы глаголов, объединенных общностью акциональных значений, таких как начинательность, финитивность, продолженность, итеративность, процессуальность, статальность и т. д.);

3. Аналитические способы действия, выраженные синтаксическими средствами — свободными сочетаниями фазовых глаголов с инфинитивом или герундием (акциональное значение — соответствующая фаза действия: *stop reading, continue to write*) и аспектуальные конструкции со значением начинательности (*come to realize, get to know, grow to believe, etc.*), акцентированной продолженности (*keep/on/singing*), привичной повторяемости в прошлом (*used to walk, would smile, once*), однократности / многократности (*have a chat, take a ride, give a smile, etc.*);

4. Категория предельности / непредельности (лексико-грамматические средства — оппозиционные классы глаголов, характеризующиеся наличием / отсутствием в их семантике внутреннего предела действия: *eat up/eat, tear up/tear, come/go, say/speak*);

5. Аспектуальный контекст, включающий неглагольные показатели способа протекания действия — обстоятельственные слова, союзы и так называемые фигуры контекста [1], способные в сочетании с другими средствами и самостоятельно выражать самые разнообразные аспектуальные значения (ограниченная / неограниченная длительность действия, однократность / многократность, завершенность / незавершенность, фазовость и т. д.).

Ядром данной функциональной подсистемы выступает морфологическая категория вида (*Continuous / Non — Continuous*). Все другие ее структурные компоненты являются периферийными.

Смоделированный таким образом языковой материал был отражен в ориентировочной карте, которая в дальнейшем использовалась в учебном процессе.

Деятельностная сторона исследуемого объекта (операционная структура процесса оформления замысла высказывания указанными языковыми средствами) раскрывается обучаемым с опорой на схему, которую мы называем учебным алгоритмом.

1. Проецирую замысел на систему значений разноуровневых аспектуальных средств:
 - а) выбираю базовую глагольную единицу (Учитываю дифференциальные признаки акциональных и синонимических рядов).
 - б) соотношу отобранную единицу с видовой формой (Учитываю их семантическую совместимость).
2. Прогнозирую контекстуальную дополняемость морфологически оформленной единицы (Учитываю аспектуальные значения синтаксических фигур контекста и лексических показателей аспектуальных признаков действия).
3. Сверяю результат прогнозирования с замыслом высказывания и оцениваю узуальную характеристику отобранных средств.
4. При несоответствии замыслу и узуальным нормам провожу речевую подстройку (Учитываю возможности эквивалентных замен). При полном соответствии замыслу и узуальным нормам выражаю высказывание во внешней речи.

Проведенное таким образом моделирование языкового объекта усвоения и речевого действия по его использованию в процессе грамматического оформления замысла высказывания позволило определить содержание обучения и построить полноценную ориентировочную основу для учебно-познавательной деятельности студентов первого курса языкового вуза.

Список литературы: 1. Балин Б. М. Немецкий аспектологический контекст в сопоставлении с английским.— Калинин, 1969.— 97 с. 2. Бондаренко А. В. Грамматическая категория и контекст.— Л., 1977.— 210 с. 3. Ломов А. М. Очерки по русской аспектологии.— Воронеж, 1977.— 180 с. 4. Смирницкий А. И. Морфология английского языка.— М., 1959.— 440 с.

Поступила в редколлегию 18.10.85

Э. А. НЕПОМНЯЩАЯ, канд. пед. наук

Харьков

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ КОМПЕТЕНЦИИ В ЧТЕНИИ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ НА НЕЯЗЫКОВЫХ ФАКУЛЬТЕТАХ

Идеи коммуникативной (функциональной) лингвистики имеют значения не только собственно для лингвистики, они значимы и для методики обучения иностранным языкам. В частности, нам представляется перспективным подход, разработанный в ряде моделей функциональной грамматики (например, Н. Хомский и др.), которые предлагают различать в языке два компонента: компетенцию (competence) и функционирование (performance). Под компетенцией понимается потенциальная способность индивида использовать язык в целях коммуникации. Формирование такой компетенции в различных видах речевой

деятельности, безусловно, является одной из целей методической науки.

Первоочередной задачей, стоящей перед преподавателями неязыковых вузов, является задача формирования высокого уровня компетенции в чтении, уровня, достаточного для обеспечения потребностей специалиста (выпускника вуза), в информации при работе с различного рода профессиональной литературой, а также в других видах профессиональной и социальной деятельности. Компетенция в чтении определяется рядом характеристик зрелого чтеца [7; 6 и др.]. Среди них выделяется потребность в чтении, в информации. Основной чертой компетентности чтеца является разнообразие потребностей в литературе и чтении, осознание значимости процесса чтения для будущей профессиональной деятельности. Важную роль играют внутренние мотивы, связанные с самой деятельностью чтения, с овладениями способами действий. Существенной характеристикой зрелого чтеца является также гибкость чтения, т. е. владение разными его видами (при этом выбор определяет цель) и совершенствование технических навыков (скорость и качество решения мыслительных задач).

Эффективность процесса формирования компетенции в чтении, в частности формирования потребности в чтении и его гибкости, зависят от характера управления этим процессом. Между тем в действующих учебниках и учебных пособиях правильность процесса извлечения информации контролируется только по конечному результату.

Покажем процесс формирования компетенции в чтении специальной литературы на неязыковых факультетах на примере Харьковского госуниверситета.

Для обучения способам действий, приемам анализа материала используется, с одной стороны, теория поэтапного формирования умственных действий (П. Я. Гальперин) [3], что с самого начала делает возможным организовать интенсивную внутреннюю активность обучающегося, сделать привлекательным саму деятельность по извлечению информации и тем самым поддержать и развить внутренний мотив. С другой стороны с этой целью разработана и используется система упражнений, направленная на формирование преднастройки [2] и механизма вероятностного прогнозирования, при этом вслед за И. А. Зимней мы исходим из следующей схемы восприятия речевого сообщения, состоящей из четырех взаимосвязанных и взаимовключающих фаз, формирующего уровня функциональной схемы смыслового восприятия: 1) фаза смыслового прогнозирования; 2) фаза вербального сличения; 3) фаза установления смысловых связей между словами и между смысловыми звеньями; 4) фаза смыслового формулирования [4].

Исходя из того, что квалифицированное чтение определяется в первую очередь навыками ориентировки в тексте, мы начинаем обучение студентов с формирования навыков такой ориентировки. С этой целью нами была выделена информационно-смысловая структура текста статьи, ее части. Элементы этой структуры представляют собой контекстуальные ключи, смысловые опорные пункты понимания. К ним относятся макроориентиры — фамилия автора, заглавие, аннотация,

введение, подзаголовки, начальные и конечные абзацы частей (параграфов), графический материал, выводы, библиография, ссылки и микроориентиры—ключевые термины, слова авторского отношения, курсив, определение, цифровые данные, собственные имена, вопросительные и восклицательные предложения. Затем была составлена модель-схема и разработан алгоритм извлечения информации. Студенту предлагаются следующие шаги: «Проверьте, дают ли титульные элементы и данные об авторе достаточно сведений для определения темы, затем обратитесь к заглавию и аннотации для уточнения темы текста; если информации недостаточно, прочтите выводы». Как правило, этих пяти макроориентиров бывает достаточно для ориентировки в тексте. В противном случае для получения необходимой дополнительной информации читающему предлагается вернуться к началу статьи и просмотреть введение, первую и вторую части, опираясь на указанные ему макро- и микроориентиры. Выделенные основные компоненты ориентировочной части действия по извлечению информации — модель структуры текста и алгоритм извлечения информации — и явились объектом формирования на начальном этапе обучения. Для закрепления предложенной модели перед обучающимися ставится серия учебных задач профессионального характера, для решения которых предлагаются тексты с одним, двумя, тремя и т. д. макро-, а затем и микроориентирами [5].

После закрепления навыков общей ориентировки в тексте на следующем этапе осуществляем обучение навыкам полного чтения (чтения с «отработкой», т. е. переходу от общего представления к частям, подробностям, к связи их с другими частями, а затем в обратном порядке от частей к целому, к полному охвату текста).

Для этого в нашем обучении используются три вида упражнений: упражнения, предлагаемые до чтения, во время и после чтения. Упражнения первого типа развивают интерес и формируют установку [2] — активизируют память, мышление, побуждают использовать имеющиеся фоновые и контекстуальные знания; приспособливать способ чтения к его цели.

Приведем некоторые примеры. Дано название проблемы «Энергетика СССР». Преподаватель дает краткую характеристику этой проблемы и спрашивает студентов как они представляют себе ее дальнейшее развитие (в зависимости от этапа обучения и уровня подготовки студентов ответы могут быть даны как на иностранном, так и на родном языке). Затем студентам предлагают текст под названием «Гидростанция» (т. е. тема конкретизируется). Перед тем как студенты приступают к чтению, их просят ответить на ряд вопросов: по этой конкретной теме: 1) где строятся гидростанции; 2) какие электростанции в строительстве дороже — гидро- или теплоэлектростанции; 3) какие станции рентабельнее. Далее дается задание: «Проверьте на основе следующего текста правильность Ваших ответов. Содержатся ли в тексте ответы на эти вопросы?». Используются и задачи другого типа. Студенту задается вопрос: «Как Вы считаете, о чем пойдет речь в статье под названием «Монопольная сверхприбыль». Далее: Читая статью, отметьте какие вопросы (моменты) Вы упомянули, выпишите те

вопросы (моменты), которые Вы не указали. Что же касается упражнения второго типа, они побуждают читающих вести диалог с автором, ставить вопросы, отвечать на них, оценивать факты, прогнозировать дальнейшее изложение.

К упражнениям, предлагаемым во время чтения, можно отнести такие задания: «Прочтите три абзаца текста о теплоэлектростанциях. Ответьте на вопрос, поставленный автором в последнем абзаце: «Почему электростанции менее рентабельны?» Какими еще сведениями об этом типе электростанции Вы обладаете? «Прочтите следующие четыре абзаца. Сравните Ваши мысли с мыслями, высказанными автором». Или же: «В процессе чтения текста заполните графы прилагаемой таблицы». «Озаглавьте прочитанный абзац. Выскажите предположения о том, что будет излагаться в следующем абзаце. Читая следующий абзац, проверьте правильность Ваших предположений».

Третий тип упражнения служит не только проверке понимания, но, что особенно важно, способствует выработке умения полного охвата содержания прочитанного. Студентам предлагают следующие задания: 1) ответьте на вопрос, обращаясь к соответствующим частям текста; 2) выберите из следующих утверждений то, которое наиболее адекватно концепции автора; 3) выпишите ключевые слова из текста (число слов задается и зависит от размера текста); 4) выпишите из текста наиболее важные слова, иллюстрирующие закономерности роста инфляции на современном этапе капитализма; 5) выпишите несколько предложений, выражающих основную мысль текста; 6) упорядочите последовательность следующих вопросов в соответствии с содержанием текста.

Используемые приемы обеспечивают как самоуправление и самоконтроль, так и управление всем процессом чтения со стороны преподавателя. В результате существенно повысились качество и скорость извлечения информации из текста; появилась полноценная учебная мотивация как к данному виду работы, так и иностранному языку в целом, что, в частности, нашло свое отражение в росте показателей инициативности, в характеристиках эмоциональной стороны учения.

Список литературы: 1. Алексеева М. И. Мотиви навчання учнів.— К., 1974.— 201 с. 2. Асмолов А. Г., Петровский В. А. О динамическом подходе к психологическому анализу деятельности // *Вопр. психологии*.— 1978.— № 1.— С. 70—80. 3. Гальперин П. Я. Основные результаты исследования по проблеме «Формирование умственных действий и понятий»: Автореф. дис... д-ра психол. наук.— М., 1965.— 39 с. 4. Зимняя И. А. Опережающее отражение в речевом поведении // *ИЯВШ*.— 1974.— Вып. 8. С. 50—61. 5. Непомнящая Э. А. Управление процессом формирования мотивов учебной деятельности // *Вестн. Харьк. ун-та*.— 1977.— № 159.— *Иностр. яз.*— Вып. 10.— С. 66—70. 6. Шварц Л. М. Психология навыка чтения.— М., 1941.— 191 с. 7. Grey W. S., Rogers B. Maturity in Reading.— Chicago, 1956.— 84 p.

Поступила в редколлегию 18.10.85

Ж. Е. ПОТАПОВА, канд. филол. наук

Харьков

В. М. ТУРЧИН, канд. филол. наук

Ивано-Франковск

ОЦЕНКА ДОСТОВЕРНОСТИ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ВИДОВ СИНОНИМОВ В БИОЛОГИЧЕСКОЙ И МЕДИЦИНСКОЙ ТЕРМИНОСИСТЕМАХ *

Мы уже использовали статистический метод для выявления количества видов синонимов и их удельного веса в биологической (БЛ) и медицинской (МП) терминосистемах (ТС) [2]. Теперь основной задачей является: а) проверка достоверности результатов распределения видов синонимов в двух терминосистемах, т. е. определение относительной ошибки, с которой по данной выборке вычислена частота конкретного вида синонимов; б) определение объема выборки, обеспечивающего вычисление частоты конкретного вида синонимов с заданной относительной ошибкой. Ограничимся обследованием некоторой части синонимов и по полученным результатам будем судить об их совокупности. Однако если по ней приходится судить о целом, то желательно знать, в какой мере факты, относящиеся к части, действительно соответствуют тому, что имеет место в целом. Достоверность выводов о целом, полученных по выборке, должна быть всякий раз указана [3, с. 86—87].

При рассмотрении этой задачи используем метод математической статистики. Измерение достоверности результатов может характеризоваться лишь величиной относительной ошибки. Абсолютная ошибка может быть очень мала, если малы сами измерения величины. Пределы допустимой ошибки задаются, исходя из практических требований. Надо, чтобы даже при самых грубых подсчетах она не превосходила 30 % от измеряемой величины: $\delta = \frac{p-p^*}{p} < 0,3$.

Если необходимы более точные оценки, величины значения задаются в пределах 5 % и т. д. [там же, с. 89]. При статистическом анализе применяется элементарная статистическая формула [1, с. 75], которая в упрощенном виде может быть представлена так: $\delta = \frac{Z_p}{\sqrt{N_p}}$, где δ — относительная ошибка; N —

выборка; p — частота; Z_p — константа, которую определяют по особой таблице приводимой обычно в учебных пособиях по теории вероятностей***.

Сперва убедимся, какие из наших конкретных данных соответствуют буквенному содержанию формулы [2, с. 80]. Объем выборки соответствует совокупности всех видов синонимических парадигм, а частота представляет собой отношение количества исходов (напр., полных синонимов) к общему числу возможных исходов, т. е. к общему числу всех видов синонимических парадигм. Таким образом, для проведения эксперимента мы располагаем всеми данными. Теперь

* Об эффективности статистического метода оценки см. 3. Мы попытаемся приложить данный метод к исследованию ТС.

** Запись $(p - p)$ означает, что разность берется по абсолютной величине. При увеличении объема выборки значение частоты, вычисленное на основании выборки, приближается к значению частоты, существующей в совокупности, т. е. разность между этими значениями приближается к нулю [3, с. 89].

*** Константа Z_p соответствует уровню значимости $p = 0,95$, что дает $Z_p = 2$. решим первую задачу, т. е. определим частоту появления полных синонимов в БЛ терминосистеме. Для наглядности частоту каждого вида определяем в десятичных дробях:

$$p = \frac{439}{2697} \approx 0,16.$$

Это означает, что на 100 синонимических парадигм приходится приблизительно 16 с полными синонимами. Из приведенной формулы определим относительную ошибку:

$$\delta = \frac{2}{\sqrt{2697 \frac{(439)}{(2697)}}} = \frac{2}{\sqrt{439}} = \frac{2}{20,95} = 0,095 \approx 10 \, \%.$$

Вычислим частоту появления полных синонимов с относительной ошибкой 10 %: 10 % от 6 $\approx$ 2.

Поэтому допустимые границы для частоты появления полных синонимов не должны превышать $16 \pm 2 = 14$ или 18 из 100 парадигм четырех видов ТС. Для того, чтобы получить результаты точнее, чем 10 %, следует увеличить выборку. Таким образом, мы переходим к решению второй задачи, а именно, к определению объема выборки. В связи с тем, что нижняя граница относительной ошибки в нашем исследовании не превышает 10 %, зададимся целью, определить объем выборки с точностью до 3 %. Производя выборку, мы заранее не знаем, сколько раз в ней встретятся искомые формы, но можем предусмотреть, чтобы требуемая точность была обеспечена, даже если в данной конкретной выборке встретится минимальное число форм, соответствующее нижней границе. Итак, при определении объема выборки исходим из нижней границы частоты [3, с. 93]. Согласно формуле:

$$\delta = \frac{Z_p}{\sqrt{N_p}}; N = \frac{Z_p^2}{\delta_p^2}; N = \frac{4}{0,03^2 \cdot 0,14} = 31747.$$

Значит, чтобы определить появление полных синонимов с точностью до 3 %, необходимо исследовать не 2697 парадигм, а 32747. Используя полученное процентное соотношение видов синонимов в выборке меньшего объема, можно приблизительно оценить количество видов синонимов в выборке, вычисленной с точностью до 3 %. Но следует помнить, что процентное соотношение видов синонимов при увеличении материала изменяться не должно. В противном случае нужно просмотреть выборку и определить количество видов синонимических парадигм. Если процентное соотношение видов синонимов будет сохраняться и при большей выборке, то количество полных синонимов от общей суммы всех парадигм 31747 будет составлять приблизительно 5145. Аналогичные подсчеты сделаем по двум терминсистемам для четырех видов синонимических парадигм. Результаты подсчетов дадим в таблицах.

Таблица 1. Распределение относительных ошибок и частот между видами синонимических парадигм

Виды синонимических парадигм	Относительная ошибка, %		Частота вида		Допустимые границы появления синонимов с вычисленной относительной ошибкой	
	БЛ	МД	БЛ	МД	БЛ	МД
Полные	10	4	16	63	14—18	60—66
Дистинктивно-семантические	5	6	59	28	56—62	26—30
Частичные	9	16	17	4	15—9	3—5
Комплексные	14	17	7	4	6—8	3—5

Таблица 2. Определение объема выборки с точностью до 3 %

Виды синонимических парадигм	Объем выборок		Количество синонимических парадигм	
	БЛ	МД	БЛ	МД
Полные	31746	7407	5143	4689
Дистинктивно-семантические	7937	17094	4723	5079
Частичные	29630	148148	5037	6370
Комплексные	74074	148148	5407	6074

На основе выборочных данных, пользуясь простейшими методами математической статистики, мы получили не только величины достоверности проделанной работы, но смогли определить, какой объем материала нужно исследовать, чтобы относительная ошибка не превышала 3 %. Согласно статистическим данным, приходим к следующему заключению:

1. С увеличением количества видов синонимических парадигм, т. е. частоты p по отношению ко всей выборке N , уменьшается их относительная ошибка δ и, наоборот, при уменьшении частоты вида синонимов p по отношению ко всей выборке N увеличивается их относительная ошибка δ .

2. При увеличении произведения Np величина δ уменьшается и, наоборот, при уменьшении значения Np величина δ увеличивается.

3. Для определения объема выборки N синонимических парадигм с более низкой относительной ошибкой δ следует ее увеличить для каждого вида синонимов.

4. При уменьшении частоты p появления синонимических парадигм с заданной относительной ошибкой δ увеличивается выборка исследования и, наоборот, при увеличении частоты p вида синонимических парадигм уменьшается выборка N исследования.

5. Если при увеличении выборки процентное соотношение синонимов не изменится, то можно определить точное число конкретного вида из каждой выборки (общей суммы синонимов), в противном случае (при изменении процентного соотношения синонимов) следует просмотреть выборку и определить количество видов.

Список литературы: 1. Ахматова О. С., Мельчук И. А., Падучева Е. Ф. и др. О точных методах исследования языка. — М., 1961. — 330 с. 2. Потапова Ж. Е., Турчин В. М. Отличительные свойства синонимии в биологической и медицинской терминологии // Вестн. Харьк. ун-та. — 1986. — № 290. — Лингвистические и дидактические аспекты исследования германских и романских языков. — С. 78—80. 3. Фрумкина Р. М. Статистические методы изучения лексики. — М., 1964. — 120 с.

Поступила в редколлегию 12.12.85

И. В. ЛИТВИНЕНКО

Харьков

**ПОСТРОЕНИЕ ФОРМАЛИЗОВАННОГО ОПИСАНИЯ
МНОГОКОМПОНЕНТНЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ
В СИСТЕМАХ ОБЩЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА С ЭВМ**

Проблема адекватной формализации многокомпонентных словосочетаний справедливо считается одной из основных в решении задач, связанных с автоматическим анализом текста [1; 5; 6], в частности,

задачи организации диалога человека с ЭВМ на естественном языке (ЕЯ).

Специфика машинного распознавания текста требует четкого указания однозначной последовательности выполняемых ЭВМ действий. Удовлетворение этого требования при анализе естественно-языковых текстов чрезвычайно затруднено в силу присущей единицам естественного языка разных уровней многозначности эллиптичности языковых конструкций, нечеткости границ между отдельными лингвистическими единицами и т. д. Например, словосочетание «намотка якоря двигателя» может пониматься двояко, если релевантным для распознавания являются семантические признаки «устройство» или «процесс» (ср.: «полихлорвиниловая намотка якоря двигателя» и «скоростная намотка якоря двигателя»). Человек в этом случае не испытывает затруднений: его декодирующая деятельность по распознаванию смысла фраз естественного языка базируется на огромном запасе знаний, накопленных в течение жизни (понимание речевого и ситуационного контекста, личный опыт и т. д.). ЭВМ, естественно, не может самостоятельно накопить аналогичный запас знаний, поэтому для понимания таких словосочетаний машиной должны быть определены формальные средства для экспликации подобных смыслоразличительных оппозиций. Подобные ситуации характерны не только для русского, но и для других естественных языков и представляют основную сложность при реализации систем автоматического анализа ЕЯ [2].

Один из путей преодоления указанных трудностей — снабдить ЭВМ требуемым багажом знаний, позволяющим ей быть более равноправным партнером в диалоге с человеком. Однако в силу ограниченности памяти и быстродействия современных ЭВМ это возможно только для отдельных наиболее важных приложений, в частности, для естественно-языкового общения человека с базами данных (БД), характерной особенностью которого является целенаправленность диалога (запрос на получение хранящейся в БД информации) и ограниченность предметной области общения. Ориентация на конкретные приложения позволяет выделить в ЕЯ некоторое ограниченное подмножество (ОЕЯ), достаточное для удовлетворения коммуникативных потребностей человека в рамках этих приложений и поддающееся формализованному описанию.

Традиционно используемые для описания искусственных языков формализмы оказываются (в силу приведенных выше причин) мало пригодными в случае ОЕЯ. Нами предложен метод описания ОЕЯ, позволяющий в известной степени преодолеть недостатки традиционного подхода. В рамках этого метода сделана попытка объединить в пределах одного формализма два сложившихся в лингвистике понимания понятия «словосочетание». Известно, что лингвисты рассматривают словосочетание, с одной стороны, как результат объединения слов [8; 7], а с другой, как результат сегментирования предложения [3]. На наш взгляд, представляется целесообразным видеть в словосочетаниях объединение слов (направление от частного к целому), свойства которых во многом определяются предложением

и даже сверхфразовыми единицами, в рамках которых происходит функционирование словосочетаний ЕЯ (направление от целого к частному). Конечно, соотношение частного и целого в языке далеко не сводится к указанной простой схеме [10], однако попытка с помощью формальных средств учесть оба направления в отношениях между лингвистическими единицами везде, где это возможно, может оказаться весьма плодотворной.

Формализация в направлении от компонент к целому вполне согласуется с НС-традицией [9] и выражается в описании речевых единств с помощью правил контекстно-свободной (КС) грамматики, однако такие правила не могут дифференцировать словосочетания, распознавание которых зависит от семантических критериев.

Так, например, синтаксис словосочетаний типа «намотка якоря двигателя» вполне может быть описан следующими КС-правилами:
группа_прилагательных ::= прилагательное / группа_прилагательных прилагательное;

определятельная_группа ::= существительное / группа_прилагательных существительное;

именная_группа ::= определятельная_группа / именная_группа определятельная_группа;

где лексико-синтетические классы *существительное* и *прилагательное* определяются на основе традиционных классификационных признаков.

В то же время изобразительная сила традиционной КС-грамматики не позволяет, в частности, описать процесс определения принадлежности анализируемых правил к конкретному семантическому классу.

Для увеличения изобразительной силы КС-грамматик и построения формализма, пригодного для описания ОЕЯ, предлагается использовать грамматику, в которой применение синтаксических КС-правил определяется не только самим видом правила, но и некоторым семантическим условием. Кроме того, применение правила грамматики может сочетаться с выполнением дополнительно определенных семантических действий. Причем, в качестве основания для сравнения признаков (атрибутов) предлагается использовать информацию любого уровня от морфологического до семантического, ибо, как пишет Р. Якобсон: «Важной структурной особенностью языка является то, что ни на одной из стадий расчленения высших единиц на составляющие их части невозможно встретить фрагменты, которые не несут никакой информации» [10, с. 304].

Так, для разграничения словосочетания «намотка якоря двигателя» (процесс) от словосочетания «намотка якоря двигателя» (условие) можно ввести, например, такое семантическое условие: если один из атрибутов *группа_прилагательных* есть «процесс», то присвоить атрибут *процесс* всей определятельной группе, в противном случае всей определятельной группе присвоить атрибут *устройство*.

Описанный ниже упрощенный пример показывает взаимодействие КС-правил и предлагаемого механизма их усиления.

Правило s- NPh BE ADJPh описывает контекстно-свободные свойства английских предложений типа *He is a doctor, The girl is naughty* и т. д., где NPh — грамматический класс *группа существительного*, BE — грамматический класс различных времен глагола *to be*, ADJPh — класс адективных фраз.

Правила усиления описательной силы грамматики (в данной работе полностью формулируются на естественном языке, следующие: если синтаксическое число NPh нельзя установить, то оно полагается равным синтаксическому числу BE; если NPh и BE имеют разное морфологически выраженное число, то предложение неправильное; присвоить атрибут *носитель признака* грамматическому классу NPh в предложении S; присвоить атрибут *признак* грамматическому классу ADJPh в предложении S; объединить атрибуты группы существительного с атрибутами группы адективных фраз.

Не все указанные правила универсальны по отношению к описываемому естественному языку. Типологические особенности конкретного ЕЯ в определенной степени влияют на форму и вид правил и должны быть учтены при формальном описании языковых явлений [4].

В целом, благодаря предложенным дополнительным средствам формализации языкового описания, удалось добиться большей эффективности алгоритма анализа текста, построенного на основе этого описания.

Список литературы: 1. Автоматизация анализа научного текста. — К., 1984. — 255 с. 2. Виноград Т. Программное обеспечение систем, работающих с естественными языками // В мире науки. — 1984. — № 11. — С. 46—60. 3. Звягинцев В. А. Предложение и его отношение к языку и речи. — М., 1976. — 236 с. 4. Литвиненко И. В. Роль типологических особенностей естественного языка при реализации естественно-языкового общения с автоматизированной базой данных // Вестн. Харьк. ун-та. — 1986. — № 290. — С. 47—51. 5. Мальковский М. Г. Диалог с системой искусственного интеллекта. — М., 1985. — 213 с. 6. Попов Э. В. Общение с ЭВМ на естественном языке. — М., 1982. — 360 с. 7. Русская грамматика: В 2-х т. — М., 1982. — Т. 2. — 709 с. 8. Современный русский язык: Ч. 2: Синтаксис / Под ред. Розенталя Д. Э. — М., 1979. — 256 с. 9. Хомский Н. Аспекты теории синтаксиса. — М., 1972. — 301 с. 10. Якобсон Р. Часть и целое в языке // Избранные работы. — М., 1985. — С. 301—305.

Поступила в редколлегию 17.09.85

Скребнев Ю. М. Коммуникативный синтаксис как отрасль коммуникативной лингвистики	3
Плоткин В. Я. Соотношение коммуникации, высказывания и предложения в функционально-грамматическом аспекте	7
Черняховская Л. А. Смысловая грамматика текста	12
Крупаткин Я. Б., Мельников Г. П. О коммуникативной функции словосочетаний	15
Минкин Л. М. К построению грамматики речи	20
Железняк Н. А., Перебийнос В. И. Глагольно-предложная сочетаемость в функционально-коммуникативном аспекте	23
Тарасова Е. В. Некоторые типологические особенности выражения прошедшего времени в английском и русском языках	27
Мартьянук А. П. «Женская» речь и проблемы общения	30
Ушакова Т. М. Об одном эксплицитном способе выражения говорящего субъекта во французской эмоционально окрашенной речи	34
Ретунская М. С. Условия формирования оценочных номинаций в процессе коммуникации	37
Ещенко Ю. Ф. Проблема теории частей речи в коммуникативном аспекте	41
Дородных А. И. К вопросу речевого взаимодействия	45
Тимошенкова Т. М. Прагматическая обусловленность выбора именного или глагольного средства языковой номинации	50
Ейгер Г. В. Психолингвистический аспект паронимии	53
Денисов О. И. Некоторые структурно-семантические особенности атрибутивных групп в современном английском языке	57
Одиноква В. И. Особенности формирования метафорической валентности в бинарной метафорической конструкции $N_1 + de + N_2$	60
Зиновьева В. Л. Основные типы смыслов глаголов stand, sit, lie	65
Донец П. Н. Вторичные национально-культурные наименования в немецких текстах	68
Адамский В. И. Роль метафоризации в пополнении военной терминологии	73
Розенбаум Е. М. Языковые компоненты обучения диалогической речи	76
Гохлернер М. М., Ковалева А. П. О некоторых элементах деловых игр	80
Носенко Э. Л., Гребенюк Н. Д. Оценка эффективности функционально-ориентированных грамматических упражнений	83
Черноватый Л. Н. Семантическая сеть как основа построения алгоритма обучения	87
Бейдер Е. И. Функционально-грамматические описания при обучении иностранному языку	90
Степкина Т. Н. Дидактическое моделирование грамматического аспекта иноязычной речи	93
Непомнящая Э. А. Проблема формирования компетенции в чтении при обучении иностранным языкам на неязыковых факультетах	96
Потапова Ж. Е., Турчин В. М. Оценка достоверности распределения видов синонимов в биологической и медицинской терминосистемах	100
Литвиненко И. В. Построение формализованного описания многокомпонентных словосочетаний в системах общения человека с ЭВМ	102

434-12